ГАНГСТЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ДЭШИЛ ХЭММЕТ

ПРОКЛЯТИЕ ДЕЙНОВ

Кровавая жатва

Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшил Хэммет. КРОВАВАЯ ЖАТВА
1. ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЕНОМ И МУЖЧИНА В СЕРОМ
2. ЦАРЬ ОТРАВИЛЛА
3. ДИНА БРАНД
4. ХАРРИКЕЙН-СТРИТ
5. СТАРИК ИЛАЙХЬЮ СОГЛАСЕН ПОГОВОРИТЬ ТОЛКОВО
6. ЗАВЕДЕНИЕ ШЕПОТА
7. «ПОЭТОМУ Я ВАС И ПОВЯЗАЛ»
8. СТАВКА НА МАЛЫША КУПЕРА
9. ЧЕРНЫЙ НОЖ
10. ТРЕБУЮТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ЛЮБОЙ ДАВНОСТИ
11. ПОТРЯСАЮЩИЙ ЧЕРПАК
12. НОВЫЙ КУРС
13. ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ
14. МАКС
15. РЕСТОРАН «КЕДРОВАЯ ГОРКА»
16. ДЖЕРРИ СХОДИТ СО СЦЕНЫ
17. РЕНО
18. ПЕЙНТЕР-СТРИТ

19. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
20. НАСТОЙКА ОПИЯ
21. СЕМНАДЦАТОЕ УБИЙСТВО
22. ЛЕДОЛОМ
23. МИСТЕР ЧАРЛЗ ПРОКТОР ДОН
24. РАЗЫСКИВАЕТСЯ…
25. ВИСКИТАУН
26. ШАНТАЖ
27. СКЛАДЫ

Аннотация

Действие разворачивается в 1920-х годах в небольшом городе Отервилл, который все называют Отравилл. В город приезжает сотрудник детективного агенства «Континентал», вызванный редактором местной газеты Дональдом Уилсоном. В день приезда оперативник узнаёт, что Дональд Уилсон убит.

Дэшил Хэммет
КРОВАВАЯ ЖАТВА

1. ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЕНОМ И МУЖЧИНА В СЕРОМ

Впервые город Отервилл назвали при мне Отравиллом в Бате, в заведении «Большой пароход». Но рыжий блатняга Хики Дьюи, от которого я это услышал, доберманов звал доброманами, так что я не удивился тому, как он вывернул название города. Впоследствии я услышал то же самое от людей, которым правильное произношение давалось полегче. Но я долго еще держал такое название за бессмысленную игру слов — люди ведь по-разному переиначивают слова, например, из полиглотки делают Полли-глотку и так далее. Через несколько лет я попал в Отервилл и тут уж сам разобрался, что к чему.

Из автомата на вокзале я позвонил в редакцию «Геральда», попросил Дональда Уилсона и доложил о прибытии.

— Вы можете приехать ко мне домой в десять вечера? — Голос у него был живой и приятный. — Адрес: бульвар Маунтин, дом 2101. Сядете в трамвай на Бродвее, доедете до Лорел-авеню и пройдете два квартала к западу.

Я пообещал так и сделать. Потом отправился в гостиницу «Грейт Вестерн», забросил туда чемоданы и вышел взглянуть на город.

Отервилл изысканностью не отличался. Строителей его явно тянуло к украшательству. Поначалу, может быть, что-то у них и получалось. Но потом кирпичные трубы сталеплавильных заводов, торчавшие в южной части на фоне угрюмой горы, прокоптили все вокруг желтым дымом до полного унылого единообразия. В результате получился уродливый город с населением в сорок тысяч человек, лежащий в уродливой впадине меж двух уродливых гор, сверху донизу пропитанных угольной пылью от рудников. Над всем этим расстилалось перепачканное небо, которое словно выползло из заводских труб.

Первому полицейскому, которого я увидел, не мешало бы побриться. У второго на потрепанном мундире не хватало пары пуговиц. Третий управлял движением на главном перекрестке — Бродвея и Юнион-стрит — с сигарой в зубах. На этом я свое обследование закончил.

В девять тридцать вечера я сел на Бродвее в трамвай и начал выполнять указания, которые дал мне Дональд Уилсон. Они привели меня к угловому дому на лужайке за живой изгородью.

Горничная, открывшая дверь, сказала, что мистера Уилсона нет дома. Пока я объяснял, что у нас назначена встреча, к двери подошла стройная блондинка в чем-то зеленом шелковом, лет около тридцати. Она улыбнулась, но жестокость из ее голубых глаз не исчезла. Я объяснился повторно.

— Мужа сейчас нет. — Она еле заметно шепелявила. — Но если вы условились, он, вероятно, скоро приедет.

Женщина провела меня наверх — в красно-коричневую комнату, выходившую окнами на Лорел-авеню. Там было много книг. Мы сели в кожаные кресла, вполоборота к каминной решетке, за которой пылал уголь, и миссис Уилсон приняла выяснять, какие у меня дела с ее мужем.

— Вы живете в Отервилле? — спросила она для начала.

— Нет. В Сан-Франциско.

— Но вы здесь не первый раз?

— Первый.

— Правда? Как вам нравится наш город?

— Я еще мало видел. (Это была ложь. Я видел достаточно). Я приехал только сегодня днем.

— Невеселое место, — сказала она, — сами увидите.

И тут же вернулась к допросу:

— Наверное, все шахтерские города такие. Вы занимаетесь горным делом?

— Сейчас нет.

Она посмотрела на каминные часы и заметила:

— Невежливо со стороны Дональда заставлять вас ждать так долго после работы.

Я сказал, что это не страшно.

— Хотя, может быть, вы не по делу? — предположила она.

Я промолчал.

Женщина рассмеялась — коротко и резко.

— Я не всегда такая любопытная, — сказала она весело. — Но у вас такой загадочный вид — просто нельзя удержаться. Может быть, вы бутлегер? Дональд так часто их меняет.

Я состроил ухмылку, из которой она могла делать любые выводы.

Внизу зазвонил телефон. Миссис Уилсон протянула к огню ноги в зеленых туфельках и притворилась, будто не слышит звонка. Интересно, зачем ей это понадобилось.

Она начала новую фразу: «Боюсь, мне придет…» — и замолкла, увидев на пороге горничную.

Горничная объявила, что хозяйку просят к телефону. Миссис Уилсон извинилась и вышла

вслед за горничной. Вниз она не пошла, а говорила откуда-то поблизости.

Я услыхал: «Миссис Уилсон слушает… Да… Как вы сказали? Кто? Вы не можете говорить погромче? Что?! Да… Да… Кто это говорит? Алло! Алло!»

Звякнул телефонный рычажок. По коридору зазвучали быстрые шаги.

Я поднес к сигаре спичку и смотрел на огонь, пока не услышал, что миссис Уилсон спускается по лестнице. Тогда я подошел к окну, приподнял уголок шторы и стал смотреть на Лорел-авеню и на белый кубик гаража, пристроенного к дому.

Стройная женщина в темном пальто и шляпе вышла из дома и поспешно направилась к гаражу. Это была миссис Уилсон. Она уехала в закрытом «бьюике». Я вернулся в свое кресло и стал ждать.

Прошло три четверти часа. В пять минут двенадцатого на улице завизжали автомобильные тормоза. Через две минуты миссис Уилсон вошла в комнату. Пальто и шляпу она сняла. Лицо у нее было белое, глаза потемнели.

— Мне страшно жаль, — сказала она, тонкие губы ее подрагивали, — но вы прождали напрасно. Мой муж сегодня не придет.

Я сказал, что завтра утром позвоню ему в ре-

дакцию.

Уходя, я думал о том, откуда взялось на носке ее зеленой туфли мокрое пятно, которое вполне могло сойти за кровь.

Я дошел до Бродвея и сел в трамвай. До гостиницы оставалось три квартала, когда у бокового входа в муниципалитет я увидел толпу и вышел посмотреть, что происходит.

Тридцать — сорок мужчин и несколько женщин стояли на тротуаре и смотрели на дверь с надписью «Полиция». Здесь были шахтеры и сталевары, еще не снявшие рабочую одежду, щеголеватые парни из бильярдных и дансингов, гладко прилизанные типы с цепкими глазами на бледных лицах, мужчины с унылой внешностью респектабельных отцов семейства, две-три такие же унылые и респектабельные женщины и несколько ночных красавиц.

Я остановился в стороне рядом с коренастым человеком в мятом сером костюме. Цвет лица у него был под стать костюму, и даже толстые губы казались серыми, хотя лет ему было не больше тридцати. Лицо широкое, с крупными чертами и умное. Единственный цвет, кроме серого, был представлен красным галстуком, пламеневшим на серой рубашке.

— Что за шум? — спросил я.

Прежде чем ответить, человек тщательно осмотрел меня, словно хотел удостовериться, что сообщение попадет в надежные руки. Глаза у него были такие же серые, как одежда, но из материала пожестче.

— Дон Уилсон отправился воссесть рядом с Господом, если, конечно, Господь его примет такого — сплошь в дырках.

— Кто его застрелил? — спросил я.

Серый человек поскреб в затылке и сказал:

— Тот, кто в него стрелял.

Мне была нужна информация, а не остроумие. Можно было бы попытать удачи с кем-нибудь другим, но красный галстук меня заинтересовал. Я сказал:

— Я здесь человек новый. Можете острить дальше. Приезжие для этого и существуют.

— Дональда Уилсона, эсквайра, издателя утреннего и вечернего «геральдов», нашли недавно на Харрикейн-стрит, застреленного неизвестными лицами, — пропел он скороговоркой. — Теперь не так обидно?

— Спасибо. — Я дотронулся до его галстука. — Это что-нибудь означает? Или просто так носите?

— Я Билл Куинт.

— Черт побери! — воскликнул я, пытаясь сообразить, что бы это значило. — Ей-Богу, рад с вами познакомиться!

Я выудил из кармана бумажник и быстро перебрал пачку визиток, которые собрал в разных местах разными способами. Я искал красную карточку. Она удостоверяла, что я Генри Ф. Нилл, матрос первого класса, надежный член организации «Индустриальные рабочие»[1].

Во всем этом не было ни единого слова правды.

Я передал карточку Биллу Куинту. Он внимательно, с обеих сторон, прочел ее, отдал обратно и осмотрел меня от шляпы до башмаков без особого доверия.

— Ну, он уже не воскреснет, — сказал Куинт. — Вам в какую сторону?

— В любую.

Мы пошли рядом и завернули за угол — вроде бы без всякой цели.

— Что вам здесь делать, если вы матрос? — спросил он небрежно.

---

[1] Примечания: 1

«Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) — одна из самых боевых и прогрессивных профсоюзных организаций США в 20-е годы. Основана в 1905 г. — *Примеч. пер.*

— Откуда вы это взяли?

— Из карточки.

— У меня и другая есть, там написано, что я лесоруб, — сказал я. — Хотите, чтобы я стал шахтером, — завтра достану и такую.

— Не достанете. Здесь их выдаю я.

— А если придет распоряжение из Чикаго?

— Да пошел он, ваш Чикаго. Здесь их выдаю я. — Он кивнул на дверь ресторана и осведомился: — Зайдем?

— Я вообще-то непьющий — когда нечего выпить.

Мы прошли через ресторанный зал и поднялись на второй этаж, там вдоль длинной стены тянулась стойка бара и были расставлены столики. Билл Куинт кивнул и сказал «привет» кое-кому из парней и девушек, сидевших у стойки и за столами, а меня провел в одну из кабинок с зелеными занавесками.

Потом мы часа два пили виски и разговаривали.

Серый человек понимал, что у меня нет никаких прав на карточку, которую я ему показал, равно как и на ту, о которой я говорил. Он понимал, что я вовсе не принадлежу к честным

«уоббли»[2]. Как заправила «Индустриальных рабочих мира» в Отервилле, он считал своим долгом докопаться до моей сути и при этом не дать мне выудить из себя ни полслова о делах городских радикалов.

Меня это устраивало. Я интересовался общим положением дел в Отервилле. Об этом Куинт был не прочь побеседовать. Время от времени он небрежно пытался выяснить, какое отношение я имею к красным карточкам.

Я извлек из него следующее.

Сорок лет подряд Отервиллом безраздельно правил старик Илайхью Уилсон — отец того Уилсона, которого убили сегодня вечером. Он был президентом и главным акционером Горнодобывающей корпорации Отервилла, Первого Национального банка, владельцем обеих городских газет — «Морнинг Геральд» и «Ивнинг Геральд» — и хозяином — по крайней мере, наполовину — почти всех сколько-нибудь сто́ящих здешних предприятий. Помимо этой собственности, ему принадлежал сенатор Соединенных Штатов, парочка членов Палаты представителей, губернатор, мэр и большинство законодателей

[2] Примечания: 2

От *«wobble»* — качаться из стороны в сторону, вилять, колебаться; жаргонное прозвище членов ИРМ. — *Примеч. пер.*

штата. Илайхью Уилсон — это и был, в сущности, Отервилл, а может быть, даже — почти штат.

Во время войны ИРМ, процветавшая тогда повсюду на Западе, сумела сколотить рабочую организацию в Горнодобывающей корпорации Отервилла. Рабочий люд здесь был, мягко говоря, не слишком избалован. Организация воспользовалась новой ситуацией и выдвинула кое-какие требования. Старик Илайхью пошел на небольшие уступки, а затем затаился в ожидании.

Его час настал в 1921 году. Дела пошли скверно. Старика Илайхью не волновало, что предприятия на время придется закрыть — все равно от них было мало толку. Он разорвал соглашения, заключенные с рабочими, и стал пинками загонять их на место — туда, где они были до войны.

Конечно, раздался крик о помощи. Из штаб-квартиры ИРМ, находившейся в Чикаго, сюда прислали Билла Куинта. Он выступил против стачки, осудил открытый невыход на работу и посоветовал применить старый прием — саботаж, то есть оставаться на рабочих местах и не расходовать силы. Но отервиллским ребятам этого было мало. Они хотели действовать, хотели попасть в историю рабочего движения. И забастовали.

Стачка длилась восемь месяцев. Обе стороны потеряли много крови — в фигуральном смысле. «Уоббли» отдали ее и в буквальном. Старик Илайхью нанял для кровопусканий бандитов, штрейкбрехеров, национальную гвардию, даже части регулярной армии. Когда был проломлен последний череп и хрустнуло последнее ребро, в рабочей организации Отервилла осталось столько же пороха, сколько в отгоревшей хлопушке.

И все же, сказал Билл Куинт, старик Илайхью слегка просчитался. Он задавил стачку, но потерял власть над городом и штатом. Чтобы одолеть шахтеров, ему пришлось дать полную волю своим наемным головорезам. Когда битва закончилась, он не сумел от них избавиться. Старик Илайхью уже отдал им город, и забрать его назад не хватило силенок. Отервилл приглянулся бандюгам, и они здесь окопались. Они выиграли для старика бой, а город взяли себе в уплату за труды. Открыто порвать с ними Илайхью не мог. У костоломов было что порассказать о нем. Старик нес ответственность за все, что они понавытворяли во время стачки.

Дойдя до этого места, мы с Биллом Куинтом уже порядком набрались. Он осушил еще стакан, отбросил волосы, которые лезли ему в глаза, и

обрисовал нынешнее положение:

— Сейчас, пожалуй, в самой большой силе Пит Финн. Вот это, что мы пьем, — его товар. Потом еще есть Лу Ярд. Он дает деньги в рост и занимается выкупом под залог. Завел контору на Паркер-стрит, скупает там, говорят, почти весь левый товар в городе и корешит с Нунаном, шефом полиции. Потом еще этот парень Макс Талер, по прозвищу Шепот, у него тоже много дружков. Такой чернявый, гладкий паренек, у него с горлом что-то не в порядке. Не может говорить громко. Игрок. Вот эта троица, за компанию с Нунаном, помогает Илайхью управлять городом — только помощи от них больше, чем ему надо. Но старику приходится с ними водиться, а то…

— А где в этой раскладке парень, которого сегодня пришили, сын Илайхью? — спросил я.

— Был там, куда его папаша поставил, и вот где он теперь…

— Ты хочешь сказать, что сам старик велел его…

— Возможно, но, по-моему, вряд ли. Этот Дон, когда вернулся домой, стал редактировать папашины газеты. Старый черт, хоть и стоит одной ногой в могиле, все еще норовит брыкаться. Он привез парня с этой француженкой из Парижа

и сделал из него себе обезьянку — хорошо придумал, по-отцовски. Дон начал в своих газетах кампанию за реформы: очистить городок от преступности и коррупции. Это значит, если доводить дело до конца, очистить его от Пита, Лу и Шепота. Понял? Старик использовал парня, чтобы встряхнуть их как следует. Так вот, по-моему, ребятам это надоело.

— А по-моему, в твоей раскладке не все сходится, — сказал я.

— В этом паршивом городишке многое не сходится. Будешь еще пить эту бурду?

Я сказал, что не буду. Мы вышли на улицу. Билл Куинт объявил, что живет в гостинице «Шахтерская» на Форест-стрит. Нам было по пути, и мы пошли вместе. Возле моей гостиницы стоял мясистый парень, похожий на полицейского в штатском, и разговаривал с пассажиром большого автомобиля.

— В машине — Шепот, — сказал мне Билл Куинт.

Я заглянул за плечо мясистому и увидел Талера в профиль. Он был маленький, молодой и смуглый, с красивыми чертами лица, будто выточенными острым резцом.

— Аккуратный, — сказал я.

— Угу, — согласился серый человек. — Динамит в упаковке — он тоже аккуратный.

2. ЦАРЬ ОТРАВИЛЛА

«Морнинг Геральд» посвятила две страницы Дональду Уилсону и его смерти. На фотографии у него было приятное умное лицо — вьющиеся волосы, смешливые рот и глаза, на подбородке ямочка, галстук в полоску.

Описание смерти не отличалось сложностью. Вчера вечером в десять сорок в Дона всадили четыре пули: в живот, грудь и спину. Он умер мгновенно. Произошло это на Харрикейн-стрит, в квартале, где шли дома с номерами от 1100 и дальше. Жильцы, выглянувшие на выстрелы, увидели, что на тротуаре лежит человек. Над ним стояли, нагнувшись, мужчина и женщина. Было темно и плохо видно. Когда люди выскочили на улицу, мужчина и женщина уже исчезли.

Никто не разобрал, как они выглядели. Никто не видел, куда они скрылись.

В Уилсона выстрелили шесть раз из пистолета калибра 8,13 миллиметра. Две пули в него не попали и засели в фасаде дома. Проследив траекторию этих пуль, полиция выяснила, что стреляли из узкого проулка на другой стороне.

Вот все, что стало известно.

«Морнинг Геральд» в передовице излагала короткую историю борьбы своего покойного редактора за общественные реформы и выражала мнение, что его убили те, кто не хотел, чтобы Отервилл был очищен. «Геральд» писала, что если шеф полиции хочет доказать свою непричастность к делу, ему следует срочно поймать и представить суду убийцу или убийц. Статья была откровенная и злая.

Я дочитал ее за второй чашкой кофе, вскочил на Бродвее в трамвай, сошел на Лорел-авеню и направился к дому убитого.

Когда мне оставалось всего полквартала, направление моих мыслей и шагов изменилось.

Передо мной переходил улицу невысокий молодой человек, одетый в коричневое трех оттенков. У него было смуглое красивое лицо. Это был Макс Талер, он же Шепот. Я оказался на углу бульвара Маунтин как раз вовремя, чтобы увидеть, как нога в коричневой штанине исчезает в дверях дома покойного Дональда Уилсона.

Я вернулся на Бродвей, нашел аптеку с телефонной будкой, отыскал в справочнике домашний номер Илайхью Уилсона, позвонил туда и сказал кому-то, кто назвался секретарем старика, что

Дональд Уилсон вызвал меня из Сан-Франциско, что мне известно кое-что с его смерти и что я хочу видеть Уилсона-старшего.

Когда я повторил это достаточно выразительно, меня пригласили приехать.

Секретарь — худой, бесшумный человек лет сорока с острым взглядом — ввел меня в спальню. Царь Отравилла сидел в постели.

У старика была небольшая и почти абсолютно круглая голова, покрытая коротко стриженными седыми волосами. Уши у него были такие маленькие и так плотно прилегали к голове, что не нарушали впечатления сферичности. Нос тоже был маленький, в одну линию с костистым лбом. Прямой рот перерезал окружность, прямой подбородок отсекал ее от шеи, короткой и толстой, уходившей в белую пижаму между квадратными мясистыми плечами. Одну руку — короткую, плотную, с толстыми пальцами — он держал поверх одеяла. Глаза у него были крошечные, круглые, голубые и водянистые. Они словно прятались за водянистой пленкой под кустистыми седыми бровями и ожидали момента, когда можно будет выскочить и что-то углядеть. К такому человеку в карман не полезешь, если не слишком уверен в ловкости рук.

Старик резко дернул круглой головой, приказывая мне сесть рядом с кроватью, тем же способом отослал секретаря вон и спросил:

— Ну, что там насчет моего сына?

Голос у него был грубый. Слова он произносил не очень-то разборчиво, потому что его грудь принимала в этом слишком много участия, а губы слишком мало.

— Я из сыскного агентства «Континентал», отделение в Сан-Франциско, — сообщил я ему. — Два дня назад мы получили от вашего сына чек и письмо с просьбой прислать человека для работы. Я этот человек. Вчера вечером Дональд Уилсон попросил меня приехать к нему домой. Я приехал, но он не появился. Когда я вернулся в центр, то узнал, что его убили.

Илайхью Уилсон с подозрением воззрился на меня и спросил:

— Ну и что?

— Пока я ждал, ваша невестка поговорила по телефону, уехала, вернулась — ее туфля была запачкана чем-то похожим на кровь — и сказала, что мужа дома не будет. Его застрелили в десять сорок. Она уехала в десять двадцать, вернулась в одиннадцать ноль пять.

Старик сел поудобнее в постели и нашел много

определений для молодой миссис Уилсон. Когда запас этих слов у него наконец исчерпался, в груди еще оставалось немного воздуха. Он употребил его на то, чтобы рявкнуть на меня:

— Она уже в тюрьме?

Я сказал, вряд ли.

Ему не понравилось, что она еще не в тюрьме. Это его рассердило. Он прорычал много такого, что не понравилось мне, и в конце осведомился:

— Какого черта вы ждете?

Он был слишком стар и слишком болен, чтобы схлопотать от меня по физиономии. Я засмеялся и сказал:

— Жду улик.

— Улик? Каких еще улик? Вы что…

— Не будьте идиотом, — прервал я его завывания. — Зачем ей было его убивать?

— Потому что она французская шлюха! Потому что она…

В двери появился испуганный секретарь.

— Вон отсюда! — заорал Илайхью Уилсон, и тот исчез.

— Она ревнива? — спросил я, пока старик не принялся орать снова. — Я, пожалуй, расслышу, даже если вы не будете вопить. Я теперь пью дрожжи, и глухота почти прошла.

Он уперся кулаками в бугры ляжек под одеялом и выпятил в мою сторону квадратный подбородок.

— Я человек больной и старый, — сообщил он, цедя сквозь зубы каждое слово, — но я сильно настроен встать и как следует пнуть вас в задницу.

Не обратив на это внимания, я повторил:

— Она его ревновала?

— Она ревнива, — сказал он, уже без крика, — и испорченна, и подозрительна, и скупа, и зла, и бессовестна, и лжива, и эгоистична, и вообще омерзительна — вся, с головы до ног, черт бы ее побрал!

— Причины для ревности были?

— Надеюсь, — сказал он злобно. — Противно думать, что мой родной сын хранил ей верность. Хотя, вполне возможно, так и было. Он такой. Это на него похоже.

— Но поводов для убийства у нее не было?

— Каких еще поводов? — Он опять перешел на рев. — Говорят же вам, что…

— Угу. Говорят. Но это ничего не значит. Детский лепет.

Илайхью Уилсон запрокинул багровое лицо и завопил:

— Стэнли!

В открывшуюся дверь проскользнул секретарь.

— Вышвырни этого подонка! — приказал ему хозяин, потрясая кулаком. Секретарь повернулся ко мне. Я покачал головой и внес предложение:

— Пошлите за подмогой.

Он нахмурился. Мы были примерно одного возраста. Он был тощий, почти на голову выше меня, но килограммов на двадцать пять легче. Из моих девяноста пяти килограммов часть веса приходится на жир, но далеко не главная. Секретарь переступил с ноги на ногу, улыбнулся извиняющейся улыбкой и удалился.

— Я вот что хотел сказать, — сообщил я старику. — Сегодня утром я собирался поговорить с вашей невесткой. Но увидел, что к ней направляется Макс Талер, и отложил свой визит.

Илайхью Уилсон аккуратно натянул одеяло, откинулся на подушки, ввинтился глазами в потолок и сказал:

— Гм. Значит, вот как.

— В чем тут дело?

— Она его убила, — сказал он уверенно. — Вот в чем тут дело.

В коридоре послышались шаги — потяжелее, чем секретарские. Когда они раздались совсем близко, я начал фразу:

— Вы использовали своего сына, чтобы…

— Вон отсюда! — заорал старик на того, кто подошел к спальне. — И чтоб дверь была закрыта! — Он злобно покосился на меня и осведомился: — Для чего я использовал своего сына?

— Чтобы всадить нож в спину Талеру, Ярду и Финну.

— Врете.

— Зачем мне выдумывать? Весь Отервилл это знает.

— Это ложь. Я отдал ему газеты. Он делал с ними что хотел.

— Объясните это своим дружкам. Так они вам и поверят.

— Мне плевать, что они думают! Раз я говорю, значит, это так.

— Ну и что? Даже если вашего сына убили по ошибке, к жизни его уже не вернуть. Хотя я сомневаюсь насчет ошибки.

— Его убила эта женщина.

— Возможно.

— Идите вы с вашим «возможно»! Она убила.

— Возможно. Но тут есть и другая сторона — политика. Можете вы мне сказать…

— Я могу вам сказать, что его убила эта французская шлюха, и еще могу вам сказать, что все

ваши остальные проклятые кретинские домыслы взяты с потолка.

— Но пораскинуть мозгами все-таки стоит, — не уступал я. — А вы знаете изнанку отервиллской политики лучше всех. Это был ваш сын. Вы можете хотя бы…

— Я могу хотя бы, — прорычал он, — велеть вам убираться ко всем чертям во Фриско вместе с вашими кретинскими…

Я встал и холодно сказал:

— Я в гостинице «Грейт Вестерн». Не беспокойте меня, пока не захотите для разнообразия поговорить толково, — и вышел из спальни.

Секретарь переминался внизу с извиняющейся улыбкой.

— Хорош старичок! — бросил я на ходу.

— Чрезвычайно яркая индивидуальность, — пробормотал он.

В редакции «Геральда» я застал секретаршу убитого. Это была невысокая девушка лет двадцати, с широко раскрытыми карими глазами, светлыми волосами и бледным хорошеньким личиком. Фамилия ее была Луис. Она сказала, что не знает, зачем ее хозяин вызвал меня в Отервилл.

— Мистер Уилсон, — пояснила она, — никому не рассказывал о своих делах. Он… По-моему, он

здесь никому не доверял полностью.

— А вам?

Девушка покраснела и сказала:

— Мне тоже. Но он здесь так недавно и никого из нас как следует не знал.

— Дело, наверное, не только в этом.

— Ну… — Она прикусила губу и стала тыкать указательным пальцем в полированную крышку стола. — Его отец… он не очень одобрял то, что делал сын. А ведь истинным владельцем газет был отец, и мистер Дональд, естественно, думал, что некоторые служащие больше слушаются мистера Илайхью, чем его.

— Старик был против кампании за реформы, верно? Как же он позволял своим газетам ее проводить?

Секретарша наклонила голову и стала изучать отпечатки своих пальцев на полировке. Говорила она еле слышно.

— Это трудно понять, раз вы не знаете… Когда в прошлый раз мистер Илайхью заболел, он послал за Дональдом… за мистером Дональдом. Вы знаете, мистер Дональд почти всю жизнь прожил в Европе. Доктор Прайд сказал мистеру Илайхью, что ему больше нельзя управлять делами, и он послал сыну телеграмму, чтобы тот приехал. Но

когда мистер Дональд вернулся, мистер Илайхью не мог решиться все выпустить из рук. Конечно, он хотел, чтобы мистер Дональд здесь остался, и поэтому отдал ему газеты — то есть сделал его издателем. Мистеру Дональду это понравилось. Он и в Париже интересовался журналистикой. Когда он понял, как здесь все ужасно — все эти дела с гражданскими правами и вообще, — он начал кампанию за реформы. Он не знал… он же с детства здесь не был… он не знал…

— Он не знал, что его отец увяз в этом так же глубоко, как и все остальные, — пришел я ей на помощь.

Она передернула плечами, но ничего не возразила и продолжила:

— Они с мистером Илайхью поссорились. Мистер Илайхью велел ему не лезть в чужие дела, но мистер Дональд продолжал свое. Может быть, он перестал бы, если бы знал… все. Но, по-моему, ему не приходило в голову, что его отец действительно в этом серьезно замешан. А отец ему не говорил. Наверное, отцу трудно сказать такое сыну. Он пригрозил, что отнимет у мистера Дональда газеты. Не знаю, всерьез он грозил или нет. Но тут мистер Илайхью заболел, и все осталось как было.

— Дональд Уилсон рассказывал вам об этом? — спросил я.

— Нет. — Теперь она говорила почти шепотом.

— Но вы это узнали. Откуда же?

— Я хочу помочь… помочь вам выяснить, кто его убил, — сказала она горячо.

— Больше всего вы мне поможете, если скажете, где все это узнали, — настойчиво повторил я.

Она смотрела на стол, прикусив нижнюю губу. Я ждал. Наконец она решилась:

— Мой отец — секретарь мистера Илайхью Уилсона.

— Спасибо.

— Но не думайте, что мы…

— Мне это все равно, — заверил я ее. — Что делал Уилсон вчера вечером на Харрикейн-стрит, когда дома у него была назначена встреча со мной?

Она сказала, что не знает. Я спросил, слышала ли она, как он просил меня по телефону приехать к нему в десять часов. Она сказала, что слышала.

— Что он делал потом? Попробуйте вспомнить все, до мелочей, что он говорил и делал, пока вы не ушли с работы.

Секретарша откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Вы позвонили — если это действительно вас он приглашал к себе домой — в два часа. После этого мистер Дональд продиктовал письма, одно на бумажную фабрику, второе сенатору Киферу насчет изменений в почтовых правилах, и… ах, да! Около трех он вышел, минут на двадцать. А перед уходом выписал чек.

— На чье имя?

— Не знаю, но я видела, как он писал.

— Где его чековая книжка? Он носил ее с собой?

— Она здесь. — Девушка вскочила, обошла вокруг письменного стола и потянула верхний ящик. — Заперто.

Я подошел, разогнул скрепку для бумаг и, помогая лезвием ножа, открыл ею ящик.

Девушка достала тонкую плоскую чековую книжку Первого Национального банка. На последнем корешке было проставлено 5000. Больше ничего. Никаких имен. Никаких объяснений.

— Он ушел с этим чеком, — спросил я, — и его не было двадцать минут? Можно успеть за это время в банк и обратно?

— До банка всего пять минут.

— А что еще произошло перед тем, как он выписал чек? Подумайте. Писем не приносили?

Звонил ему кто-нибудь?

— Дайте вспомнить. — Она опять закрыла глаза. — Он диктовал письма и… Ну и дура же я! Ему позвонили по телефону. Он сказал: «Да, я могу быть в десять, но очень ненадолго». Потом он сказал: «Очень хорошо, в десять». Больше он ничего не говорил, только несколько раз «да, да».

— С мужчиной говорил или с женщиной?

— Не знаю.

— Подумайте. По голосу можно понять разницу.

Она подумала и сказала:

— Тогда с женщиной.

— Кто раньше ушел с работы — он или вы?

— Я. Я вам говорила, что мой отец — секретарь мистера Илайхью. У них с мистером Дональдом на конец дня была назначена встреча — что-то насчет финансовых дел газеты. Отец пришел около пяти. Кажется, они собирались вместе обедать.

Это было все, что могла мне сообщить Луис. Она сказала, что не может объяснить, как Уилсон оказался на Харрикейн-стрит. Она ничего не знала про миссис Уилсон.

Мы обшарили стол убитого, но не откопали ничего полезного. Я навестил телефонисток и ничего не узнал. Час я поработал с посыльными,

редакторами и прочими служащими, но ничего не выкачал и из них. Как сказала секретарша, свои дела Уилсон держал при себе — и в этом не знал равных.

3. ДИНА БРАНД

В Первом Национальном банке я занялся помощником кассира по фамилии Олбури, молодым, приятного вида блондином лет двадцати пяти.

— Я заверял чек для Уилсона, — сказал он, когда я объяснил, что мне нужно. — Пять тысяч, на имя Дины Бранд.

— Знаете, кто она такая?

— Да, конечно! Я ее знаю.

— Можете что-нибудь о ней рассказать?

— Пожалуйста, с удовольствием. Вот только я уже на восемь минут опоздал на встречу…

— Тогда, может быть, поужинаем вместе?

— Прекрасно, — сказал он.

— В семь часов в «Грейт Вестерн»?

— Договорились.

— Я уже исчезаю и отпускаю вас, только скажите, у нее открыт здесь счет?

— Да, и сегодня утром она получила по чеку деньги. Чек в полиции.

— А где живет эта дама?

— Харрикейн-стрит, дом 1232.

Я сказал «так, так», потом «ну, до вечера» и ушел.

Следующую остановку я сделал в муниципалитете, у шефа полиции.

Шеф Нунан был толстяком с круглым добродушным лицом и зелеными глазами. Когда я сказал, чем занимаюсь у него в городе, он как будто обрадовался и предложил мне рукопожатие, сигару и стул.

— Ну, — сказал он, когда мы расположились поудобнее, — теперь говорите, кто выкинул эту штуку.

— Я умею хранить тайны.

— Я тоже, — весело заверил он сквозь клубы дыма. — Так что вы предполагаете?

— Трудно гадать, особенно когда нет фактов.

— Факты выложить недолго, — сказал он. — Вчера, перед закрытием банка, Уилсон заверил чек на пять тысчонок на имя Дины Бранд. Вечером его продырявили пулей калибра 8,13 недалеко от ее дома. Те, кто слышал стрельбу, видели возле трупа мужчину и женщину. А на следующее дивное утро вышеуказанная Дина Бранд депонирует вышеуказанный чек в вышеуказанном банке. Ну?

— Кто такая эта Дина Бранд?

Шеф стряхнул пепел на середину стола, помахал сигарой, зажатой в толстых пальцах, и сказал:

— Порочная голубица, как сказал бы поэт. Шикарная потаскуха, первоклассная золотоискательница.

— Вы уже были у нее?

— Нет. Сперва надо сделать еще пару заходов. Мы приглядываем за ней и ждем. Это я вам не для разглашения.

— Ясно. Теперь послушайте. — И я рассказал ему о том, что видел и слышал вчера, пока ждал Дональда Уилсона у него дома.

Когда я кончил, шеф выпятил толстые губы, тихонько свистнул и воскликнул:

— Ну и ну, интересные штучки вы рассказываете! Так у нее туфля была в крови? И она сказала, что мужа не будет дома?

На первый вопрос я ответил: «Так мне показалось», а на второй «Угу».

— А вы после этого с ней говорили? — спросил он.

— Нет. Я шел к ней сегодня утром, но молодой человек по имени Талер забежал туда первым, и я отложил визит.

— Мать честная! — Его зеленые глаза заблесте-

ли от восторга. — Это что же, у нее был Шепот?

— Вот именно.

Он швырнул сигару на пол, встал, оперся пухлыми руками на стол и перегнулся ко мне, излучая восторг.

— Ну, вы и поработали, — промурлыкал он. — Да ведь Дина Бранд живет с этим Шепотом. А теперь давайте-ка поедем и побеседуем с вдовой.

Мы вышли из машины шефа полиции у дома миссис Уилсон. У первой ступеньки шеф задержался на секунду и взглянул на черный креп над звонком. Потом сказал: «Что делать — приходится», — и мы поднялись на крыльцо.

Миссис Уилсон не особенно жаждала этой встречи, но если шефы полиции настаивают, их обычно принимают. Этот шеф настаивал. Нас провели наверх в библиотеку, где сидела вдова. Она была в черном. В ее голубых глазах сквозил лютый холод.

Мы с Нунаном по очереди пробормотали соболезнования, и затем он приступил к делу:

— Хотелось бы задать вам несколько вопросов. Вот, например, куда вы ездили вчера вечером?

Она неприязненно взглянула на меня, затем на шефа, нахмурилась и высокомерно произнесла:

— Можно узнать, почему меня допрашивают?

Пока я вспоминал, сколько раз в жизни я слышал эту фразу — слово в слово, интонация в интонацию, — шеф, не обратив ни малейшего внимания на вопрос, благодушно продолжал:

— И потом еще, у вас на туфле оказалось пятно. На правой, а может, на левой. В общем, на какой-то было.

Верхняя губа у нее начала подергиваться.

— Вроде все? — спросил у меня шеф. Не успел я ответить, как он прищелкнул языком и снова обратил к миссис Уилсон свое добродушное лицо. — Чуть не забыл. Еще вопрос — как вы узнали, что ваш муж не вернется домой?

Она, пошатываясь, поднялась на ноги, — рука, которой она схватилась за спинку стула, побелела.

— Надеюсь, вы извините…

— Да, пожалуйста. — Шеф сделал широкий жест своей мясистой дланью. — Не будем вас беспокоить. Вот только куда вы ездили, и насчет туфли, и откуда вы знали, что он не вернется. Да, и, пожалуй, вот еще что — зачем сегодня утром у вас был Талер?

Миссис Уилсон опять села, пытаясь сохранять самообладание. Шеф поглядел на нее. Улыбка, в которую он старался вложить побольше сердеч-

ности, образовала на его жирном лице странные складки и бугры. Немного погодя плечи у нее обмякли, подбородок коснулся груди, спина согнулась.

Я подвинул стул и сел напротив.

— Придется рассказать, миссис Уилсон, — сказал я как можно более сочувственно. — Такие вещи надо объяснять.

— Вы считаете, я что-то скрываю? — с вызовом спросила миссис Уилсон. Она снова выпрямилась и произносила каждое слово очень тщательно — разве что слегка шепелявила. — Да, я уезжала. На туфле была кровь. Я знала, что мой муж мертв. Талер приходил в связи с его смертью. Я на все ответила?

— Это мы и так знаем, — сказал я. — Мы просим объяснить.

Она опять встала и рассерженно воскликнула:

— Мне не нравится, как вы со мной обращаетесь. Я отказываюсь подвергаться…

Нунан сказал:

— Да пожалуйста, миссис Уилсон, только уж тогда попросим вас проехать с нами в полицию.

Она повернулась к нему спиной, сделала глубокий вдох и стала бросать мне в лицо:

— Когда вы ждали здесь Дональда, мне позво-

нили. Звонил мужчина, он не назвался. Сказал, что Дональд поехал к женщине по имени Дина Бранд с чеком на пять тысяч долларов, и дал мне ее адрес. Я поехала туда и стала ждать в машине, когда появится Дональд. Потом увидела Макса Талера, я знаю его в лицо. Он подошел к дому этой женщины, но входить не стал. Прошел мимо. Тут вышел Дональд. Меня он не заметил. Я этого и не хотела. Я собиралась ехать обратно, чтобы очутиться дома первой. Едва я включила мотор, как услышала выстрелы и увидела, что Дональд упал. Я выскочила из машины и побежала к нему. Он был мертв. Я словно обезумела. Тут появился Талер. Он сказал, что если меня здесь найдут, то скажут, что это я убила Дональда. Талер заставил меня бегом вернуться к машине и уехать домой.

В глазах у женщины стояли слезы. Сквозь их пелену она изучала мое лицо, явно пытаясь понять, как я воспринял всю эту историю. Я ничего не сказал.

— Вот это вам было нужно? — спросила она.

— В общем, да, — ответил Нунан. Он подошел к ней сбоку. — О чем говорил с вами Талер сегодня днем?

— Он советовал мне молчать. — Голос у нее стал тихим и бесцветным. — Он сказал — если узнают,

что мы там были, нас заподозрят, поодиночке или обоих. Потому что Дональда убили возле дома этой женщины после того, как он отдал ей деньги.

— С какой стороны стреляли? — спросил шеф.

— Не знаю. Я ничего не видела… Только посмотрела… а Дональд уже падает.

— Это Талер стрелял?

— Нет, — быстро ответила она. Тут глаза у нее затуманились. Она приложила руку к груди. — Не знаю. Не думаю. Он ведь сказал, что стрелял кто-то другой, а где он был в тот момент — не знаю. Мне в голову не пришло, что это мог сделать он.

— А теперь вы как думаете? — поинтересовался Нунан.

— Может быть… Может быть, он.

Шеф, сделав мощное усилие, подмигнул мне так, что в этом приняли участие сразу все лицевые мускулы, и двинулся дальше:

— Так вы не знаете, кто вам звонил?

— Он не назвался.

— Голос не узнали.

— Нет.

— А какой был голос?

— Тихий такой, словно этот человек боялся, что его подслушивают. Я с трудом разбирала слова.

— Он говорил шепотом? — Промолвив это, шеф застыл с открытым ртом. Зеленоватые глаза на жирном лице алчно заискрились.

— Да, хриплым шепотом.

Шеф звучно захлопнул рот и открыл его снова, чтобы вкрадчиво пробормотать:

— Вы говорили с Талером…

Миссис Уилсон вздрогнула и перевела широко раскрытые глаза с шефа на меня.

— Это был он! — вскричала она. — Это был он!

Когда я вернулся в гостиницу, Роберт Олбури, молодой помощник кассира из Первого Национального банка, сидел в вестибюле. Мы поднялись ко мне в комнату и попросили воды со льдом, — лед был нужен, чтобы охладить смесь виски, лимонного сока и гранатового сиропа. Потом мы спустились в ресторан.

— Расскажите мне про эту даму, — сказал я, когда мы приступили к супу.

— А вы ее видели? — спросил он.

— Нет еще.

— Но слышали о ней?

— Слышал только, что она мастерица своего дела.

— Это да, — согласился он. — Вы, наверное, с ней познакомитесь. Сперва вы будете разочаро-

ваны. Потом, не понимая, как это случилось, вы вдруг забудете о разочаровании и поймаете себя на том, что уже рассказываете ей всю свою жизнь и поверяете все беды и надежды. — Он засмеялся по-мальчишески застенчиво. — Вот тут-то вы и попались окончательно.

— Спасибо за предупреждение. А у вас откуда такие сведения?

Он пристыженно улыбнулся, застыв с ложкой у рта, и сознался:

— Купил.

— Наверное, недешево? По слухам, она любит деньги.

— Она и правда помешана на деньгах, но это почему-то не вызывает протеста. Она настолько не скрывает своей алчности, что на это как-то нечего и возразить. Сами увидите, когда познакомитесь.

— Вероятно, увижу. Можно спросить, почему вы с ней расстались?

— Можно. У меня кончились деньги, вот и все.

— Так просто?

Он слегка покраснел и кивнул.

— Кажется, вы легко это пережили, — сказал я.

— А что было делать? — По его симпатичному юному лицу еще шире разлилась краска. Он за-

говорил, запинаясь: — Собственно, я ей кое-чем обязан. Она… Пожалуй, я вам расскажу. Я хочу, чтобы вы знали ее и с этой стороны. У меня было немного денег. Когда от них ничего не осталось… Учтите, я был молод и сходил по ней с ума. У меня деньги кончились, но в банке их было много. Тогда я… Неважно, сделал я что-то или просто подумал… В общем, она про это узнала. От нее ничего не скроешь. Тут и наступил конец.

— Она с вами порвала?

— Да, слава Богу! Если бы не она, может быть, сейчас вы разыскивали бы меня за кражу. Я ей обязан! — Он сосредоточенно наморщил лоб. — Пусть это останется между нами. Ладно? Просто я хотел, чтобы вы знали — в ней есть не только плохое. О нем вам и без меня наговорят.

— Возможно, что-то в ней есть и хорошее. А возможно, она рассчитала, что не стоит рисковать и впутываться в историю за такую цену.

Он поразмышлял над этим и покачал головой.

— Может быть, вы и правы, но не совсем.

— Я так понял, что к ней вход строго по оплаченным билетам.

— А как же Дэн Ролф? — спросил Олбури.

— Это кто такой?

— Считается, что он ей не то родной брат, не то

сводный. Но это неправда. Он смертник — чахоточный. Живет у нее. Дина его содержит. Она в него не влюблена и ничего такого. Просто подобрала где-то и привела к себе.

— Еще примеры есть?

— Еще она с радикалом встречалась. Хотя вряд ли ей было от него много выгоды.

— С каким радикалом?

— Который приехал сюда во время стачки. Куинт его зовут.

— Значит, он тоже был у нее в списке?

— Похоже, из-за этого он и остался здесь, когда стачка кончилась.

— Куинт до сих пор значится в списке?

— Нет. Она мне говорила, что боится его. Он грозил ее убить.

— В этом списке, кажется, в свое время перебывали все, — заметил я.

— Ей стоило только захотеть, — сказал он, и это прозвучало серьезно.

— Кто был последним — Дональд Уилсон? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Олбури. — Я про них никогда не слышал и ничего такого не видел. Шеф полиции велел нам проверить, не выписывал ли он ей чеков раньше, до вчерашнего дня, но мы ни-

чего не нашли. И никто таких чеков не помнит.

— Кто, по-вашему, был ее последним клиентом?

— Я часто видел ее в городе с парнем по имени Талер, у него тут пара игорных домов. Кличка Шепот. Вы, наверное, про него слыхали.

В восемь тридцать я расстался с Олбури и направился в гостиницу «Шахтерская» на Форест-стрит. За полквартала от гостиницы я встретил Билла Куинта.

— Привет! — окликнул я его. — А я к тебе шел.

Он остановился, оглядел меня с ног до головы и проворчал:

— Так ты легавый.

— Вот невезуха, — пожаловался я. — Иду тебя заарканивать, а тебе уже настучали.

— Что ты теперь хочешь знать? — спросил он.

— Про Дональда Уилсона. Вы были знакомы?

— Были.

— Хорошо?

— Нет.

— Как ты к нему относился?

Куинт выпятил толстые губы, издал звук, словно рвется тряпка, и заявил:

— Либерал он был паршивый.

— Ты знаешь Дину Бранд? — спросил я.

— Знаю. — Шея у него сделалась короче и толще.

— Могла она убить Уилсона?

— Запросто. Это уж точно.

— Значит, не ты его убил?

— Кто же, как не я, — сказал он. — Мы с ней вместе, на пару. Еще вопросы есть?

— Есть, но не стану тратиться попусту. Ты же все равно соврешь.

Я вернулся на Бродвей, нашел такси и велел водителю отвезти меня на Харрикейн-стрит, дом 1232.

4. ХАРРИКЕЙН-СТРИТ

Пунктом моего назначения оказался серый сборный домик. На мой звонок дверь открыл худой человек. В усталом его лице не было ни кровинки, только яркие пятна величиной с полдоллара розовели на каждой скуле. Это, подумал я, и есть чахоточный Дэн Ролф.

— Я бы хотел видеть мисс Бранд, — сказал я ему.

— Как передать — кто ее спрашивает? — Голос тоже выдавал в нем больного человека — и, кстати, образованного.

— Моя фамилия ей ничего не скажет. Я по поводу смерти Уилсона.

Чахоточный посмотрел на меня усталыми темными глазами и сказал:

— И что же?

— Я из сан-францисского отделения сыскного агентства «Континентал». Нас интересует это убийство.

— Очень любезно с вашей стороны, — заметил он иронически. — Входите.

В комнате на первом этаже, за столом, зава-

ленным бумагами, сидела молодая женщина. Кипами лежали бюллетени финансовых контор, биржевые сводки и облигации. Была здесь и программа лошадиных бегов.

Комната выглядела неприбранной и захламленной. Мебели было слишком много, и казалось, что все стоит не на месте.

— Вот, — кивнул в мою сторону чахоточный, — этот джентльмен приехал из Сан-Франциско по поручению сыскного агентства «Континентал». Он будет расследовать обстоятельства смерти мистера Дональда Уилсона.

Молодая женщина встала, отшвырнула ногой с прохода несколько газет и подошла ко мне, протягивая руку.

Росту в ней было сантиметров на три-четыре больше моего, из чего следовало, что она тянет примерно на метр семьдесят. Широкоплечая, полногрудая женщина с округлыми бедрами, крупными мускулистыми ногами. Я пожал ей руку — мягкую, теплую и сильную. Судя по внешности, ей было лет двадцать пять, но на лице уже появились признаки усталости: от углов крупного сочного рта разбегались явственные морщинки, вокруг больших голубых, слегка воспаленных глаз с накрашенными ресницами уже

начали собираться морщинки потоньше.

Жесткие каштановые волосы давно пора было подровнять, пробор шел криво. Губная помада с одной стороны была наложена выше, чем с другой. Платье винного цвета удивительно ей не шло, и местами на нем виднелись прорехи — там, где пуговицы отлетели и она забыла их застегнуть. Спереди на левом чулке спустилась петля.

Такова была Дина Бранд, которая, судя по рассказам, свободно выбирала кого хотела среди мужчин Отервилла.

— Вас, конечно, вызвал его отец, — сказала она, убирая со стула туфли из змеиной кожи и чашку с блюдцем, чтобы освободить мне место.

Голос у нее был мягкий и ленивый.

Я сказал ей правду:

— Меня вызвал Дональд Уилсон. Я ждал встречи с ним в то время, как его убивали.

— Не уходи, Дэн, — окликнула она Ролфа.

Он вернулся в комнату. Дина заняла свое место за столом, Ролф сел напротив, подперев худую щеку худой рукой, и стал смотреть на меня без всякого интереса.

Она нахмурила брови — между ними при этом появились две морщинки — и спросила:

— Значит, он знал, что его хотят убить?

— Понятия не имею. Он не сказал, что ему нужно. Может быть, просто хотел помощи в своей кампании за реформы.

— Но разве вы…

Я пожаловался:

— Нелегко быть ищейкой. То и дело тебя перебивают и задают вопросы.

— Люблю все знать, — сказала она со слабым гортанным смешком.

— Вот и я тоже. Например — зачем вы заставили его идти в банк и заверять чек.

Очень небрежно Дэн Ролф пошевелился на стуле и откинулся назад, его худые руки скрылись под столом.

— Так вам и про это известно? — спросила Дина Бранд. Она закинула ногу на ногу и посмотрела вниз. Взгляд ее остановился на спущенной петле. — Ну, ей-Богу, хоть совсем их не надевай! — пожаловалась она. — Скоро буду носить туфли на босу ногу. Вчера отдала за эти проклятые чулки целую пятерку. И вот вам, пожалуйста! Каждый день — то дорожка, то дырка!

— Это не тайна, — сказал я. — Я имею в виду чек, а не дырки. Чек у Нунана.

Дина посмотрела на Ролфа, который оторвался от наблюдения за мной и коротко кивнул.

— Если бы мы с вами нашли общий язык, — протяжно сказала Дина Бранд и прищурилась, — я, может быть, вам помогла бы.

— А что это за язык?

— Деньги, — объяснила она. — И чем больше, тем лучше. Я их люблю.

Я тут же взял наставительный тон:

— Деньги сберечь — все равно что заработать. Я помогу вам сэкономить деньги, а заодно избавлю от неприятностей.

— Это мне непонятно, — заявила она, — хотя все слова вроде знакомые.

— Вас полиция не спрашивала насчет чека?

Она отрицательно покачала головой.

Я сказал:

— Нунан шьет дело вам и Шепоту.

— Ой, не пугайте, — пролепетала она. — Я ведь маленькая девочка.

— Нунану известно, что Талер знал про чек. Нунан в курсе, что, когда Уилсон был у вас, Талер приехал сюда, но не вошел в дом. Нунан знает, что, когда Уилсона застрелили. Талер ошивался где-то поблизости. Нунану известно также, что возле трупа видели Талера с какой-то женщиной.

Девушка взяла со стола карандаш и задумчиво

почесала им щеку. Грифель оставил на румянах черные полоски.

Из глаз Ролфа исчезла усталость. Он впился в меня блестящим лихорадочным взглядом и подался вперед, но руки по-прежнему прятал под столом.

— Все это, — сказал он, — касается только Талера, мисс Бранд тут ни при чем.

— Талер и мисс Бранд друг другу не чужие, — заметил я. — Уилсон принес сюда чек на пять тысяч долларов и был убит на выходе. У мисс Бранд могли быть неприятности в банке, если бы… если бы Уилсон не позаботился об этом заранее и не заверил чек.

— Господи, — запротестовала девушка, — если бы я хотела его убить, я бы сделала это здесь, без свидетелей, или дала бы ему отойти подальше от дома. Что ж я, по-вашему, дура набитая?

— Я не уверен, что его убили вы, — сказал я. — Но уверен, что толстый шеф собирается свалить все на вас.

— А вам-то что нужно? — спросила она.

— Узнать, кто убил Уилсона. Мне не интересно, кто хотел или кто мог его убить. Мне надо знать, кто это сделал.

— Могу помочь, — сказала она, — но мне нужно

с этого что-то иметь.

— А безопасность? — напомнил я, но она покачала головой.

— Безопасность — одно, деньги — другое. Вам моя помощь пригодится, но придется заплатить. Я много не запрошу.

— Не пойдет, — улыбнулся я. — Забудьте о наличных и займитесь благотворительностью. Представьте себе, будто я Билл Куинт.

Дэн Ролф рванулся со стула, губы его побелели, слившись с цветом лица. Он сел, только когда девушка засмеялась — лениво и добродушно.

— Сыщик думает, Дэн, что мне от Билла не было никакой прибыли. — Она перегнулась и положила руку мне на колено. — А если вы знаете заранее о забастовке, о том, когда она начнется и когда закончится? Разве нельзя с такой информацией и с небольшим капиталом съездить на биржу и сыграть на акциях той компании, где бастуют? Можно, и еще как! — победоносно воскликнула она. — Так что не думайте, будто Билл прошел бесплатно.

— Избаловали вас тут, — сказал я.

— Господи, ну к чему такая скупость? — спросила она с упреком. — Как будто вы из своего кармана. Вам же выделяют на непредвиденные

расходы.

Я ничего не ответил. Она перевела хмурый взгляд с меня на чулок, потом на Ролфа. Ему она сказала:

— Может, он подобреет, если выпьет?

Ролф встал и вышел.

Дина надула губы, легонько пнула меня носком в голень и сказала:

— Дело даже не в деньгах. Дело в принципе. Если у девушки есть что-то такое, что нужно другим, дура она последняя, если не сорвет куш.

Я ухмыльнулся.

— Ну, будьте умницей, — принялась она клянчить.

Вошел Дэн Ролф с бутылкой джина, сифоном, лимонами и миской колотого льда. Мы выпили по одной. Чахоточный удалился. Мы с Диной уперлись в денежный вопрос и продолжали пить. Я старался склонить ее к беседе о Талере и Уилсоне. Она упорно переводила разговор на суммы, которые ей причитаются. Так шло до тех пор, пока бутылка не опустела. На моих часах было четверть второго.

Жуя лимонную корочку, Дина сказала, уже в третий или четвертый раз:

— Не из вашего же кармана. Какая вам раз-

ница?

— Дело не в деньгах, — отвечал я, — дело в принципе.

Она скорчила гримасу и поставила стакан туда, где по ее расчетам, был стол. Ошиблась она сантиметров на двадцать. Не помню, разбился ли стакан, долетев до пола, не могу сказать, что с ним было дальше. Но эта ее ошибка придала мне сил.

— И вообще, — зашел я с новой стороны, — я не уверен, что мне так уж нужны ваши воспоминания. Обойдусь и без них.

— Прекрасно, но не забывайте, что я последняя, кто видел Дона в живых, если не считать убийцы.

— Вот и нет, — сказал я. — Его жена видела, как он вышел, сделал несколько шагов и упал.

— Его жена!

— Угу. Она сидела в машине поблизости.

— Как она узнала, что Дон здесь?

— Говорит, что ей позвонил Талер и сказал, будто бы ее муж повез сюда чек.

— Разыгрываете, — сказала девушка. — Макс этого знать не мог.

— Я только передаю, что миссис Уилсон сказала нам с Нунаном.

Дина выплюнула на пол остатки лимонной

корочки, пригладила рукой волосы, от чего они еще больше взлохматились, вытерла пальцами рот и хлопнула по столу.

— Ладно, мистер Всезнайка, — сказала она. — Начинаю игру на вашей стороне. Можете считать пока, что это вам обошлось даром, но я свое еще возьму. Думаете, не возьму? — Она вызывающе прищурилась и поглядела на меня так, словно я был на другом конце улицы.

Снова заводить дискуссию о деньгах не было времени, и я сказал:

— Надеюсь, что возьмете.

Кажется, я повторил это несколько раз, горячо и убежденно.

— Еще бы. Теперь слушайте. Вы пьяны, и я пьяна, и как раз настолько, чтобы все вам выложить. Такая уж я девушка. Если мне кто понравился, я все расскажу. Стоит только спросить. Ну, давайте, спрашивайте.

Что я и сделал:

— За что Уилсон дал вам пять тысяч долларов?

— Не «за что», а «отчего». От хорошего настроения. — Она откинулась назад, чтобы всласть посмеяться. Потом продолжила:

— Ну слушайте. Он выискивал какой-нибудь скандал, а у меня были факты. Заверенные за-

явления, свидетельства и всякое прочее, что я приберегла для обмена на живую монету. Уж я такая — выкраиваю мелочишку где только можно. В общем, у меня все это было припрятано. Когда Дональд начал охотиться за скальпами, я дала ему знать, что у меня есть кое-что на продажу, и позволила ему взглянуть на бумажки одним глазком, чтобы он понял — товар стоящий. Товар и правда был стоящий. Потом пошел разговор насчет цены. Он был не таким скрягой, как вы, — таких я в жизни еще не видала, — но сперва немножко заупрямился. Так что дело застопорилось. А вчера я решила поднажать. Позвонила ему и сказала, что у меня есть другой покупатель и, если товар ему нужен, пусть является вечером либо с пятью тысячами наличными, либо с заверенным чеком. Я ему, конечно, баки забивала, но он в таких делах плохо разбирался и заглотнул крючок.

— Почему в десять вечера? — спросил я.

— А почему нет? Нормальное время, не хуже любого другого. В таких переговорах главное — назначить точный час. Ах, да, вы хотите знать, почему наличными или заверенным чеком? Ладно, скажу. Все вам скажу, что хотите. Уж я такая. И всегда была такая.

Тут она задержалась минут на пять, объясняя мне в подробностях, какая она, и как она всегда была такая, и почему. Я поддакивал, пока не сумел вставить:

— Ладно, так зачем было заверять чек?

Она прикрыла один глаз, помахала пальцами у меня перед носом и ответила:

— Чтобы он не мог приостановить выплату. Потому что товар, который я продала, ему не годился. Хороший был товар. Слишком хороший. Если бы он опубликовал эти бумажки — его старик сел бы в кутузку со всеми остальными. Папаша Илайхью увяз бы глубже всех.

Я посмеялся с ней, пытаясь разогнать пары джина, клубившиеся у меня в голове.

— А кто бы еще погорел? — спросил я.

— Да все, будь они прокляты. — Она небрежно отмахнулась. — Макс, Лу Ярд, Пит, Нунан и Илайхью Уилсон — все, пропади они пропадом.

— Макс Талер знал, что происходит?

— Конечно нет. Знал только Дональд Уилсон.

— Это точно?

— Точнее некуда. Вы что думаете, я звонила на всех углах?

— А как вы считаете, кто теперь про это знает?

— Не интересуюсь, — сказала она. — Я просто

хотела сыграть с ним шутку. Он не стал бы пускать в ход этот товар.

— А вам не кажется, что ребятки, секреты которых вы продали, не поймут ваших шуток? Нунан пытается пришить это убийство вам и Талеру. Значит, шеф полиции нашел ваши бумаги в кармане Дональда Уилсона. Эта компания и без того думала, что старик Илайхью при помощи сына хочет со всеми разделаться, верно?

— Так точно, сэр, — сказала она, — и тут я с ними согласна.

— Скорее всего, вы ошибаетесь, но это неважно. Если Нунан нашел в кармане у Дональда Уилсона ваш товар и узнал, что вы продавец, он, ясно, решил, что вы с дружком Талером переметнулись на сторону старика Илайхью.

— Он же понимает, что старик Илайхью на этом горит не меньше других.

— А что же все-таки вы продали Дональду?

— Три года назад они тут строили новое здание муниципалитета, — сказала она, — и никто из них при этом не обеднел. Если бумаги у Нунана, он сразу сообразит, что старик Илайхью на этом замазан, как все, а то и посерьезнее.

— Это не имеет значения. Он сразу решит, что старик задумал выпутаться в одиночку. Уж

поверьте, сестренка, — Нунан и его дружки считают, что вы, Талер и Илайхью сговорились их утопить.

— Мне плевать, что они там считают, — упрямо заявила она. — Это была просто шутка. Я так задумала. Так оно и было.

— Вот и славно, — согласился я. — Значит, пойдете на виселицу с чистой совестью. Вы видели Талера после убийства?

— Нет. Но Макс не убивал Дональда, хотя и был поблизости.

— Почему?

— Много есть причин. Во-первых, Макс не стал бы делать этого своими руками. Он нашел бы кого-нибудь, а сам был бы далеко отсюда и с железным алиби. Во-вторых, у Макса револьвер калибра 9,65 и тот, кому он поручил бы эту работу, стрелял бы из пушки не слабее. Что это за профессионал с калибром 8,13?

— Тогда кто стрелял?

— Я вам рассказала все, что знаю, — пробормотала она. — И то слишком много.

Я встал:

— Нет, вы мне рассказали ровно столько, сколько надо.

— Вы что, уже знаете, кто его убил?

— Угу. Хотя надо уточнить еще кое-что, прежде чем я буду его брать.

— Кто это? Кто? — Она вскочила, внезапно почти протрезвев, и вцепилась мне в лацканы. — Скажите, кто.

— Потом.

Она отпустила лацканы, заложила руки за спину и расхохоталась мне в лицо.

— Ладно. Не хотите — не надо. А на досуге погадайте, сколько правды было в моей истории.

Я сказал:

— Сколько бы ни было — спасибо. За джин тоже. И если Макс Талер для вас что-нибудь значит, вы бы шепнули ему, что Нунан пытается его зацапать.

5. СТАРИК ИЛАЙХЬЮ СОГЛАСЕН ПОГОВОРИТЬ ТОЛКОВО

Было почти полтретьего ночи, когда я добрался до гостиницы. Вместе, с ключом ночной дежурный передал мне записку с просьбой позвонить по номеру Тополь 605. Я знал этот номер. Это был телефон Илайхью Уилсона.

— Когда звонили? — спросил я дежурного.

— Около часу ночи.

Похоже было, что дело срочное. Я вошел в будку и набрал номер. Секретарь старика попросил меня немедленно приехать. Я обещал поторопиться, сказал дежурному, чтобы он вызвал мне такси, и поднялся к себе глотнуть виски.

Лучше было бы, конечно, ехать трезвым, но это все равно было исключено. Раз уж меня ожидала новая работа, я не хотел бы приступать к ней, если спиртное у меня в желудке при последнем издыхании. Стаканчик меня взбодрил. Я налил про запас во фляжку, сунул ее в карман и спустился в такси.

Дом Илайхью Уилсона был освещен сверху донизу. Не успел я притронуться к звонку, как

секретарь открыл дверь. Он трясся всем тощим телом под голубой пижамой и синим халатом. Худое лицо его пылало от возбуждения.

— Скорее! — сказал он. — Мистер Уилсон вас ждет. И, пожалуйста, уговорите его, чтобы он разрешил убрать тело.

Я пообещал уговорить и пошел за секретарем в спальню к старику.

Старик Илайхью был по-прежнему в постели, но теперь на одеяле, возле его пухлой руки, лежал черный автоматический пистолет.

Едва я появился, старик оторвал голову от подушек, выпрямился и гаркнул на меня:

— Есть у вас храбрость или одно только нахальство?

Лицо его было нездорового багрового цвета. Пленка с глаз исчезла. Они были жесткие и злобные.

Я подождал с ответом, разглядывая труп, распростертый на полу, между дверью и кроватью.

Невысокий коренастый человек в коричневом костюме лежал на спине, уставив в потолок мертвые глаза из-под козырька серой кепки. Выстрелом у него снесло кусок челюсти. Под задранным подбородком виднелся след второй пули, которая пробила галстук, воротничок и

продырявила шею. Одна рука была подвернута, другая сжимала дубинку величиной с молочную бутылку. Вокруг было много крови.

Я перевел взгляд с этой некрасивой картинки на старика. Он глупо и злобно ухмылялся.

— Болтать вы мастер, — сказал он. — Это мне известно. На словах все вы горазды кулаками махать. А что у вас за душой? Храбрость или одно нахальство? Или все в болтовню ушло?

Урезонивать его не было смысла. Я нахмурился и напомнил:

— Я ведь просил меня не беспокоить, пока вы не захотите для разнообразия поговорить толково.

— Вот именно, мой мальчик. — В его голосе звучало дурацкое торжество. — Будем говорить толково. Мне нужен человек, который смог бы очистить отравиллский свинарник, выкурить отсюда крыс, больших и малых. Это мужская работа. Вы мужчина?

— Не стоит ударяться в поэзию, — проворчал я. — Если у вас есть честная работенка по моей специальности и вы согласны прилично заплатить, может, я и возьмусь. Но все эти глупые слова насчет выкуривания крыс и очистки свинарников для меня пустой звук.

— Ладно. Я хочу, чтобы Отервилл был очищен от

мошенников и взяточников. Так вам понятно?

— Сегодня утром вы этого не хотели, — заметил я. — Почему захотели теперь?

Он объяснил мне — громко, бурно и пространно, большей частью в непечатных выражениях. Общий смысл сводился к тому, что он построил Отервилл буквально по кирпичу, собственными руками, и намеревался оставить его в своем полном владении, а в противном случае — стереть с горного склона. Как ему посмели угрожать в его собственном городе?! Он их не трогал, но когда некоторые стали указывать ему, Илайхью Уилсону, что ему можно, а чего нельзя, он решил показать, кто есть кто. К концу речи он указал на труп и хвастливо произнес:

— Теперь увидят, что старик еще не совсем выдохся.

Шутовство Уилсона сбивало меня с толку. Мне не удавалось нащупать, что за этим скрывалось.

— Это ваши дружки его подослали? — спросил я, кивнув на мертвеца.

— Я с ним говорил только на этом языке, — сказал он, похлопывая по пистолету. — Но думаю, что они.

— Как это случилось?

— Как, как — очень просто. Я услышал, как от-

крылась дверь, зажег свет, увидел его, выстрелил, и вот он, любуйтесь.

— Когда?

— Около часу ночи.

— И с тех пор он тут валяется?

— Вот именно. — Старик свирепо захохотал и снова принялся за свое: — Вам что, вид мертвеца действует на нервы? Или вы призраков боитесь?

Я засмеялся. Наконец-то я понял. Старый черт был смертельно напуган. За его кривлянием скрывался страх. Поэтому он и шумел, поэтому и не давал убрать тело. Ему нужно было все время видеть покойника, чтобы отогнать ужас — это было наглядное доказательство, что он сумеет за себя постоять. Теперь я имел точку опоры.

— Вы действительно хотите очистить город? — спросил я.

— Сказал — хочу, значит — хочу.

— Мне нужна полная свобода, никому никаких поблажек, и я веду дело, как считаю нужным. И задаток в десять тысяч.

— Десять тысяч долларов! Какого черта я стану давать столько денег человеку, которого вижу впервые? И который пока что только болтает!

— Не дурите! Когда я говорю «мне», это значит агентству «Континентал». Их-то вы знаете.

— Знаю. И они знают меня. И пора бы понять, что я могу…

— Не в том дело. Люди, которых вы хотите отдать в химчистку еще вчера были вашими друзьями. Может быть, завтра вы опять подружитесь. Мне на это плевать. Но в ваших политических играх я не участвую. Меня нельзя нанять, чтобы я их только припугнул, а потом дать мне отставку. Если вы хотите, чтобы дело было сделано, то заплатите за все целиком. Что останется, вам вернут. Или делать работу с начала до конца, или не делать ее вовсе. Вот так. Да или нет?

— Какого черта, конечно нет! — взревел он.

Уилсон подождал, пока я спущусь по лестнице, и потребовал меня обратно.

— Я старый человек, — проворчал он. — Будь я лет на десять помоложе… — Он насупился и пожевал губами. — Я дам вам этот паршивый чек.

— И разрешение действовать до конца, как я сочту нужным.

— Хорошо.

— Тогда перейдем к делу. Где ваш секретарь?

Уилсон нажал кнопку у кровати, и бесшумный секретарь явился из какого-то тайного убежища. Я сказал ему:

— Мистер Уилсон хочет выписать чек на десять

тысяч долларов сыскному агентству «Континентал» и послать агентству в Сан-Франциско письмо с разрешением использовать эту сумму для расследования преступности и политической коррупции в Отервилле. В письме должно быть ясно указано, что агентство может вести расследование по своему усмотрению.

Секретарь вопросительно взглянул на старика. Тот набычился и кивнул круглой седой головой.

— Но сперва, — сказал я, когда секретарь заскользил к двери, — позвоните-ка в полицию, что у нас здесь убитый грабитель. И вызовите врача мистера Уилсона.

Старик объявил, что ему не нужны никакие чертовы доктора.

— Сейчас получите хороший укол в руку и заснете, — пообещал я, перешагивая через труп, чтобы забрать с постели черный пистолет. — Я останусь у вас, и завтра начнем разбираться в отравиллских делишках.

Старик явно устал. Когда он принялся нецензурно и довольно длинно объяснять, что думает о моей наглости и как никому не позволит тут распоряжаться, от его голоса почти не вздрагивали стекла.

Я снял с мертвеца кепку, чтобы получше его

разглядеть. Лицо его ничего мне не говорило. Я водрузил кепку на место.

Когда я разогнулся, старик, несколько умерив пыл, осведомился:

— Получается у вас что-нибудь с поимкой убийцы Дональда?

— По-моему, да. Через день все будет кончено.

— Кто он? — спросил старик.

Вошел секретарь с чеком и письмом. Я передал их старику вместо ответа на его вопрос. Он поставил на обоих документах волнистую подпись, и, когда явилась полиция, бумаги, сложенные вчетверо, уже лежали у меня в кармане.

Первым из блюстителей закона в комнате оказался сам шеф, жирный Нунан. Он дружески кивнул Уилсону, пожал руку мне и взглянул искрящимися зеленоватыми глазами на мертвеца.

— Ну и ну, — заметил он. — На совесть сработано. Это Коротышка Якима. Глядите, какую мотыгу притаранил. — Он вышиб ногой дубинку из руки убитого. — Такой можно линкор потопить. Это вы его прихлопнули? — спросил он меня.

— Мистер Уилсон.

— Просто замечательно, — поздравил он старика. — Сколько народу избавили от хлопот, меня в том числе. Приберите тут, ребята, — велел он

четверым полицейским, топтавшимся сзади.

Двое в мундирах подхватили Коротышку Якиму за ноги и плечи и удалились, а один из оставшихся подобрал дубинку и фонарик, лежавший под трупом.

— Вот здорово было бы, если бы все так разделывались с грабителями, — продолжал без остановки шеф. Он извлек из кармана три сигары, одну бросил на постель, другую сунул мне, а третью себе в зубы. — А я как раз интересовался, куда вы подевались, — сообщил он мне, прикуривая. — Тут намечается одна работенка, и я подумал, что вам будет интересно поучаствовать. Поэтому я здесь и оказался. — Он приблизил губы к моему уху и прошептал: — Едем брать Шепота. Хотите с нами?

— Угу.

— Я так и думал. Привет, док!

Он пожал руку новоприбывшему — круглому человечку с серыми глазами, из которых еще не выветрился сон.

Врач подошел к постели. Один из людей Нунана расспрашивал Уилсона насчет стрельбы. Я вышел вслед за секретарем в коридор и осведомился:

— В доме есть еще кто-нибудь, кроме вас?

— Да, шофер и повар-китаец.

— Пусть шофер побудет сегодня в спальне у старика. Я уезжаю с Нунаном. Вернусь, как только смогу. Не думаю, что здесь еще что-нибудь произойдет, но ни за что не бросайте старика без присмотра. И не оставляйте его наедине с Нунаном или с кем-нибудь из его команды.

У секретаря отвисла челюсть.

— В котором часу вы расстались вчера с Дональдом Уилсоном? — спросил я.

— Вы хотите сказать, позавчера, когда он был убит? Ровно в половине десятого вечера.

— Вы с ним были все время с пяти часов?

— С четверти шестого? Мы работали у него в редакции почти до восьми. Потом поехали в ресторан к Байярду и за ужином закончили дела. Он уехал в половине десятого, пояснив, что у него назначена встреча.

— Что еще он говорил об этой встрече?

— Больше ничего.

— Не намекнул, куда едет, с кем встреча?

— Нет, просто сказал, что назначена встреча.

— И вы не догадывались, в чем дело?

— Нет. А что? Вы думаете, что я что-то знаю?

— Я думал, что он что-нибудь сказал. — Я переключился на последние события. — Кто из посетителей был сегодня у Уилсона, не считая

того, которого он застрелил?

— Вам придется меня извинить, — сказал секретарь, умоляюще улыбаясь. — Этого я не могу вам сказать без разрешения мистера Уилсона. Мне очень жаль.

— Не приходил кто-нибудь из местных заправил? Скажем, Лу Ярд или…

Секретарь покачал головой и повторил:

— Мне очень жаль.

— Не будем из-за этого ссориться, — сказал я и направился к двери спальни.

Вышел доктор, застегивая пальто.

— Сейчас заснет, — торопливо сообщил он. — Пусть кто-нибудь с ним побудет. Я заеду утром. — Он пустился бегом вниз по лестнице.

Я вошел в спальню. Шеф и полицейский, который допрашивал Уилсона, стояли у кровати. Шеф расплылся в улыбке, словно мой приход доставил ему большую радость. Полисмен нахмурился. Уилсон лежал на спине и глядел в потолок.

— Здесь, пожалуй, все, — сказал Нунан. — Поплелись дальше?

Я не возражал и сказал старику: «Спокойной ночи». Он не глядя ответил: «И вам того же». Вошел секретарь с шофером — рослым, загорелым молодцом.

Шеф, второй блюститель порядка — лейтенант по имени Магро — и я спустились и сели в машину шефа. Магро рядом с водителем, мы позади.

— Будем брать на рассвете, — объяснил по пути Нунан. — У Шепота есть заведение на Кинг-стрит. Он обычно оттуда уходит, когда светает. Можно было бы разнести это местечко в пух и прах, но зачем нам лишние хлопоты? Возьмем его, когда будет уходить.

Я размышлял, собирается ли он брать Шепота или убрать. И спросил:

— А хватит у вас материала для ареста?

— У меня-то? — Он добродушно рассмеялся. — Если того, что дала нам эта дамочка Уилсон, не хватит, тогда я не я, а карманник.

Мне пришло в голову несколько остроумных ответов. Я оставил их при себе.

6. ЗАВЕДЕНИЕ ШЕПОТА

Наша поездка закончилась на темной, обсаженной деревьями улице недалеко от центра. Мы вылезли из машины и направились к перекрестку.

Появился плотный человек в сером пальто и надвинутой на глаза серой шляпе.

— С Шепотом все накрылось, — сообщил плотный человек шефу. — Он позвонил по телефону и сказал, что решил засесть у себя в лавке. Говорит, попробуйте-ка меня отсюда выкурить, если сможете.

Нунан хихикнул, почесал ухо и весело осведомился:

— Сколько там с ним народу, по-твоему?

— Полсотни есть.

— Брось! Откуда столько в такое время?

— Все оттуда же, — огрызнулся плотный человек. — Они туда с полуночи перли без остановки.

— Да? Значит, кто-то ему стукнул. Может, не надо было тебе их туда пропускать.

— Может быть. — Плотный рассердился. — Но я делал, как вы велели. Вы сказали, впускать и

выпускать всех, кто пожелает, а когда покажется Шепот…

— Взять его, — сказал шеф.

— Вот именно, — согласился плотный, свирепо взглянув на меня.

К нам подошли еще несколько человек и принялись молоть языками. Все были в плохом настроении, кроме шефа. Он как будто наслаждался всем этим. Я не понимал, что его так радовало.

Заведение Шепота размещалось в трехэтажном кирпичном здании посреди квартала. Первый этаж занимала табачная лавочка, служившая прикрытием для игорного зала наверху. В доме, если можно было доверять информации плотного, Шепот собрал полсотни друзей, настроенных на битву. Силы Нунана были рассредоточены вокруг здания — на улице перед входом и на соседних крышах.

— Ну, ребята, — дружелюбно заявил шеф, когда все высказались, — по-моему, Шепот так же хочет неприятностей, как и мы. Иначе он давно уже попытался бы прорваться, если там у него столько народу, хотя лично я не думаю, что они все в доме. Вряд ли их так много.

Плотный сказал:

— Черта с два их не много.

— А если он не хочет неприятностей, — продолжал Нунан, — может быть, имеет смысл с ним поговорить. Сходи, Ник, попробуй настроить его на мирный лад.

Плотный сказал:

— Черта с два я пойду.

— Тогда позвони ему, — предложил шеф.

Плотный проворчал:

— Ну, это еще туда-сюда, — и удалился.

Вернулся он абсолютно счастливый.

— Он говорит, — доложил плотный, — «пошли вы знаете куда».

— Вызывайте сюда всех ребят, — радостно приказал Нунан. — Как рассветет, так сразу и ударим.

Плотный Ник и я сопровождали шефа, пока он лично не удостоверился, что его люди расставлены правильно. Они не произвели на меня особого впечатления — потрепанная компания, глаза бегают, никакого интереса к предстоящей работе.

Небо из черного стало серым. Шеф, Ник и я встали в дверях мастерской водопроводчика — напротив нашей цели, чуть наискосок.

У Шепота свет не включали. Окна верхнего этажа пустые, на дверях и окнах табачной лавочки

— плотные жалюзи.

— Душа не лежит начинать, пока я не дал Шепоту последний шанс, — сказал Нунан. — Он парень ничего. Но меня к себе не подпустит. Он всегда меня недолюбливал.

Шеф посмотрел на меня. Я ничего не сказал.

— Не хотите рискнуть? — предложил он.

— Ладно, попробую.

— Очень красиво с вашей стороны. Буду премного благодарен. Попробуйте уговорить Шепота выйти без шума. Вы знаете, что сказать, — мол, для его собственного блага, и все такое, в общем, правду скажите.

— Угу, — сказал я и пошел к табачной лавочке, особенно следя за тем, чтобы оттуда было видно, как болтаются на ходу мои пустые руки.

До рассвета оставалась самая малость. Улица была цвета дыма. Мои ноги звучно шаркали по мостовой.

Я остановился у двери и костяшками пальцев негромко постучал по стеклу. Зеленая штора за дверью превратила стекло в зеркало. В нем я увидел, как на той стороне улицы задвигались две фигуры.

Изнутри не слышалось ни звука. Я постучал сильнее, потом опустил руку, чтобы подергать

дверную ручку.

Из лавочки донесся совет:

— Иди отсюда, пока можешь.

Голос был приглушенный, но он принадлежал не Шепоту. Наверное, кто-то из помощников.

— Я хочу поговорить с Талером, — сказал я.

— Иди поговори с бочкой сала, которая тебя послала.

— Я не от Нунана. Талер меня слышит?

Пауза. Потом приглушенный голос сказал:

— Да.

— Я тот оперативник из «Континентал», который шепнул Дине Бранд, что Нунан шьет тебе дело, — сказал я. — Мне надо поговорить с тобой пять минут. С Нунаном у меня никаких дел — и я не прочь вывести его на чистую воду. Я один. Если велишь, брошу свою пушку на мостовую. Впусти меня.

Я подождал. Все зависело от того, успела ли Дина довести до его сведения нашу беседу. Мне показалось, что я жду долго.

Приглушенный голос сказал:

— Когда откроем, входи быстро. И без фокусов.

— Договорились.

Звякнула щеколда. Я нырнул внутрь, словно привязанный к двери.

На той стороне бабахнул десяток револьверных выстрелов. Вокруг нас зазвенело стекло, выбитое пулями из двери и окон.

Кто-то подставил мне ногу. От страха у меня словно утроились мозги и глаза. Я попал в переплет. Нунан подсидел меня как надо — эти ребята, конечно, теперь думают, что я веду его игру.

Я полетел на пол, извернувшись так, чтобы оказаться лицом к двери. К моменту приземления револьвер был у меня уже в руке.

На той стороне улицы из дверного проема выступал плотный Ник, поливая нас огнем с обеих рук. Я поудобнее уткнул в пол правый локоть. Плечи Ника появились у меня над мушкой. Я нажал на спусковой крючок. Ник перестал стрелять. Он скрестил на груди руки с пистолетами и мешком свалился на тротуар.

Кто-то схватил меня за щиколотки и поволок назад. Пол обдирал мне подбородок. Дверь захлопнулась. Какой-то остряк сказал:

— М-да, никто тебя, бедного, не любит.

Я сел и заорал, перекрикивая весь этот тарарам:

— Я тут ни при чем!

Стрельба поутихла, потом прекратилась. Жалюзи на двери и окнах были в серых дырочках. В

темноте глухим шепотом сказали:

— Тощий, вы с Лисой присмотрите тут. Остальным можно наверх.

Мы пересекли комнату за лавчонкой, прошли коридором, поднялись по лестнице, покрытой ковром, и очутились в комнате на втором этаже, где стоял зеленый стол для игры в кости. Комната была маленькая, без окон, в ней горел свет.

Нас собралось там пятеро. Талер сел и закурил сигарету — невысокий, смуглый молодой человек с красивым лицом, будто созданным для варьете — но это лишь на первый взгляд, пока не разглядишь его тонкогубый жесткий рот. Угловатый светловолосый парнишка, не старше двадцати, валялся на диване в твидовом костюме и пускал к потолку сигаретный дым. Другой паренек, такой же молодой и такой же светловолосый, но не столь угловатый, занимался тем, что то и дело поправлял свой алый галстук и приглаживал соломенную шевелюру. Худой человек лет тридцати, у которого под широким расхлябанным ртом почти не было подбородка, со скучающим видом слонялся по комнате, напевая под нос «Румяные щечки».

Я сел на стул в двух шагах от Талера.

— Долго еще Нунан будет ошиваться? — спро-

сил он. Беспокойства в его хриплом шепоте не было, разве что легкое раздражение.

— На этот раз он не отстанет, — ответил я. — По-моему, пойдет до конца.

Игрок улыбнулся слабой презрительной улыбкой.

— Пора бы ему сообразить, что это дело он на меня не навесит.

— А он и не собирается ничего доказывать суду, — сказал я.

— Да?

— Тебя прихлопнут при сопротивлении аресту или при попытке к бегству. После этого зачем ему улики?

— Раздухарился старик. — Тонкие губы снова скривились в улыбке. Шепот явно был невысокого мнения о смертоносности толстого шефа. — Если уж он меня прихлопнет, значит, так мне и надо. Что он имеет против тебя?

— Догадался, что от меня можно ждать неприятностей.

— Ай-яй-яй. Дина сказала, что ты парень ничего, только прижимистый, словно шотландец.

— Мы с ней хорошо посидели. Что ты знаешь об убийстве Дональда Уилсона?

— Его жена прихлопнула.

— Сам видел?

— Видел ее секунду спустя — с пугачом в руке.

— Это не пройдет, — сказал я. — Не знаю, хорошо ли состряпана у тебя версия. Может, в суде ты на ней бы и выехал, только до суда не дойдет. Если Нунан тебя и возьмет, то лишь в виде трупа. Выложи мне все подчистую. Мне это нужно, чтобы наделать шуму.

Он уронил сигарету на пол, растер ногой и спросил:

— Что, все настолько накалено?

— Расскажи мне свою версию, и я тут же зацапаю убийцу, если, конечно, выберусь отсюда.

Макс закурил новую сигарету и спросил:

— Миссис Уилсон сказала, что это я ей звонил?

— Угу… когда ей Нунан подсказал. Теперь она сама в это верит… может быть.

— Ты прихлопнул Большого Ника, — сказал Шепот. — Рискну на тебя поставить. В тот вечер мне позвонил какой-то человек. Кто такой, не знаю. Сказал, что Уилсон поехал к Дине с чеком на пять косых. Мне-то что до этого? Но, понимаешь, забавная история — вдруг какой-то чужак мне про это стучит. Я и поехал туда. Дэн меня в дом не впустил. Ладно. А меня все не отпускала мысль — зачем этот парень мне позвонил? Вот

я и устроил засаду в парадном. Видел, что там стояла тачка, но тогда я не знал, чья она и кто в ней сидит. Уилсон скоро вышел из дома. Выстрелов я не видел. Правда, слышал. Тут из тачки выскакивает женщина и бежит к нему. Но это не она стреляла. Тут бы мне и смыться, однако интерес меня удерживал. А когда я увидел, что это жена Уилсона, то все-таки пошел к ней, чтобы узнать, как там и что. Дело-то пахло жареным, верно? Надо было все знать в точности, чтобы не оступиться в случае чего. Я ее припугнул. Вот и все — если по-честному.

— Спасибо, — сказал я. — За этим я и приходил. Теперь весь фокус в том, как отсюда выбраться, чтобы нас не накрыли.

— Обойдемся без фокусов, — заверил меня Талер. — Уйдем, когда захотим.

— Я хочу сейчас. И тебе советую. Ясно, что Нунан поднял ложную тревогу, но тебе-то зачем рисковать? Смывайся и сиди тихо до полудня, а к тому времени все, что он тебе подстроил, гроша ломаного не будет стоить.

Талер засунул руку в карман и извлек толстую пачку денег. Он отсчитал сотню или две, двадцатками и десятками, и протянул человеку без подбородка, сказав:

— Купи нам отход, Джерри, и не давай никому больше, чем положено.

Джерри взял деньги, забрал со стола шляпу и удалился. Через полчаса он появился и вернул Талеру несколько купюр, небрежно сообщил:

— Пошли ждать в кухню, они дадут знак.

Мы отправились в кухню. Там было темно. К нам присоединилось еще несколько человек.

Наконец в дверь стукнули.

Джерри открыл дверь, и мы спустились по трем ступенькам во двор. Уже почти совсем рассвело. Нас было десять человек.

— Это все? — спросил я Талера.

Тот кивнул.

— Ник говорил, что вас пятьдесят.

— Против этой-то вшивой команды? — ухмыльнулся он.

Блюститель в мундире придерживал открытые ворота и нервно бормотал:

— Скорее, ребята, пожалуйста.

Лично я был не прочь поторопиться, но остальные не очень-то к нему прислушивались.

Мы вышли в переулок. Высокий человек в коричневом костюме поманил нас в другие ворота, мы прошли через сквозной подъезд на соседнюю улицу и влезли в черный автомобиль, стоявший

у тротуара.

Один из юных блондинов сел за руль. Он знал, что такое скорость.

Я попросил, чтобы меня высадили где-нибудь поближе к гостинице «Грейт Вестерн». Водитель взглянул на Шепота, тот кивнул. Через пять минут я вылез у своей гостиницы.

— До скорого, — прошептал игрок, и машина отчалила.

Последнее, что я увидел, был ее полицейский номер, исчезавший за углом.

7. «ПОЭТОМУ Я ВАС И ПОВЯЗАЛ»

Было половина шестого. Я прошел несколько кварталов, увидел погашенную электрическую надпись «Гостиница Кроуфорд», зашел внутрь, снял номер и попросил портье разбудить меня в десять. Меня провели в обшарпанную комнату.

Я переместил часть виски из фляжки себе в желудок и лег в постель вместе с револьвером и чеком старика Илайхью на десять тысяч.

В десять я оделся, отправился в Первый Национальный банк, нашел Олбури и попросил заверить мне чек Уилсона. Он заставил меня немножко подождать. Наверное, звонил старику домой, чтобы выяснить, все ли в порядке с чеком, и в конце концов принес его обратно со всеми нужными закорючками.

Я раздобыл конверт, вложил туда чек и письмо старика, написал адрес агентства в Сан-Франциско, наклеил марку, вышел на улицу и опустил конверт в ящик на углу. Потом вернулся в банк и сказал Олбури:

— Теперь расскажите, почему вы его убили.

Он улыбнулся и спросил:

— Серенького козлика или президента Линкольна?

— Не хотите сразу признаться, что убили Дональда Уилсона?

— Жаль вас огорчать, — ответил он, по-прежнему улыбаясь, — но предпочел бы не делать никаких признаний.

— Обидно, — расстроился я. — Здесь долго не постоишь, не поспоришь — помешают. Это что за толстый очкарик сюда движется?

Лицо юноши порозовело. Он сказал:

— Мистер Дриттон, кассир.

— Познакомьте нас.

Олбури неохотно окликнул кассира. Дриттон — солидный человек с гладким розовым лицом, венчиком седых волос вокруг розовой лысины и в пенсне на носу — подошел к нам.

Помощник кассира промямлил нужные слова. Я пожал Дриттону руку, не спуская с парня глаз.

— Я вот говорю, — обратился я к Дриттону, — что нам нужно укромное место для беседы. Мне, наверное, придется поработать с ним, пока не сознается, а я не хочу, чтобы весь банк слышал, как я на него ору.

— Пока не сознается? — Кассир облизал губы.

— Конечно. — Я говорил любезно и вкрадчиво,

подражая Нунану. — Вы разве не знаете, что Олбури убил Дональда Уилсона?

На эту идиотскую шутку кассир ответил вежливой улыбкой. Затем взглянул на помощника, и в глазах у него забрезжило недоумение. Юноша стоял красный как рак, и ухмылка, которая свела ему рот, выглядела жутковато.

Дриттон прочистил горло и дружелюбно сказал:

— Прекрасное сегодня утро. Замечательная стоит погода.

— Так есть у вас комната, где можно поговорить? — не отставал я.

Дриттон нервно подпрыгнул и осведомился у юноши:

— Что… что это значит?

Олбури произнес нечто абсолютно неразборчивое.

Я добавил:

— Если нету, придется везти его в муниципалитет.

Дриттон поймал пенсне, слетевшее у него с носа, водрузил его на место и сказал:

— Пройдите сюда.

Мы последовали за ним через вестибюль, прошли по коридору и очутились в кабинете с

табличкой «Президент» на двери — резиденции старика Илайхью. Там никого не было.

Я сел и указал Олбури на стул. Кассир переминался возле стола.

— Итак, объяснитесь, сэр, — потребовал он.

— Всему свой черед, — сказал я ему и повернулся к юноше. — Вы бывший дружок Дины, и она выставила вас за дверь. Из всех близких к ней людей только вы могли знать о заверенном чеке и успеть позвонить миссис Уилсон и Талеру. Уилсона застрелили из револьвера калибра 8,13. В банках любят это калибр. Может быть, вы взяли револьвер не из банка, но я думаю, что отсюда. Если вы еще не положили его обратно, то одного револьвера здесь будет не хватать. В любом случае, я посажу эксперта со всеми его микроскопами и микрометрами сравнивать пули, выпущенные в Уилсона, с теми, которые он выпустит из всех банковских револьверов.

Юноша спокойно смотрел на меня и ничего не отвечал. Он опять взял себя в руки. Это не годилось. Нужно было ударить побольнее. Я сказал:

— Вы же с ума сходили по этой женщине. Вы мне признались, что если бы она захотела, вы бы…

— Не надо… пожалуйста! — вскрикнул он. Лицо

у него опять залилось краской.

Я заставил себя растянуть рот в улыбке и смотрел на Олбури, пока он не опустил глаза. Тогда я сказал:

— Слишком ты много говорил, сынок. Слишком старался, черт побери, раскрыть мне всю свою жизнь. Все вы такие, преступнички-любители. Чересчур нажимаете на откровенность.

Он разглядывал свои руки. Я выпалил из следующего ствола:

— Ты же знаешь, что все это правда. Если ты успел положить револьвер на место, значит, ты уже на крючке — не сорвешься. Наши акулы баллистики позаботятся об этом. Если не успел, я тебя все равно накрою. Ну, ладно. Не мне говорить, есть у тебя шанс или нет. Сам знаешь. Пойми, Нунан шьет это дело Шепоту Талеру. Гарантировать обвинительный приговор он не может, но подстроено все надежно. Если же Талера убьют при сопротивлении аресту, шеф тут ни при чем. Он спит и видит, как бы убить Талера. Шепот всю ночь скрывался от полиции в своем заведении на Кинг-стрит. Он и сейчас скрывается — если до него еще не добрались. Как только первый же фараон его застукает — Талеру каюк. Если ты думаешь, что сможешь выпутаться

на суде, если хочешь, чтобы из-за тебя судили другого человека, дело твое. Но ты ведь знаешь, когда револьвер найдут, у тебя не будет шансов. Так дай шанс выпутаться Талеру.

— Я бы… — Голос у Олбури звучал как у старика. Он оторвал взгляд от своих рук, увидел Дриттона, сказал еще раз: — Я бы… — и замолчал.

— Где револьвер? — спросил я.

— В ящике у Харпера, — ответил он.

Я хмуро глянул на кассира и попросил:

— Принесите, пожалуйста.

Он вышел, явно радуясь, что может уйти.

— Я не хотел его убивать, — сказал юноша. — Кажется, не хотел.

Я кивнул, пытаясь изобразить на лице суровое сочувствие.

— Кажется, я не хотел его убивать, — повторил он, — хотя и взял с собой револьвер. Вы были правы насчет того, что Дина свела меня с ума. В некоторые дни мне было особенно скверно. Уилсон принес чек в плохой день. Я только о том и думал, что потерял ее, потому что у меня не было денег. А он поехал к ней с пятью тысячами. Все дело в том чеке, понимаете? Я ведь знал, что она с Талером… ну, в общем, понятно. Если бы я узнал, что она была и с Уилсоном, но не увидел

этого человека, я ничего не сделал бы, клянусь вам. Но я увидел чек — а сам все думал, что я ее потерял, потому как у меня кончились деньги. В тот вечер я следил за ее домом и видел, как вошел Уилсон. Я боялся что-нибудь натворить, потому что день был плохой, а в кармане у меня лежал револьвер. Честное слово, поначалу я ничего не хотел. Мне было страшно. Я мог думать только о чеке и о том, как я потерял Дину. Я знал, что у Уилсона ревнивая жена, это все знали, и решил, что, если позвонить ей и сказать… Не могу объяснить, почему мне это пришло в голову, только я пошел в магазин за углом и позвонил ей. Потом позвонил Талеру. Я хотел, чтобы они приехали. Если бы я вспомнил еще про кого-нибудь, кто имел отношение к Дине и к Уилсону, я бы им тоже позвонил. Потом я вернулся и стал снова следить за домом Дины. Приехала миссис Уилсон, за ней Талер, и оба тоже начали наблюдать за домом. Я обрадовался. При них мне было не так боязно, что я что-нибудь сделаю. Потом вышел Уилсон. Я посмотрел на машину миссис Уилсон и на парадное, где был Талер. Никаких признаков движения, а Уилсон уходил! Тогда я понял, зачем эти двое были мне нужны. Я надеялся, что они сами что-нибудь предпримут — вместо меня.

Но они ничего не делали, а он уходил. Если бы кто-то из них подошел к Уилсону, заговорил или хотя бы двинулся за ним вслед, я бы ничего не сделал. Но они не тронулись с места. Я помню, как вынул револьвер из кармана. В глазах у меня все расплывалось, как будто от слез. Может быть, я и вправду плакал. Я не помню, как выстрелил… то есть не помню, чтобы сознательно прицелился и спустил курок, но помню громкие хлопки. И вдруг я понял, что это стреляет револьвер, который я держу в руке. Не знаю, что было с Уилсоном, упал он или нет. Я бросился бежать. Когда пришел домой, вычистил и перезарядил револьвер. А наутро положил его обратно в ящик кассира.

Парня вместе с револьвером я повез в муниципалитет. По дороге я извинился перед Олбури за удар ниже пояса, который нанес, когда его раскалывал.

— Мне нужно было пронять тебя до самого нутра, — пояснил я. — Ты так говорил об этой женщине, что мне стало ясно — ты хороший актер, тупой долбежкой тебя не расколешь.

Он поморщился и медленно произнес:

— Я не все время притворялся. Когда я оказался в опасности, перед угрозой виселицы, Дина… она перестала для меня так много значить. Я не мог…

я и теперь не могу… понять до конца, почему я это сделал. Вы понимаете, что я хочу сказать? Все это как-то глупо… и дешево. Вообще все, с самого начала.

Я не нашел что сказать и пробормотал какую-то ерунду, вроде того, что, мол, в жизни всякое бывает.

В кабинете Нунана мы застали одного из участников ночного штурма — это был краснолицый полицейский чин, звали его Биддл. Когда он меня увидел, его серые глаза вылезли из орбит — их распирало от любопытства, — но о событиях на Кинг-стрит он расспрашивать не стал.

Биддл вызвал из прокуратуры молодого юриста по фамилии Дарт. Пока Олбури повторял свой рассказ Биддлу, Дарту и стенографисту, прибыл шеф полиции, который, казалось, только что вылез из постели.

— Рад вас видеть, ей-Богу, — сказал Нунан, одновременно тряся мне руку и похлопывая по спине. — Ну и попали вы вчера в передрягу! Вот сволочи! Я уж точно думал, что вам каюк, но тут мы вышибли двери и увидели, что там пусто. Скажите, как этим сукиным детям удалось смыться?

— Двое ваших людей выпустили их через заднюю дверь, провели сквозь дом напротив и

отправили восвояси в полицейской машине. Меня они забрали с собой, так что я не мог вам сообщить.

— Моих людей? — спросил он без особого удивления. — Ну-ну. А как они выглядели?

Я описал обоих.

— Шор и Райордан, — сказал он. — Так я и знал. Ну, а это что такое? — Он указал жирным подбородком на Олбури.

Я быстро объяснил, пока тот продолжал диктовать свое признание. Шеф хмыкнул и сказал:

— Ну-ну. Зря я обидел Шепота. Надо найти его и уладить дело. Так это вы раскололи парня? Замечательно. Поздравляю и благодарю. — Он снова стал трясти мне руку. — Вы от нас еще не уезжаете?

— Пока нет.

— Это замечательно, — заверил он меня.

Я отправился завтракать. Потом позволил себе роскошь побриться и постричься, послал в агентство телеграмму с просьбой прислать Дика Фоли и Мики Лайнена в Отервилл, зашел к себе переодеться и направился к дому своего клиента.

Старик Илайхью, закутанный в одеяло, сидел в кресле у окна. Он подал мне пухлую руку и поблагодарил за то, что я поймал убийцу его сына.

Я ответил что-то приличествующее случаю. Я не спросил его, откуда он узнал эту новость.

— Чек, который я дал вам вчера, — сказал он, — считайте платой за свою работу.

— За эту работу я получил чек от вашего сына. Суммы хватит с лихвой.

— Тогда пусть мой будет премией.

— У «Континентал» есть правило — не принимать премий и вознаграждений, — сказал я.

Его лицо начало краснеть.

— Черт бы вас…

— Вы не забыли, что выписали свой чек на расследование преступности и коррупции в Отервилле? — спросил я.

— Это была глупость, — фыркнул он. — Мы вчера разволновались. Все отменяется.

— Для меня — нет.

Он изверг из себя множество неприличных выражений, закончив словами:

— Это мои деньги и я не собираюсь выбрасывать их на всякую чушь. Если не хотите брать за работу, отдайте деньги обратно.

— Хватит на меня орать, — сказал я. — По уговору я должен почистить ваш город как следует, и я это сделаю. Теперь вы знаете, что вашего сына убил Олбури, а не ваши дружки. Они, в

свою очередь, знают, что Талер не хотел вместе с вами их обжулить. Ваш сын в могиле, а дружкам вы уже пообещали, что газеты больше не будут выносить сор из избы. Все снова тихо и мирно. Да только я предвидел, что так оно и случится. Поэтому я вас повязал. Вы повязаны. Чек заверен, приостановить выплату вам не удастся. Ваше письмо, конечно, не имеет силы договора, но, чтобы это доказать, придется обратиться в суд. Вам нужна такая реклама? Пожалуйста, я обеспечу ее в избытке. И еще. Вчера ночью ваш толстый шеф полиции пытался меня убить. Мне это не нравится. Я человек нервный, могу и рассердиться. Теперь моя очередь развлекаться. На развлечения у меня есть ваши десять тысяч. Они пойдут на то, чтобы распотрошить Отравилл от адамова яблока до пяток. Я позабочусь, чтобы вы получали мои отчеты регулярно. Надеюсь, они доставят вам удовольствие.

И я вышел из дома, окутанный его проклятиями.

8. СТАВКА НА МАЛЫША КУПЕРА

Чуть ли не весь день я посвятил составлению отчетов за трое суток по делу Дональда Уилсона. Потом посидел просто так, покуривая сигареты и размышляя насчет Илайхью Уилсона. Настало время ужина.

Я спустился в ресторан при гостинице и только-только принял решение в пользу бифштекса с грибами, как меня позвали к телефону.

Посыльный провел меня к будке в вестибюле. Из трубки раздался ленивый голос Дины Бранд:

— Макс хочет вас видеть. Можете заскочить вечером?

— К вам?

— Да.

Я обещал заскочить и вернулся к столу и своему ужину. Потом поднялся к себе на пятый этаж. Отпер дверь, вошел, щелкнул выключателем.

Пуля поцеловала дверной косяк рядом с моей башкой.

Следующая серия пуль пробила много дырочек в двери, косяке и стене, но к тому времени я уже унес свою башку в безопасный угол, сбоку

от окна.

Я знал, что напротив гостиницы стоит четырехэтажное конторское здание, крыша которого чуть выше моего окна. На крыше сейчас было темно, у меня — светло. Выглядывать при таких условиях прямого смысла не имело.

Я огляделся, соображая, чем швырнуть в плафон. Нашел Библию и запустил ею. Лампочка разлетелась вдребезги, даровав мне темноту.

Стрельба прекратилась.

Я подполз к подоконнику и, стоя на коленях, глянул одним глазом в нижний угол окна. В темноте на крыше напротив ничего нельзя было рассмотреть, к тому же снизу я не мог заглянуть за парапет. Десять минут этого одноглазого наблюдения не дали мне ничего, кроме затекшей шеи.

Я добрался до телефона и попросил девушку на коммутаторе прислать ко мне гостиничного детектива.

Явился статный седоусый человек с выпуклым недоразвитым лбом младенца. Чтобы лоб был хорошо виден, он носил на затылке шляпу на несколько размеров меньше, чем надо. Звали его Кивер. Он сразу слишком уж заволновался насчет стрельбы.

Пришел управляющий, полный человек, без-

укоризненно владеющий своим лицом, голосом и поведением. Этот совсем не заволновался. Он отнесся к происшествию как уличный факир, у которого во время фокуса полетела вся механика («Это невероятно, но, я уверен, ничего серьезного»).

Мы рискнули дать свет, ввернув новую лампочку, и пересчитали дырки от пуль. Их было десять.

Полиция пришла, ушла и вернулась, чтобы доложить: никаких следов обнаружить не удалось. Позвонил Нунан. Он поговорил с сержантом, начальником полицейского патруля, и, наконец, со мной.

— Мне только что доложили о стрельбе, — сказал шеф. — Кто же это, по-вашему, за вами охотится?

— Ума не приложу, — соврал я.

— Вас совсем не задело?

— Нет.

— Вот это замечательно, — сердечно сказал он. — Голову даю на отсечение, мы прищучим этого умника, кто бы он ни был. Хотите, я оставлю у вас пару своих ребят, чтобы больше не было происшествий?

— Нет, спасибо.

— А то оставлю, если хотите, — поднажал он.

— Нет, спасибо.

Он заставил меня пообещать, что я навещу его, как только смогу; заявил, что полиция Отервилла в моем распоряжении; дал понять, что, если со мной что-то случится, вся его жизнь будет разбита… в конце концов я от него отделался.

Полиция удалилась. Мои вещи перенесли в другую комнату, куда пулям залететь было труднее. Я переоделся и двинулся на Харрикейн-стрит, на встречу с безголосым игроком.

Дверь мне открыла Дина Бранд. На этот раз ее большой сочный рот был намазан ровно, но каштановые волосы по-прежнему нуждались в стрижке, пробор шел зигзагом, а на подоле оранжевого шелкового платья виднелись пятна.

— Значит, вы еще живы, — сказала она. — Похоже, это надолго. Заходите.

Мы вошли в ее захламленную гостиную. Дэн Ролф с Максом Талером играли в карты. Ролф кивнул. Талер встал, пожал мне руку и сказал хриплым шепотом:

— Говорят, ты объявил Отравиллу войну.

— Я не виноват. У меня есть клиент, который хочет, чтобы городок проветрили.

— Хотел, а не хочет, — поправил он, когда мы

сели. — Может, плюнешь на это дело?

Я произнес речь:

— Нет. Мне не нравится, как Отравилл со мной обошелся. Теперь у меня есть шанс, и я собираюсь сквитаться. Я так понял, что ваш клуб опять в полном сборе, все друг другу братья и кто старое помянет, тому… В общем, ясно. Вы хотите, чтобы вас оставили в покое. Было время, когда я хотел того же. Если бы мое желание исполнилось, я бы сейчас, возможно, был уже на пути к Сан-Франциско. Но оно не исполнилось. Особенно ему помешал исполниться этот жирный Нунан. За два дня он дважды покушался на мой скальп. Это многовато. Теперь моя очередь его пощипать. Отравилл созрел для жатвы. Эта работа мне по душе, и я ею займусь.

— Занимайся, пока жив, — заметил игрок.

— Верно, — согласился я. — Сегодня утром я читал в газете, как человек подавился и умер, когда ел в постели эклер.

— Хорошая смерть, — сказала Дина Бранд, раскинув в кресле свое крупное тело. — Только в сегодняшних газетах этого не было.

Она закурила и швырнула спичку с глаз подальше, под кушетку. Чахоточный собрал карты и бесцельно тасовал их.

Талер хмуро взглянул на меня и сказал:

— Уилсон оставляет тебе в подарок десять косых. Унялся бы ты на этом.

— У меня плохой характер. Покушения на мою жизнь меня раздражают.

— Сыграешь в ящик, вот и все. Я против тебя ничего не имею, ты не дал Нунану меня накрыть. Поэтому я тебе и говорю — брось все и возвращайся во Фриско.

— И я против тебя ничего не имею, — сказал я. — Поэтому я тебе и говорю — отколись от них. Они продали тебя однажды, и рано или поздно это повторится. Кроме того, их карта бита. Так что смывайся, пока не поздно.

— Я слишком крепко с ними повязан, — ответил он. — И я могу за себя постоять.

— Возможно. Но ты знаешь, что здешняя кормушка скоро прикроется. Вы уже сняли сливки, теперь пора отчаливать.

Он покачал головой и сказал:

— Ты, на мой взгляд, крепкий малый. Но будь я проклят, если тебя хватит на то, чтобы развалить эту шарагу. Они слишком крепко держатся друг за друга. Если бы я верил, что ты их прихлопнешь, я поставил бы на тебя. Ты знаешь, как я люблю Нунана. Но у тебя ничего не выйдет. Плюнь на это.

— Нет, я буду держаться до последнего цента уилсоновых десяти тысяч.

— Я тебе говорил, что он упрям, как черт, и ничего не слушает, — сказала зевнув Дина Бранд. — Дэн, поройся там в мусоре, найди что-нибудь выпить.

Чахоточный встал из-за стола и вышел. Талер пожал плечами:

— Ну, как хочешь. Тебе виднее, что делать. Пойдешь завтра вечером на бокс?

Я сказал, что, наверное, пойду. Вошел Дэн Ролф с джином и всем, что к нему полагается. Мы выпили по паре стаканчиков на брата. Заговорили о боксе. На тему «агентство „Континентал“ против Отравилла» больше разговоров не было. Игрок, по-видимому, умыл руки, но и не злился на мое упрямство. Он даже дал мне честный, судя по всему, совет насчет бокса.

— Уж если заключать пари на главный бой, — сказал он, — то неплохо помнить, что Малыш Купер скорее всего нокаутирует Айка Буша в шестом раунде.

Казалось, он знал, что говорит, да и для остальных его сообщение вроде бы не было новостью.

Я ушел вскоре после одиннадцати и без происшествий прибыл в гостиницу.

9. ЧЕРНЫЙ НОЖ

На следующее утро я проснулся с идеей. В Отервилле всего около сорока тысяч обитателей. Пустить здесь слух нетрудно. В десять часов я приступил к этой работе.

Я занимался этим в бильярдных, табачных лавках, подпольных кабаках, барах и прямо на улице — всюду, где обнаруживал хотя бы одного-двух праздношатающихся. Техника распространения была примерно такая:

— Спички не найдется? Спасибо… Идете сегодня на бокс? Я слышал, Айк Буш кувыркнется в шестом… Дело вроде верное: мне Шепот сказал. Да уж, все они такие…

Люди любят узнавать новость из первых рук, а в Отервилле руки Талера считались наипервейшими. Распространение шло гладко. Половина тех, кому я сообщил новость, старались разнести ее не хуже меня — просто чтобы показать, что они в курсе.

Когда я начинал, на Айка Буша ставили семь к четырем и два к трем, что он выиграет нокаутом. К двум часам ставки были уже равные, а к поло-

вине четвертого на Малыша Купера ставили два против одного.

Последняя моя остановка была в забегаловке, где я, поедая сандвич с горячей котлетой, подбросил новость официанту и двум посетителям.

Когда я вышел, то обнаружил, что у двери меня ждет какой-то человек. У него были кривые ноги, а длинная нижняя челюсть выдавалась вперед, как у кабана. Он кивнул и пошел рядом со мной, грызя зубочистку и искоса на меня поглядывая. На углу он сказал:

— Я точно знаю, что это туфта.

— Что? — спросил я.

— Да что Айк Буш продует. Точно говорю, туфта.

— Тогда что вам беспокоиться? Все ставят два против одного на Купера. Но ему не выиграть, если Айк сам не поддастся.

Кабанья челюсть выплюнула измочаленную зубочистку и осклабилась, показав желтые зубы.

— Айк сам мне сказал вчера вечером, что побьет Купера, а мне он врать не станет.

— Дружите с ним?

— Не то чтобы дружим, но он знает, что я… Слушайте-ка, это точно, что Шепот вам свистнул, по-честному?

— По-честному.

Он злобно выругался.

— А я-то последние тридцать пять монет поставил на этого гада Айка, поверил ему. Да мне ничего не стоит засадить его за то… — Он замолчал и стал смотреть вдаль.

— За что засадить? — спросил я.

— Есть за что, — сказал он. — Ну, ладно.

У меня возникло предложение:

— Если вы что-нибудь такое о нем знаете, может, потолкуем? По мне, все едино, выиграет Буш или проиграет. Но раз можно прищемить ему хвост, отчего бы не попробовать?

Он взглянул на меня, на тротуар, выудил из жилетного кармана еще одну зубочистку, сунул ее в рот и пробурчал:

— Вы кто такой?

Я назвался каким-то именем — Хантер, Хант или Хантингтон — и спросил, как его зовут. Он сказал, что его зовут Максуэйн, Боб Максуэйн, и что его в городе знают все.

Я сказал, что верю и так, и спросил:

— Так как же? Прижмем Буша?

Хищные огоньки зажглись у Максуэйна в глазах и тут же потухли.

— Нет, — выдохнул он. — Я не из таких. Я в

жизни…

— Вы в жизни небось только и делали, что давали себя обдурить. Вам не придется ему показываться, Максуэйн. Скажите мне, что вы про него знаете, а я сыграю за вас.

Он задумался над моим предложением и облизнул губы. Зубочистка выпала и прилипла к пиджаку.

— Не выдадите меня? — спросил он. — Я местный, если это выплывет, мне крышка. И его не засадите? Просто заставите его драться как следует?

— Точно.

Он возбужденно схватил меня за руку и зашептал:

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— Его настоящая кличка Эл Кеннеди. Два года назад в Филадельфии ребята из банды Ножичка Хаггерти обчистили банк «Кистоун» и замочили двух сторожей. Эл был с ними. Он не убивал, но разгон держал вместе со всеми. Эл тогда вообще ошивался в Филадельфии. Их всех замели, а он смылся. Вот почему он залег здесь в кустах. Вот почему не позволяет печатать свою карточку в газетах и афишах. Перебивается по мелочам,

хотя сам из высшей лиги. Поняли? Этот Айк Буш на самом деле Эл Кеннеди, которого фараоны в Филли ищут за кистоунский разбой. Поняли? Он с ними вместе…

— Понял, понял, — остановил я эту карусель. — Теперь надо до него добраться. Как это сделать?

— Он ночует в гостинице Максуэлла на Юнион-стрит. Наверное и сейчас там, отдыхает перед рубкой.

— Чего ему отдыхать? Он же не знает, что ему придется драться. Хорошо, попробуем туда зайти.

— То есть как попробуем? С чего вы взяли, что я туда пойду? Вы же обещали, побожились даже, что я буду в стороне.

— Угу, — сказал я, — теперь вспомнил. Какой он на вид?

— Волосы черные, сам худощавый, одно ухо расплющено, брови срослись. Вряд ли вы его с ходу узнаете.

— Попробую справиться. Где вас потом искать?

— В бильярдной Марри. Так не продавайте меня. Вы обещали.

Гостиница Максуэлла была неотличима от десятка ей подобных на Юнион-стрит — узкий парадный вход, зажатый между витринами

лавчонок, и обшарпанная лестница, ведущая в регистратуру на втором этаже. У Максуэлла регистратура была прямо в коридоре. Доска для ключей висела за деревянной стойкой, которую давно пора было покрасить. На стойке рядом с медным колокольчиком лежала грязная книга для записи постояльцев. Вокруг не было ни души.

Мне пришлось проглядеть восемь страниц, пока я нашел запись «Айк Буш, Солт-Лейк-Сити, — № 214». Ключа от комнаты на доске не было. Я одолел еще несколько ступеней и постучал в дверь с указанным номером. Ничего не произошло. Я сделал еще две-три попытки и зашагал обратно.

Кто-то поднимался по лестнице. Я остановился на площадке и попытался рассмотреть того, кто шел мне навстречу. Света для этого как раз хватало.

Это был худой мускулистый парень в армейской рубашке, синем костюме и серой кепке. Его черные брови срослись в прямую линию.

Я сказал:

— Привет.

Он кивнул, не останавливаясь и не отвечая.

— Выиграешь сегодня? — спросил я.

— Надеюсь, — коротко бросил он, проходя мимо.

Я дал ему сделать четыре шага к двери и сказал:

— И я надеюсь. Не хотелось бы отправлять тебя обратно в Филадельфию, Эл.

Он сделал еще один шаг, очень медленно обернулся, оперся плечом о стену и хмыкнул:

— Чего?

— Жаль, если тебя сковырнет в шестом или каком там раунде такой слизняк, как Малыш Купер, — сказал я. — Не делай этого, Эл. Ты же не хочешь обратно в Филли.

Парень вдавил подбородок в шею и пошел на меня. На расстоянии вытянутой руки он остановился и слегка развернулся левым боком. Руки у него свободно висели. Я держал свои в карманах пальто.

Он повторил:

— Чего?

Я сказал:

— Постарайся запомнить — если Айк Буш сегодня проиграет, завтра Эл Кеннеди поедет на восток.

Он приподнял левое плечо. Я немного подвигал в кармане револьвером, как раз столько, сколько

надо. Он проворчал:

— С чего ты взял, что я проиграю?

— Болтают разное. Я и решил, что ты с этого ничего не будешь иметь, разве что бесплатную поездку в Филли.

— Тебе бы челюсть своротить, жулик толстый.

— Это лучше прямо сейчас, — посоветовал я. — Ведь если ты выиграешь, то больше меня не увидишь. А если проиграешь — увидишь, только на тебе будут наручники.

Я нашел Максуэйна в бильярдной Марри на Бродвее.

— Были у него? — спросил он.

— Угу. Все в порядке. Конечно, если он не смоется из города, или не проболтается своим покровителям, или не пропустит мои слова мимо ушей, или…

Максуэйн занервничал.

— Вы лучше поберегитесь, — предупредил он. — Черт их знает, может, они попробуют вас убрать. Он… Мне тут надо повидать кой-кого… — И Максуйэн помчался прочь, только пятки засверкали.

Боксом в Отравилле любуются на краю города, посреди заброшенного Луна-парка, в большом деревянном здании — бывшем казино. Когда я

прибыл туда в восемь тридцать, большинство зрителей было уже на местах. Они плотно забили тесные ряды складных стульев в партере и еще плотнее — скамейки на двух узких балкончиках.

Дым. Вонь. Жара. Шум.

У меня было место в третьем ряду, возле ринга. Пробираясь туда, я обнаружил неподалеку, возле прохода, Дэна Ролфа, а рядом с ним Дину Бранд. Она наконец постриглась и завилась и, облаченная в пышную серую меховую шубу, выглядела на миллион долларов.

— Поставили на Купера? — спросила она, когда мы обменялись приветствиями.

— Нет. А вы много в него вложили?

— Не так много, как хотелось бы. Мы все придерживали, думали, что нам предложат ставку повыше, но черта с два.

— Кажется, весь город знает, что Буш сковырнется, — сказал я. — Пять минут назад я видел, как на Купера ставили сотню при ставке четыре против одного. — Я перегнулся через Ролфа, приблизил губы к тому месту, где в сером меховом воротнике пряталось ухо Дины, и прошептал:

— Проигрыш Буша отменяется. Поставьте наоборот, пока есть время.

Ее большие воспаленные глаза расширились и

потемнели от тревоги, алчности, любопытства, подозрительности.

— Это точно? — хрипло спросила она.

— Ага.

Она прикусила жирно намазанные губы, нахмурилась, потом сказала:

— Откуда вам это известно?

Я промолчал. Она прикусила губу посильнее.

— Макс в курсе?

— Я его не видел. Он здесь?

— Наверное, — ответила она рассеянно, с отсутствующим выражением лица. Губы у нее шевелились, словно она что-то про себя подсчитывала.

Я сказал:

— Не хотите — не верьте, но это точно.

Она подалась вперед, впилась в меня взглядом, открыла сумку и извлекла оттуда пачку денег толщиной с кофейную банку. Часть пачки сунула Ролфу.

— На, Дэн, поставь на Буша. У нас еще час в запасе.

Ролф взял деньги и ушел выполнять поручение. Я сел на его место. Она положила руку мне на плечо и сказала:

— Если из-за вас я потеряю столько монет, на-

чинайте молиться.

Я сделал вид, что мне смешно это слышать. Начались предварительные бои — схватки по четыре раунда между всякой шушерой. Я искал взглядом Талера, но не находил. Дина ерзала возле меня, не обращая внимания на ринг. Она то и дело возвращалась к вопросу, откуда у меня такие сведения, а в промежутках грозила мне адским пламенем и вечными муками, если они окажутся враньем.

Шел полуфинал, когда Ролф вернулся и отдал ей пригоршню билетов. Пока она щурясь разглядывала их, я встал и пошел на место. Она бросила вдогонку, не поднимая головы:

— Когда кончится, дождитесь нас у выхода.

Я еще протискивался к своему стулу, а на ринг уже поднялся Малыш Купер, коренастый крепыш с соломенными волосами, изрытым шрамами лицом и некоторым избытком мяса над резинкой лиловых трусов. Айк Буш, он же Эл Кеннеди, пролез сквозь веревки в углу напротив. Тело у него на вид было получше — подтянутое, по-змеиному гибкое, — а лицо бледное и угрюмое.

Они пожали друг другу руки, выслушали в центре ринга обычные наставления, разошлись по своим углам, сбросили халаты. Прозвучал гонг, и

стычка началась.

Купер был неуклюж и бездарен. Все, чем он располагал, — это размашистые боковые, попади они в цель — могли бы причинить боль, но любой человек на двух ногах сумел бы от них уйти. Вот Буш — тот был классным боксером: легкие ноги, точная и быстрая левая рука, проворная правая. Выпускать Купера на ринг против этого стройного парнишки выглядело чистым убийством — если бы Буш хоть немного постарался. Но как раз этого он и не делал. Он не старался выиграть. Напротив, старался не выиграть, и делал это изо всех сил.

Купер топтался по рингу на своих плоских стопах и закидывал свои боковые куда попало — от ламп до углов. Система у него была простая — дать рукам волю, а там видно будет. Буш двигался вокруг толстячка, время от времени доставая его перчаткой, но в удар не вкладывал ничего.

Зрители завыли еще до конца первого раунда. Второй оказался таким же позорищем. Я чувствовал себя неважно. На Буша, похоже, не слишком повлияла наша маленькая беседа. Краем глаза я видел, как Дина Бранд пытается привлечь мое внимание. Вид у нее был разгоряченный. Я позаботился о том, чтобы мое внимание оказалось

прикованным к чему-то совсем в другой стороне.

Полюбовная забава на ринге продолжалась и в третьем раунде, на сей раз под вопли зрителей: «Вон с ринга!», «Дай ему раза!» и «Пусть дерутся!». Вальсируя, противники очутились в ближнем ко мне углу как раз в тот момент, когда крики на миг оборвались.

Я сложил ладони рупором и заорал:

— Обратно в Филли, Эл!

Буш был ко мне спиной. Он подтолкнул Купера к веревкам, развернул его и оказался ко мне лицом.

Издали, с другой стороны зала, донесся еще чей-то вопль:

— Обратно в Филли, Эл!

Это Максуэйн, решил я.

Какой-то пьяница рядом со мной поднял отекшее лицо и заорал то же самое, смеясь, как над удачной шуткой. Остальные подхватили крик, не понимая, в чем дело, но заметив, что эти слова раздражают Буша.

Глаза его метались из стороны в сторону под черной полосой бровей.

Одним из своих шальных ударов Купер заехал стройному парнишке сбоку в челюсть.

Буш свалился мешком к ногам судьи.

За две секунды судья досчитал до пяти, но его оборвал гонг.

Я посмотрел на Дину Бранд и засмеялся — а что мне еще оставалось делать? Она, однако, смотрела на меня без улыбки. Лицо у нее было больное, как у Дэна Ролфа, только гораздо злее.

Секунданты поволокли Буша в угол и стали растирать, не вкладывая в это особой души. Он открыл глаза и посмотрел себе на ноги. Ударил гонг.

Малыш Купер затопал на середину, поддергивая трусы. Буш дождался, когда дурень приблизится, и быстро пошел на него.

Левая перчатка Буша нырнула вниз и буквально утонула в брюхе Купера. Купер сказал: «Ух» — и попятился, сложившись пополам.

Буш выпрямил его ударом правой в зубы и утопил свою левую снова. Купер опять сказал: «Ух», и у него начались неприятности с коленями.

Буш врезал ему с обеих сторон по голове, взвел свою правую как пружину, длинным ударом левой аккуратно установил лицо Купера в нужном положении и выбросил правую руку прямо из-под своей челюсти в челюсть Купера.

Все, кто был в зале, почувствовали удар.

Купер грохнулся на пол, подпрыгнул и лег

смирно. Судье потребовалось полминуты, чтобы отсчитать десять секунд. Он мог считать хоть полчаса. Малыш Купер был в отключке.

Осилив, наконец, счет, судья поднял руку Буша. Вид у обоих был невеселый.

Наверху что-то сверкнуло, притянув мой взгляд. С узкого балкона метнулась вниз серебряная полоска.

Раздался женский крик.

Полет серебряной полоски закончился на ринге звуком, в котором смешались глухой удар и хлопок.

Айк Буш высвободил руку из пальцев судьи и свалился на Малыша Купера. Из шеи у него торчала черная рукоятка ножа.

10. ТРЕБУЮТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛЮБОЙ ДАВНОСТИ

Когда полчаса спустя я вышел на улицу, Дина Бранд сидела за рулем маленькой голубой машины и разговаривала с Максом Талером, стоявшим рядом.

Квадратный подбородок Дины выдавался вперед, ее крупные яркие губы грубо выплевывали слова, морщинки по углам рта стали глубокими и жесткими.

У игрока был такой же неприятный вид. Красивое лицо пожелтело и затвердело, словно деревянное. Тонкие губы вытянулись в нитку.

Все это напоминало веселую семейную сцену. Я бы не стал в нее вмешиваться, если бы девушка не увидела меня и не позвала:

— Господи, Боже, я уж думала, вы никогда не выйдете.

Я подошел к машине. Талер взглянул на меня поверх крыши без особого дружелюбия.

— Вчера вечером я советовал тебе уехать во Фриско. — Шепот у него был резче, чем крик. — Сейчас я тебе приказываю.

— И на этом спасибо, — ответил я, влезая в машину.

Пока Дина возилась с зажиганием, Макс сказал ей:

— Не в первый раз ты меня продаешь. Это был последний.

Она тронула машину с места, обернулась и пропела ему через плечо:

— Пошел ты к черту, любовь моя!

До города мы добрались быстро.

— Буш умер? — спросила она, сворачивая на Бродвей.

— Конечно. Когда его перевернули, острие ножа торчало спереди.

— Мог бы сообразить, что с ними шутки плохи. Зайдем куда-нибудь поесть. Мне отломилось сегодня почти одиннадцать сотен, так что мой дружок может дуться, пока не лопнет. А вам сколько перепало?

— Я не ставил. Значит, вашему Максу это не понравилось?

— Не ставил?! — воскликнула она. — Ну не осел ли! Где это слыхано, чтобы человек не ставил, когда он такое знает?

— Я не был до конца уверен. Значит, Максу не понравился такой оборот дел?

— Нетрудно догадаться. Он много просадил. А теперь еще злится, что у меня хватило ума вовремя переметнуться и взять свое. — Она яростно затормозила у китайского ресторана. — Да пошел он к черту, дешевка плюгавая!

Глаза у нее блестели — от влаги. Вылезая из машины, она промокнула их платком.

— Господи, есть-то как хочется, — сказала Дина, таща меня за собой. — Закажете мне свинины с лапшой, целую тонну?

С тонной она бы не справилась, но умяла полную тарелку и еще половину моей порции. Потом мы сели в машину и поехали к ней домой.

Дэн Ролф был в столовой. Перед ним на столе стоял стакан и коричневая бутылка без наклейки. Он сидел прямо, уставившись на бутылку. В комнате пахло настойкой опия.

Дина Бранд сбросила шубу, которая соскользнула со стула на пол, и, щелкнув пальцами перед лицом чахоточного, нетерпеливо осведомилась:

— Деньги получил?

Не отрывая глаз от бутылки, он вынул из внутреннего кармана пиджака пачку банкнот и бросил на стол. Девушка схватила ее, дважды пересчитала, причмокнула и запихнула деньги в сумку.

Она пошла на кухню и стала колоть лед. Я сел и закурил. Ролф глядел на бутылку. У нас с ним никогда не находилось, о чем поговорить. Наконец Дина принесла джин, лимонный сок, сельтерскую и лед.

Мы выпили, и она сказала Ролфу:

— Макс злой как черт. Узнал, что ты побежал в последнюю минуту ставить на Буша, и думает, обезьяна, что я его надула. Я-то здесь при чем? Сделала то, что сделал бы любой нормальный человек, — взяла свое. Я чиста, как младенец, правда? — спросила она меня.

— Правда.

— Еще бы. Макс просто боится, что те, другие, подумают, будто мы с ним были заодно. Будто Дэн ставил и его деньги вместе с моими. Ну это проблемы Макса. Может хоть утопиться, паршивец плюгавый. Еще капельку, хорошо пошла.

Она налила по новой себе и мне. Ролф не дотронулся и до первой порции. Он сказал, по-прежнему глядя на коричневую бутылку:

— Вряд ли можно было рассчитывать, что его это сильно обрадует.

Девушка насупилась:

— Как хочу, так и рассчитываю. А он не имеет права так со мной разговаривать. Он меня не

купил. Я ему докажу.

Она осушила стакан, со стуком поставила его на стол и повернулась в мою сторону.

— Это правда, что Илайхью Уилсон дал вам десять тысяч долларов на очистку города?

— Угу.

Ее воспаленные глаза жадно блеснули.

— А если я вам помогу, перепадет мне что-нибудь из этих…

— Так нельзя, Дина. — Ролф говорил с трудом, но ласково и настойчиво, как с ребенком. — Это была бы крайняя подлость.

Девушка медленно обратила к Дэну лицо. На нем появилось такое же выражение, как при разговоре с Талером.

— Нет, можно, — сказала она. — Значит, я подлая, да?

Он не ответил, не поднял глаз от бутылки. Лицо у нее стало красным, грубым, жестоким, а голос, напротив, мягким, воркующим:

— Как жаль, что такой чистый джентльмен, пусть и слегка чахоточный, связался с такой низкой тварью, как я.

— Это можно исправить, — медленно сказал Ролф, вставая. Он был налит опием до краев.

Дина Бранд вскочила и обежала вокруг стола.

Дэн Ролф смотрел на нее пустыми одурманенными глазами. Она вплотную приблизила к нему лицо и спросила:

— Значит, теперь я для тебя слишком подлая, да?

Он сказал, не повышая голоса:

— Я сказал, что предавать друзей подло, так оно и есть.

Она поймала его за тонкое запястье и стала выкручивать, пока Дэн не очутился на коленях. Другой рукой она принялась с размаху бить его по впалым щекам. Голова его моталась из стороны в сторону. Свободной рукой он мог защитить лицо, но не стал этого делать.

Дина отпустила запястье, повернулась к Ролфу спиной и потянулась за джином с сельтерской. Она улыбалась. Эта улыбка мне не нравилась.

Ролф, моргая, поднялся с колен. Запястье у него покраснело, лицо распухло. Он потверже встал на ноги и посмотрел на меня тусклыми глазами.

Все с тем же выражением лица и пустых глаз он сунул руку под пиджак, достал черный автоматический пистолет и выстрелил в меня.

Но он слишком трясся — ему недоставало ни скорости, ни точности. Я успел швырнуть в него стакан и попал в плечо. Пуля ушла куда-то

вверх.

Я прыгнул на Ролфа, пока он не успел выстрелить вновь, и сумел выбить пистолет. Вторая пуля ушла в пол.

Я дал ему в челюсть. Дэн свалился ничком и остался лежать.

Я обернулся.

Дина Бранд собиралась стукнуть меня по голове тяжелым сифоном с сельтерской, который раздробил бы мне череп.

— Стойте! — заорал я.

— А зачем вы его так? — огрызнулась она.

— Что теперь делать. Лучше приведите его в чувство.

Дина поставила сифон на место, и я помог ей перенести Дэна в спальню. Когда у него задергались веки, я предоставил ей заканчивать работу и вернулся в столовую. Она пришла через пятнадцать минут.

— Все в порядке, — сказала она. — Но можно было обойтись и без этого.

— Я это сделал ради него. Знаете, почему он в меня стрелял?

— Чтобы я не продала вам Макса?

— Нет. Потому что я видел, как вы задали ему взбучку.

— Глупость какая-то, — сказала она. — Ведь это я его била, а не вы.

— Он в вас влюблен, и вы с ним не первый раз так обходитесь. Он уже знает, что с вами меряться силой не стоит. Но нельзя ожидать, что он согласится получать от вас пощечины при другом мужчине.

— А я-то думала, что знаю мужчин, — посетовала она. — Все они сумасшедшие, черт бы их побрал.

— Я ему вмазал, чтобы поддержать его достоинство. Понимаете, обошелся с ним как с мужчиной, а не как с жалким типом, которого бьют бабы.

— Ну, знаете, — вздохнула она, — вам виднее. Надо бы выпить.

Мы выпили, и я начал:

— Вы сказали, что согласны работать со мной, если вам перепадет что-нибудь из денег Уилсона. Это можно.

— Сколько?

— Сколько заработаете. Посмотрим, сколько от вас будет пользы.

— А поточнее нельзя?

— Откуда я знаю, какой от вас будет прок?

— Ах, не знаете? Много будет проку, братец, не сомневайтесь. Я Отравилл знаю вдоль и по-

перек. — Она оглядела свои колени, обтянутые серыми чулками, и негодующе воскликнула: — Полюбуйтесь — опять поехали! Видели вы что-нибудь подобное? Честное слово, лучше носить туфли на босу ногу.

— У вас ноги слишком велики, — сообщил я ей. — Материал не выдерживает.

— Хватит острить. Как вы собираетесь очистить нашу деревню?

— Если мне не наврали, то Отравилл превратили в этот благоухающий рай Талер, Пит Финн, Лу Ярд и Нунан. Старик Илайхью тоже не без греха, но, возможно, он не во всем виноват. Кроме того, он мой клиент, хоть и против его собственной воли, так что придется обращаться с ним полегче. Буду копать, пока не найду какое-нибудь грязное дело, в котором они замешаны, и вытащу его на свет божий. Мне сгодится преступление любой давности. Если репутация этих ребят соответствует действительности, нетрудно будет найти дельце-другое, которое можно им пришить.

— Вы к этому и вели, когда затеяли историю с боксом?

— То был просто эксперимент. Хотел посмотреть, что получится.

— Значит, вот как вы работаете, ученые детек-

тивы. Господи, такой толстый, упрямый парень, уже в годах, и вроде знает, что почем, а действует наобум.

— Иногда хорошо работать по плану, — сказал я. — А иногда лучше просто помешать палкой в болоте. Только при этом надо ухитриться остаться в живых. И еще — поглядывать по сторонам, чтобы не упустить то самое, что тебе нужно, когда оно всплывет.

— За это стоит выпить, — сказала она.

11. ПОТРЯСАЮЩИЙ ЧЕРПАК

Мы снова выпили.

Она поставила стакан, облизала губы и произнесла:

— Если ваш метод — мешать в болоте, у меня есть для вас потрясающий черпак. — Слышали когда-нибудь про Тима, брата Нунана? Он покончил с собой на озере Мок года два назад.

— Нет.

— Ничего хорошего вы про него все равно не услышали бы. Но дело в том, что он не покончил с собой. Его убил Макс.

— Да?

— Да проснитесь вы, ради Бога. Я вам дело говорю. Нунан для Тима был как отец. Дайте ему доказательства, и он раздавит Макса как клопа. Вам ведь это нужно?

— А у вас есть доказательства?

— Два человека были рядом с Тимом перед смертью, и он сказал им, что это сделал Макс. Оба еще в городе, хотя одному жить осталось недолго. Как, годится?

Вид у нее был такой, словно она говорила

правду, хотя у женщин, особенно голубоглазых, внешность порой обманчива.

— Послушаем всю историю, — сказал я. — Люблю подробности.

— Подробности обещаю. Вы были когда-нибудь на озере Мок? Это наш летний курорт, в пятидесяти километрах отсюда по ущелью. Местечко дрянь, но летом там прохладно, вот все туда и едут. Это было позапрошлым летом, в последнюю субботу августа. Я там была с парнем по имени Холли. Он сейчас вернулся в Англию, но это неважно — Холли ни при чем. Забавный он был экземпляр — носил белые шелковые носки наизнанку, чтобы швами не натереть ноги. На той неделе я получила от него письмо. Оно где-то валяется, но это опять же неважно.

Так вот, мы там были, и Макс тоже — с девушкой, с которой он тогда встречался, Мертл Дженнисон ее звали. Она сейчас в больнице, умирает от воспаления почек или чего-то такого. Тогда это была классная девчонка, стройная блондиночка, мне она всегда нравилась. Разве что любила пошуметь, когда выпьет. Тим Нунан по ней с ума сходил, но в то лето она ни на кого не смотрела, кроме Макса.

Тим не давал ей проходу. Он был такой здо-

ровенный красивый ирландец, но бестолочь и дешевый жулик. Только на том и выезжал, что у него брат — шеф полиции. Где Мертл ни появится — глядишь, и он тут как тут. Она ничего не говорила Максу — не хотела чтобы у Макса испортились отношения с шефом, братом Тима.

Ну и, конечно, в ту субботу Тим заявился на озеро Мок. Мертл и Макс были там вдвоем, без компании. Мы-то с Холли приехали вместе с целой оравой. Я разговорилась с Мертл, и она сказала, что получила от Тима записку — он просил вечером встретиться с ним на несколько минут в беседке возле гостиницы. Писал, что, если она не придет, он покончит с собой. Мы, конечно, посмеялись над этим враньем. Я уговаривала Мертл не ходить. Но она уже накачалась, развеселилась и сказала, что пойдет и выложит все, что о нем думает.

В тот вечер мы все были в гостинице на танцах. Макс показался ненадолго, и больше я его не видела. Мертл танцевала с парнем по имени Ратгерс, юристом из города. Скоро она его оставила и вышла в боковую дверь. По пути она мне подмигнула, и я поняла, что она идет к Тиму. Едва Мертл ушла, как я услыхала выстрел. Никто не обратил на это внимания. Я бы тоже ничего не

заметила, если бы не знала про записку. Я сказала Холли, что мне нужно поговорить с Мертл, и вышла вслед за ней. С ее ухода прошло всего минут пять. В саду я увидела возле беседки свет и людей. Я пошла туда, и… От этих рассказов в горле пересыхает…

Я разлил джин в два стаканчика. Она сходила на кухню за другим сифоном и льдом. Мы смешали, выпили, и она вернулась к своему повествованию.

— Тим Нунан лежал там мертвый, с дыркой в виске, а рядом валялся его револьвер. Вокруг толпилось человек десять — служащие гостиницы, постояльцы, один из людей Нунана, сыщик по имени Максуэйн. Мертл сразу отвела меня в сторону, под деревья. «Его убил Макс, — сказала она. — Что делать?» Я стала ее расспрашивать. Она сказала, что увидела вспышку выстрела и поначалу решила, что Тим все-таки покончил с собой. Но она была слишком далеко, а вокруг совсем темно и ничего не видно. Когда она подбежала ближе, Тим катался по земле и стонал: «Зачем он меня из-за нее убил? Я бы…» Больше она ничего не разобрала. Тим катался по земле, а из виска хлестала кровь.

Мертл испугалась, что это дело рук Макса, но

она хотела знать наверное. Поэтому она опустилась на колени, попыталась приподнять Тиму голову и спросила:

«Кто это сделал, Тим?»

Он уже кончался, но перед смертью собрал последние силы и сказал ей: «Макс!»

Мертл все повторяла: «Что мне делать?» Я спросила, слышал ли еще кто-нибудь, что сказал Тим, и она ответила, что, наверное, слышал сыщик. Он подбежал, когда Мертл приподнимала Тиму голову. Она решила, что все остальные были еще далеко и не могли слышать, а он мог.

Я не хотела, чтобы Макс погорел из-за такого подонка, как Тим Нунан. Макс тогда ничего для меня не значил, просто он мне нравился, а Нунаны — нет. Этого сыщика, Максуэйна, я знала, и его жену тоже. Он был отличный парень, свой в доску, пока не пошел служить в полицию. Тут он сразу стал как все. Жена Максуэйна терпела, сколько могла, а потом бросила его.

Я сказала Мертл, что, по-моему, это можно уладить. Небольшая сумма, и у Максуэйна отшибет память. А если он заартачится, Максу недолго его и прихлопнуть. У Мертл была записка Тима, где он грозил самоубийством. Если сыщик согласится подыграть, то все концы сойдутся — вот

записка, а вот и дырка в голове от собственного револьвера.

Я оставила Мертл под деревом и пошла искать Макса. Его нигде не было. Народу в саду было немного, и я слышала, как на танцах все еще играл оркестр. Я так и не смогла найти Макса и вернулась к Мертл. У нее уже появилась новая идея. Она не хотела, чтобы Макс знал, будто ей известно, кто убил Тима. Она боялась Шепота.

Понятно вам? Она боялась, что, когда они с Максом расстанутся, он ее уберет за то, что она много про него знает. Я ее понимаю. Потом я сама до этого дошла и тоже держала язык за зубами. И вот мы решили, что надо уладить дело без Макса, по-тихому.

Мертл одна вернулась к беседке и нашла Максуэйна. Она отвела его в сторонку и сторговалась с ним. У нее было с собой немного денег. Мертл дала Максуэйну две сотни и бриллиантовое кольцо, которое когда-то обошлось парню по фамилии Бойл в целую тысячу. Я думала, что Максуэйн потом будет клянчить еще, но он не стал. При помощи этой записки он и состряпал историю с самоубийством.

Нунан чуял неладное, но так и не докопался до сути. По-моему, он подозревал, что здесь как-то

замешан Макс. Но у Макса было железное алиби, на это он мастер, и даже Нунан в конце концов сбросил его со счетов. Хотя и сомневался, что все случилось так, как ему рассказали. Нунан выместил злобу на Максуэйне — вышиб его со службы.

Немного погодя Макс и Мертл разошлись. Без ссоры, просто так. По-моему, с тех пор ей возле него всегда было неуютно. Хотя я думаю, что Макс никогда не подозревал, что Мертл что-то известно. Сейчас она больна, и жить ей осталось недолго. Я думаю, если ее попросить, она может сказать правду. Максуэйн до сих пор околачивается в городе. Он тоже заговорит, если ему прилично заплатить. Представляете, как Нунан заглотнет этот крючок! Ну, годится вам такой трофей из болота?

— А может быть, Тим все-таки покончил с собой? — спросил я. — И в последнюю минуту его осенило свалить собственную смерть на Макса?

— Чтобы такой трус застрелился? Да ни в жизнь.

— А Мертл не могла его застрелить?

— Нунану это приходило в голову. Но выстрел раздался, когда она еще была возле двери. А у Тима нашли следы пороха на лице, значит, стре-

ляли в упор. Мертл не подходит.

— Но ведь у Макса было алиби?

— Конечно. У него всегда есть алиби. Четыре человека подтвердили, что он все время был в баре, в другом конце гостиницы. Помню, они начали громко и часто говорить об этом, задолго до того, как их спросили. В баре толкалось много народу, никто не помнил, был там Макс или нет, но эти четверо — дело другое. Они вспомнили бы все, что нужно Максу.

Глаза у Дины расширились, а потом сузились и превратились в щелки. Она нагнулась ко мне, опрокинув локтем стакан.

— Один из этих четверых Пик Марри. Они с Максом сейчас расплевались. Может, теперь Пик и выложит правду. У него бильярдная на Бродвее.

— А этого Максуэйна случайно не Бобом зовут? — спросил я. — Кривоногий, челюсть длинная, как у кабана?

— Да. Вы его знаете?

— Видел разок. Чем он теперь занимается?

— Перебивается по мелочам. Ну, как вам история?

— Ничего. Может быть, я смогу пустить ее в ход.

— Тогда как насчет цены?

Я ухмыльнулся, глядя в ее жадные глаза, и сказал:

— Еще рано, сестренка. Сначала посмотрим, как пойдет дело, а уж потом будем швыряться деньгами.

Она назвала меня чертовым сквалыгой и потянулась за джином.

— Мне больше не надо, спасибо, — сказал я и посмотрел на часы. — Никак уже пять утра, а у меня завтра рабочий день.

Она заявила, что снова хочет есть. Это напомнило мне, что и я проголодался. Полчаса или даже больше ушло на то, чтобы снять с плиты и поставить на стол горячие вафли, жареную ветчину и кофе. Еще какое-то время — на то, чтобы переместить все это к нам в желудки и выкурить за кофе несколько сигарет. Когда я собрался уходить, шел уже седьмой час.

В гостинице я первым делом влез в холодную ванну. Это меня подбодрило, а подбодриться было необходимо. В сорок лет иногда удается заменить сон выпивкой, но в этом есть свои неудобства.

Одевшись, я сел за стол и сочинил документ:

Перед смертью Тим Нунан сказал мне,

что его застрелил Макс Талер. Это слышал детектив Боб Максуэйн. Я дала детективу Максуэйну 200 долларов и бриллиантовое кольцо стоимостью в 1000 долларов, чтобы он молчал и выдал это за самоубийство.

С документом в кармане я спустился в бар, заказал себе завтрак, который состоял в основном из кофе, и отправился в городскую больницу. Посещать больных разрешалось только днем. Но я помахал удостоверением сыскного агентства «Континентал» перед носом дежурной сестры и, создав у нее впечатление, что отсрочка на час может повлечь за собой тысячи смертей, прошел к Мертл Дженнисон.

Она находилась в палате на третьем этаже и пребывала в одиночестве. Остальные четыре кровати были пусты. На вид ей можно было дать и двадцать пять, и пятьдесят лет. Лицо казалось отечной пятнистой маской. Безжизненные желтые волосы, заплетенные в две жидкие косички, лежали на подушке.

Я подождал, пока уйдет сестра, потом протянул больной свой документ и сказал:

— Не откажите, пожалуйста, подписать это,

мисс Дженнисон.

Она взглянула сначала на меня, потом на документ заплывшими глазами — цвет их нельзя было разобрать, потому что в складках распухшего лица они выглядели темными провалами, — выпростала из-под одеяла бесформенную толстую руку и взяла бумагу.

Мертл Дженнисон притворилась, что ей требуется почти пять минут, чтобы прочесть тридцать семь слов, которые я написал. Опустив документ на одеяло она спросила:

— С чего вы это взяли?

Голос у нее был дребезжащий, раздраженный.

— Меня послала к вам Дина Бранд.

Она жадно спросила:

— Она что, разошлась с Максом?

— Не слышал, — солгал я. — По-моему, она просто хочет иметь это под рукой, на всякий случай.

— Дождется, дура, что ей перережут глотку. Дайте карандаш.

Я дал ей свою авторучку и подложил под листок блокнот, чтобы ей было удобнее нацарапать внизу подпись и чтобы сразу забрать документ. Пока я помахивал бумагой, просушивая чернила, она сказала:

— Если ей так уж это нужно, я не против. Какое

мне теперь дело до них до всех? Мне крышка. Пусть катятся к чертям! — Она хихикнула и вдруг отбросила одеяло до колен, открыв чудовищно распухшее тело в грубой ночной рубашке.

— Как я вам нравлюсь? Видите, мне конец.

Я укрыл ее одеялом и сказал:

— Спасибо вам, мисс Дженнисон.

— Да ладно. Для меня это уже ничего не значит. Только… — ее вздутый подбородок задрожал, — противно умирать такой уродиной.

12. НОВЫЙ КУРС

Я отправился охотиться на Максуэйна. Телефонный справочник не поведал мне ничего. Я пошел по бильярдным, табачным лавкам, подпольным барам — сначала просто высматривал, а потом стал задавать осторожные вопросы. Это тоже ничего не дало. Я побродил по улицам, выискивая кривые ноги. Тоже впустую. Я решил вернуться в гостиницу, вздремнуть и продолжить охоту вечером.

В дальнем конце вестибюля какой-то человек опустил газету, за которой прятался, и двинулся мне навстречу. У него были кривые ноги, кабанья челюсть, и это был Максуэйн.

Я небрежно кивнул ему и прошел мимо, к лифту. Он окликнул меня:

— Эй, можно вас на минутку?

— Только на минутку. — Я остановился, изображая равнодушие.

— Мы тут оба на виду… — нервно заметил он.

Я повел его к себе в комнату. Максуэйн оседлал стул и сунул в рот спичку. Я сел на кровать и стал ждать, что он скажет. Пожевав спичку, он начал:

— Хочу выложить тебе все начистоту, братец. Я…

— Не трать слов, — сказал я. — Ты ведь знал, кто я такой, когда подцепил меня вчера? Буш вовсе не советовал тебе на него ставить. И ты поставил на него только потом. А про его делишки ты знал, потому что сам раньше был фараоном. Ты решил, что если тебе удастся напустить меня на него, то на этом и тебе отвалится немножко деньжат.

— Будь я проклят, если собирался выкладывать тебе все без остатка, — сказал он, — но теперь спорить не стану.

— Выиграл что-нибудь?

— Шестьсот монет. — Максуэйн сдвинул шляпу на затылок и поскреб лоб изгрызенным концом спички. — А потом продул все в кости, да еще две сотни выложил из своего кармана. Что ты на это скажешь? Взял шесть сотен не глядя, а сегодня клянчу четвертак на завтрак, словно бродяга какой.

Я сказал, что ему крупно не повезло, но такова жизнь.

Максуэйн ответил: «Угу», — сунул спичку обратно в рот, помусолил ее и добавил:

— Вот почему я решил пойти к тебе. Я ведь из ваших…

— За что тебя вышиб Нунан?

— Вышиб? Как это вышиб? Я сам ушел. Мне подвалило немного деньжат по страховке, когда жена погибла в автомобильной катастрофе, я и ушел.

— А я слышал, он тебя выставил, когда застрелился его брат.

— Не того слушал, кого надо. Можешь спросить Нунана, он подтвердит — я по своей воле ушел.

— Мне это все равно. Выкладывай, что тебе надо?

— Я на мели, дошел до точки. Я знаю, что ты оперативник из «Континентал», и быстро допер, чем ты тут занимаешься. Мне много чего известно об этом городишке. Мог бы на тебя поработать, я же бывший сыщик, знаю, что к чему на той и на другой стороне.

— Хочешь наняться ко мне в стукачи?

Он взглянул мне прямо в глаза и сказал спокойно:

— Не обязательно выбирать самые паршивые слова.

— Я дам тебе работу, Максуэйн. — Я вынул документ Мертл Дженнисон и передал ему. — Расскажи-ка мне вот про это.

Он медленно прочел бумагу, шевеля губами.

Спичка прыгала у него во рту. Потом встал, положил листок на кровать и хмуро на него уставился.

— Сперва мне нужно кое-что выяснить, — сказал он очень серьезно. — Когда вернусь, расскажу тебе всю историю.

Я захохотал и сказал:

— Не дури. Ты же знаешь, что я не дам тебе удрать.

— Я этого не знаю. — Он так же серьезно покачал головой. — И ты тоже. Ты знаешь только, что постараешься меня удержать.

— Постараюсь, — подтвердил я, окидывая его взглядом. На вид он был крепкий, сильный малый, лет на шесть моложе меня и килограммов на десять легче.

Он стоял в ногах кровати и смотрел на меня мрачными глазами. Я сидел на краю и смотрел на него теми глазами, которые у меня имелись на данный момент. Так мы провели почти три минуты.

Часть этого времени я употребил на то, чтобы измерить расстояние между нами и сообразить — сумею ли я, извернувшись, ударить Максуэйна ногами в лицо, когда он на меня прыгнет. Достать револьвер я не мог, Максуэйн стоял слишком

близко. Едва я закончил свой мысленный эксперимент, он заговорил:

— То вшивое кольцо не стоило тысячу. Выручил за него две сотни, и то, можно считать, повезло.

— Садись и рассказывай.

Он опять покачал головой.

— Сперва хочу знать, что из этого получится.

— Засажу Шепота.

— Я не про него. Я про себя.

— Тебе придется пойти со мной в полицию.

— Не пойду.

— Почему? Ты просто свидетель.

— Я просто свидетель, которому Нунан может пришить взяточничество или сообщничество или то и другое вместе. Он своего не упустит.

Дальше переливать из пустого в порожнее не имело смысла. Я сказал:

— Очень жаль. Но пойти тебе придется.

— Ты меня поведешь, что ли?

Я выпрямился и потянулся правой рукой к бедру. Он кинулся на меня. Я качнулся назад, извернулся и выбросил ноги ему в лицо. Это хороший трюк, но сейчас он не сработал. Спеша до меня добраться, Максуэйн сильно толкнул кровать, и я грохнулся на пол.

Приземлившись на спину, я попытался отка-

титься под кровать, одновременно вытаскивая из кармана револьвер.

Бросок перенес Максуэйна через низкую спинку кровати, он перекувырнулся и свалился рядом со мной, треснувшись об пол затылком.

Я приставил ствол револьвера к его левому глазу и сказал:

— Тоже мне циркач нашелся. Не шевелись, пока не встану, а то сделаю дырку в голове, чтобы было куда мозги наливать.

Я встал, нашел свой документ, положил его в карман и позволил встать Максуэйну.

— Разгладь шляпу — помялась. И галстук чтобы спереди болтался, а то опозоришь меня на улице, — приказал я, проводя рукой по его одежде. Ничего похожего на оружие там не оказалось. — Невредно запомнить, что эта хлопушка будет у меня в кармане, всегда под рукой.

Он поправил шляпу и галстук.

— Слушай-ка, — сказал он, — я вижу, что влип, и брыкаться теперь ни к чему. Допустим, я буду слушаться. Как насчет того, чтобы забыть про эту вольную борьбу? Мне будет спокойнее, если они поверят, что я сам пришел, без уздечки.

— Идет.

— Спасибо, братец.

Нунана не было, обедал. Нам пришлось подождать полчаса у него в приемной. Вернувшись, шеф приветствовал меня своим обычным «Как поживаете? Ну, замечательно» — и все такое в том же роде. Максуэйну он не сказал ни слова, просто кисло поглядел в его сторону. Мы вошли в кабинет шефа. Нунан придвинул к своему столу стул для меня и сел сам, не обращая внимания на бывшего сыщика.

Я передал шефу документ, подписанный девушкой.

Нунан бросил на него беглый взгляд, сорвался со стула и заехал Максуэйну в лицо кулаком величиной с дыню-канталупу.

Удар отшвырнул Максуэйна в дальний угол комнаты, где его полет задержала стена. Стена затрещала, прогнулась, и застекленная фотография, на которой Нунан и другие отцы города приветствовали кого-то в гетрах, свалилась на пол вместе с побитым сыщиком. Толстый шеф заковылял в угол, подобрал фотографию и расколотил ее вдребезги о голову и плечи Максуэйна. Затем, отдуваясь, вернулся к столу и с радостной улыбкой сообщил:

— Таких поганцев свет не видывал.

Максуэйн, у которого хлестала кровь изо рта,

носа и разбитой головы, сел и огляделся.

— Поди сюда, ты! — загремел Нунан.

Максуэйн сказал: «Есть, шеф», поднялся и побежал к столу.

Нунан приказал:

— Выкладывай, а то убью.

— Слушаю, шеф. Все было, как у нее тут написано, только этот камешек не стоил тысячу. Но дать она мне его дала, и две сотни тоже, чтобы я держал язык за зубами. Потому что я подошел аккурат, когда она его спросила: «Кто это сделал, Тим?», а он говорит: «Макс!» Громко так сказал, как будто торопился перед смертью, потому что тут же его и не стало. Вот как было, шеф, только камешек не стоил…

— К черту камешек! — гаркнул Нунан. — И кончай мне ковер кровянить.

Максуэйн выудил из кармана грязный платок, промокнул нос и рот и продолжал лопотать:

— Все так и было, шеф. Все, как я тогда сказал, только в тот раз я насчет Макса держал язык за зубами. Знаю, что надо было…

— Заткнись, — велел Нунан и нажал кнопку на столе.

Вошел блюститель порядка в мундире. Шеф ткнул большим пальцем в Максуэйна и при-

казал:

— Проводи малютку в подвал, пусть костоломы над ним поработают, а потом посадишь его под замок.

Максуэйн начал отчаянно взывать к шефу, но его увели, не дослушав.

Нунан сунул мне сигару, другой сигарой ткнул в документ и осведомился:

— Где эта баба?

— В городской больнице, при смерти. Пошлите кого-нибудь взять у нее показания. Юридически эта бумажка ничего не стоит — я ее добыл больше для эффекта. И вот еще что. Я слышал, будто Пик Марри расплевался с Шепотом. Это Марри, кажется, обеспечил ему алиби?

— Вот именно, — буркнул шеф и, сняв одну из телефонных трубок, сказал: — Магро? Найди-ка Пика Марри и попроси его сюда заглянуть. И прихвати Тони Агости, а то он слишком ловко стал ножи метать.

Нунан положил трубку, встал, пустил вокруг себя облако сигарного дыма и сообщил сквозь него:

— Я с вами не всегда играл по-честному.

Я подумал, что это мягко сказано, но ничего не ответил.

— Вы человек тертый, — продолжал он. — Сами знаете, какая у нас работа. И к тому надо прислушиваться, и к этому. Если ты шеф полиции, это еще не значит, что ты здесь полный хозяин. А вы стали наступать на хвост тем, кто в ответ может наступить на хвост мне. Я-то считаю вас правильным парнем. Но приходится подыгрывать тем, кто ведет игру, понятно?

Я кивнул головой в знак того, что понятно.

— Так было до сих пор, — сказал он. — Но больше так не будет. Начинается новый курс. Когда наша старуха отдала богу душу, Тим был совсем мальчонка. Она сказала: «Береги его, Джон», и я обещал. А Шепот взял да и прикончил его из-за этой шлюхи. — Он нагнулся и схватил меня за руку. — Понимаете, к чему я клоню? Уже полтора года прошло, и только сейчас вы дали мне шанс с ним поквитаться. Теперь в Отервилле никто больше не сядет вам на голову. С сегодняшнего дня все пойдет по-другому.

Это мне понравилось, о чем я ему и сообщил. Мы еще помурлыкали, а затем в кабинет впустили долговязого человека со вздернутым носом, торчавшим на круглом веснушчатом лице. Это был Пик Марри.

— Мы тут вспоминаем, как погиб Тим, — сказал

шеф, когда Марри дали стул и сигару, — и где тогда был Шепот. Ты ведь был в тот вечер на озере, верно?

— Верно, — согласился Марри, и кончик носа у него заострился.

— Вместе с Шепотом?

— Я с ним был не все время.

— А во время стрельбы?

— Не-а.

Зеленоватые глаза шефа прищурились и вспыхнули. Он мягко осведомился:

— И где же он был в это время, знаешь?

— Не-а.

Шеф вздохнул с глубоким удовлетворением и откинулся да стуле.

— Черт побери, Пик, — сказал он, — раньше ты говорил, что был с ним в баре.

— Говорил, — признал долговязый. — Но это ничего не значит, просто он попросил, ну, я и помог по-дружески.

— А если я упрячу тебя за дачу ложных показаний?

— Не бери на пушку. — Марри энергично сплюнул в плевательницу. — Я ни в каких судах показаний не давал.

— А как насчет Джерри, и Джорджа Келли, и

О'Брайена? — спросил шеф. — Они тоже сказали, что были с ним, потому что он попросил?

— О'Брайен — да. Про других не знаю. Я как раз выходил из бара, наткнулся на Шепота, Джерри и Келли и вернулся с ними выпить. Келли сказал, что Тима шлепнули. Тогда Шепот говорит: «Алиби никогда не помешает. Мы были здесь все время, верно?» — и смотрит на О'Брайена за стойкой. О'Брайен говорит: «Точно». Потом Шепот посмотрел на меня, и я сказал то же самое. Но теперь с чего мне его покрывать?

— Келли сказал вам, что Тима шлепнули? Не сказал — нашли мертвого?

— Сказал — шлепнули.

Шеф произнес:

— Спасибо, Пик. Не надо было так поступать, но что было, то прошло. Как ребятишки?

Марри сказал, что хорошо, вот только младший не такой толстый, как хотелось бы. Нунан позвонил в прокуратуру и попросил Дарта и стенографиста записать рассказ Пика.

Затем Нунан, Дарт и стенографист отправились в городскую больницу снимать официальные показания с Мертл Дженнисон. Я не поехал. Я решил, что надо поспать, сказал шефу, что зайду попозже, и вернулся в гостиницу.

13. ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ

Я уже расстегнул жилет, когда зазвонил телефон.

Это была Дина Бранд. Она пожаловалась, что не может поймать меня с десяти часов.

— Вы уже начали что-нибудь по нашему делу? — спросила она.

— Пока обдумываю. Дело вроде стоящее. Наверное, сегодня начну его проворачивать.

— Подождите, нам надо увидеться. Можете сейчас приехать?

Я посмотрел на раскрытую постель и сказал «да» без особого энтузиазма.

Очередная холодная ванна подействовала мало — я едва в ней не заснул.

В дом Дины меня впустил Дэн Ролф. Он держался так, словно вчера между нами ничего особенного не произошло. Дина Бранд вышла в переднюю и помогла мне снять пальто. На ней было бежевое шерстяное платье с прорехой по шву на плече.

Она провела меня в гостиную и, усевшись ря-

дом на кушетке, спросила:

— Вы ведь ко мне хорошо относитесь?

Я не стал возражать. Она пересчитала костяшки моей правой руки теплым указательным пальцем и сказала:

— У меня к вам просьба. Хочу, чтобы вы бросили то дело, о котором мы вчера толковали. Нет, подождите. Дайте договорить. Дэн прав. Не надо было мне продавать Макса. Это жуткая подлость. Кроме того, вы ведь охотитесь в первую очередь на Нунана, правда? Если будете паинькой и не тронете Макса, я вам столько выложу про Нунана, что он у вас не вывернется. Идет? Вы же ко мне хорошо относитесь, вы не станете меня обманывать, не пустите в ход то, что я сказала, когда злилась на Макса, правда ведь?

— Что у вас есть на шефа? — спросил я.

Она помяла мне бицепс и промурлыкала:

— А вы обещаете?

— Пока нет.

Она надулась и сказала:

— Вот, ей-Богу, никогда больше не пойду против Макса. Не имеете права делать из меня стукачку.

— Так как насчет Нунана?

— Сперва обещайте.

— Нет.

Она впилась пальцами мне в руку и резко спросила:

— Вы уже ходили к Нунану?

— Ага.

Она отпустила меня, нахмурилась, пожала плечами и мрачно спросила:

— Что же теперь делать?

Я встал, и тут чей-то голос сказал:

— Сядь.

Это был хриплый шепот Талера.

Я обернулся и увидел, что он стоит в дверях столовой. В его маленькой руке был зажат большой револьвер. Позади стоял краснолицый человек со шрамом на щеке.

Пока я садился, появились гости и из другой двери, ведущей в переднюю. Порог переступил человек без подбородка, с уродливым ртом — я вспомнил, что Шепот называл его Джерри. Он держал два револьвера. Белокурый парнишка из заведения на Кинг-стрит — тот, что поугловатей, — выглядывал из-за его плеча.

Дина Бранд вскочила с кушетки, повернулась к Талеру спиной и обратилась ко мне. От ярости у нее сел голос.

— Я тут ни при чем. Он пришел сюда один, сказал, что извиняется за вчерашнее, и объяснил,

как можно подзаработать, если выдать вам Нунана. Все это было подстроено, но я попалась на удочку. Это чистая правда! Он должен был ждать наверху, пока мы договоримся. Я ничего не знала про остальных. Я ничего не…

Джерри небрежно протянул:

— Если я прострелю ей костыль, она уж точно сядет и, может быть, заткнется. Начинать?

Шепота я не видел. Девушка стояла между нами. Макс сказал:

— Пока не надо. Где Дэн?

Угловатый блондинчик ответил:

— На полу в ванной. Пришлось ему врезать.

Дина Бранд повернулась к Талеру. Швы у нее на чулках были перекручены. Она сказала:

— Макс Талер, ты самая паршивая…

Он прошептал, очень четко:

— Заткнись и свали с дороги.

Дина удивила меня тем, что выполнила оба приказа. Макс обратился ко мне:

— Значит, вы с Нунаном клеите мне смерть его брата?

— Тут и клеить не надо. Само держится.

Он скривил тонкие губы и сказал:

— Ты такой же гад, как и он.

Я ответил:

— Это ты зря. Когда он хотел тебя утопить ни за что ни про что, я играл на твоей стороне. На этот раз прав он.

Дина Бранд снова взорвалась и вылетела на середину комнаты, размахивая руками:

— Пошли все вон отсюда! Какое мне до вас дело? Катитесь.

Блондинчик, который уложил Дэна, протиснулся мимо Джерри и, ухмыляясь, вошел в гостиную. Он поймал в воздухе руку Дины и заломил за спину.

Она извернулась и стукнула его кулаком в живот. Удар был приличный, мужской. Парень выпустил ее и отлетел шага на два.

Ловя ртом воздух, он сорвал с бедра дубинку и снова шагнул к Дине. Теперь он уже не ухмылялся.

Джерри захохотал так, что его несуществующий подбородок и вовсе пропал из виду.

Талер приказал резким шепотом:

— Хватит!

Парень не слышал. Оскалившись, он смотрел на Дину.

Девушка отвечала взглядом твердым, как серебряный доллар. Весь свой вес она перенесла на левую ногу. Я решил, что блондинчику достанет-

ся каблуком, и тут он пошел на Дину.

Парень сделал обманный бросок свободной левой рукой и занес дубинку над лицом девушки.

Талер снова прошептал:

— Хватит, — и выстрелил.

Пуля попала блондинчику в голову, он крутанулся и свалился прямо на руки Дины Бранд.

По всему выходило, что другого момента у меня не будет.

В суматохе я выхватил револьвер и послал пулю в Талера, целясь ему в плечо.

Это было ошибкой. Я попал бы ему в руку, только если бы целился в лоб. Джерри еще не совсем ослеп от смеха. Он опередил меня с выстрелом. Его пуля обожгла мне запястье и сбила наводку. Мой свинец миновал Талера, но угодил в краснолицего у него за спиной, и тот свалился мешком.

Я не понял, насколько сильно мне поцарапало кисть, и на всякий случай перебросил револьвер в левую руку.

Джерри попробовал достать меня еще раз. Девушка сорвала эту попытку — она толкнула на него труп. Мертвая светловолосая голова ударила Джерри по коленям. Он потерял равновесие, и тут я на него прыгнул.

Прыжок спас меня от пули Талера. Мы с Джерри

сцепились клубком и выкатились в коридор.

Справиться с губошлепом труда не составляло, но за спиной у меня был Талер, поэтому пришлось работать быстро. Я дважды врезал Джерри кулаком, боднул хорошенько в живот и попытался извернуться, чтобы укусить, но он обмяк подо мной. Я для порядка влепил ему туда, где полагалось быть подбородку, — просто проверить, не притворяется ли, — и отполз на четвереньках подальше от двери.

Я сел на корточки, прислонился спиной к стене, направил револьвер в ту сторону, откуда мог появиться Талер, и стал ждать. Кроме шума в голове, я не слышал больше ничего.

Из двери, в которую я выкатился, вышла Дина Бранд. Она взглянула на Джерри, потом на меня, улыбнулась, прикусив кончик языка, мотнула головой, приглашая меня за собой, и вернулась в гостиную. Я осторожно пошел следом.

Шепот стоял посреди комнаты. В руках у него было пусто, в глазах — тоже. Если бы не злобный узкий рот, его можно было бы поставить в витрину вместо манекена.

Рядом с маленьким игроком стоял Дэн Ролф, уткнув ему пистолет в левую почку. Лицо Ролфа напоминало кровавую маску. Блондинчик, кото-

рый покоился на полу между нами, врезал ему основательно.

Я ухмыльнулся Талеру и сказал: «Вот и замечательно», — но тут увидел в другой руке Ролфа еще один пистолет, и он был направлен прямо в мой полноватый торс. Это выглядело уже не так замечательно, впрочем, у меня в руке тоже был револьвер. Шансы не так уж плохи — по крайней мере, один к одному.

Ролф сказал:

— Положи пистолет.

Я взглянул на Дину, изображая недоумение. Она пожала плечами и сказала:

— Теперь Дэн тут хозяин.

— Да? Пусть кто-нибудь объяснит ему, что я так не играю.

Ролф повторил:

— Положи пистолет.

Я строптиво ответил:

— Черта с два. Я похудел на десять килограммов, пока ловил эту птицу. Могу отдать еще десять, лишь бы добиться своего.

Ролф сказал:

— Меня не интересуют ваши личные счеты, и я никому из вас не позволю…

Дина Бранд тем временем отошла в дальний

угол. Когда она очутилась за спиной Ролфа, я прервал его речь и предложил ей:

— Если сейчас мне поможете, у вас окажется двое друзей: Нунан и я. К Талеру больше доверия нет, так что помогать ему без надобности.

Она засмеялась и сказала:

— Я, миленький, только один язык понимаю.

— Дина! — протестующе воскликнул Ролф. Он попался. Дина оказалась у него за спиной, и силенок, чтобы с ним справиться, ей было не занимать. Вряд ли он решился бы в нее стрелять, а остановить ее можно было только выстрелом.

— Сто долларов, — промолвил я.

— Господи! — вскричала она. — Наконец-то вы предложили деньги. Правда, слишком маленькие.

— Двести.

— Смотрите, проняло! Но я вас что-то плохо слышу.

— Попытайтесь услышать, — сказал я. — За то, чтобы не стрелять в вашего Ролфа, больше не дам.

— Вы взяли хороший старт. Надбавьте еще хоть немножко.

— Двести долларов десять центов, последняя цена.

— Подонок, — сказала она. — Я отказываюсь.

— Как угодно. — Я скорчил рожу Талеру и предупредил: — Лучше не шевелись, я приступаю к делу.

Дина закричала:

— Подождите! Вы что, правда на это пойдете?

— Пойду на что угодно, но Талера заберу.

— Две сотни и десять центов?

— Угу.

— Дина, — воскликнул Ролф, не сводя с меня взгляда, — ты ведь не…

Она засмеялась, подошла сзади и обвила его своими сильными руками, прижав его локти к бокам.

Правой рукой я оттолкнул Талера с дороги и, держа его на мушке, выхватил оружие у Ролфа. Дина отпустила чахоточного.

Он шагнул к двери в столовую, устало произнес:

— Не надо было… — и рухнул на пол.

Дина подбежала к нему. Я вывел Талера в коридор, протащил мимо Джерри — тот все еще спал крепким сном — и втолкнул в нишу под лестницей, где висел телефон.

Затем я позвонил Нунану, сообщил, что Талер у меня в руках, и сказал, где нахожусь.

— Матерь Божья! — возопил он. — Не убивайте его, пока я не приеду.

14. МАКС

Новость о поимке Шепота распространилась быстро. Когда Нунан и его фараоны с моей помощью доставили игрока и ожившего Джерри в муниципалитет, там уже нас ждало не меньше ста человек.

Вид у всех был недовольный. Люди Нунана, как всегда потрепанные, ходили с побелевшими от напряжения лицами. Но Нунан был самым счастливым парнем к западу от Миссисипи. Его радость не испортило даже то, что Шепот не испугался допроса третьей степени.

Как фараоны ни раскалывали его, Шепот стоял насмерть. Он сказал, что будет говорить только в присутствии адвоката, и больше не скажет никому ни единого слова — сдвинуть его с этой позиции не удалось никакими силами. И хотя Нунан ненавидел Макса всей душой, этого человека он не отдал костоломам. Пусть Шепот убил брата шефа и был его заклятым врагом, но он оставался крупной персоной в Отравилле, и обходиться с ним надо было осторожно.

Наконец Нунан устал возиться с арестантом

и отослал его наверх, с глаз долой (собственно тюрьма находилась на верхнем этаже муниципалитета). Я раскурил еще одну сигару шефа и прочел показания, полученные у женщины в больнице. В них не было ничего, кроме того, что я уже знал от Дины и Максуэйна.

Шеф предложил пойти к нему домой пообедать. Я выкрутился, сославшись на то, что у меня болит запястье, которое уже перебинтовали. На самом деле это был легкий ожог.

Пока мы толковали, двое полицейских в штатском доставили краснолицего, который принял мою пулю вместо Шепота. У него было перебито ребро, и, пока мы все суетились, он удрал от Дины через черный ход. Ребята Нунана взяли его у врача. Шеф не смог ничего выудить из парня и отправил его в больницу.

Я встал и, прежде чем уйти, произнес:

— Это ведь Дина Бранд навела меня на Талера. Поэтому я и просил вас не трогать ни ее, ни Ролфа.

Шеф завладел моей левой рукой в пятый или шестой раз за последние несколько часов.

— Если захотите, чтобы Диной занялись, только скажите, — произнес он. — Но раз она помогла взять этого гада, может просить, чего пожела-

ет, — так от меня и передайте.

Я сказал, что передам, и отправился в гостиницу, мечтая о чистой белой постели. Однако дело шло к восьми, и мой желудок требовал внимания. Я пошел в гостиничный ресторан и решил эту проблему. Потом меня соблазнило кожаное кресло в вестибюле — я уселся в него и закурил сигару. Это повлекло за собой беседу с проезжим железнодорожным ревизором из Денвера, тем более что у нас нашелся общий знакомый в Сент-Луисе. Потом на улице началась громкая пальба.

Мы подошли к двери и определили, что стреляют в окрестностях муниципалитета. Расставшись с ревизором, я двинулся в этом направлении и одолел уже две трети пути, когда навстречу мне вынырнул автомобиль. Он мчался, выплевывая из задних окон револьверный огонь.

Я попятился в подворотню и достал пистолет. Машина поравнялась со мной. Дуговой фонарь высветил два лица на переднем сиденье. Лицо водителя мне ни о чем не говорило. Верхняя часть лица второго человека была спрятана под надвинутой шляпой. Нижняя часть принадлежала Шепоту.

Напротив меня, в конце неширокого проулка, горел фонарь. Когда машина Шепота с ревом про-

летала мимо, кто-то зашевелился там — между мной и светом, возле мусорных баков. Неясная фигура метнулась из одной тени в другую.

Я сразу забыл про Шепота, потому что ноги у этой фигуры отличались явной кривизной.

Пронеслась машина, набитая фараонами, — они поливали свинцом автомобиль Шепота.

Я рванулся туда, где обретался кривоногий.

Если это и вправду был он, оружия при нем, готов биться об заклад, не имелось. Я на это и поставил и быстро зашагал по грязному проулку, впиваясь в каждую тень глазами, ушами и носом.

Я прошел так почти весь квартал, когда от одной тени отделилась другая и пустилась прочь со всех ног.

— Стой — завопил я, топая следом. — Стой, Максуэйн, пристрелю!

Пробежав еще с десяток шагов, он остановился и обернулся.

— А-а, это ты, — сказал он таким тоном, словно для него принципиально важно было, кто именно поведет его обратно в кутузку.

— Да, — не стал возражать я. — С чего это вы тут беготню устроили?

— Понятия не имею. Кто-то жахнул динамитом

и разнес пол в тюряге. Я и полез в дыру вместе со всеми. Блатные прикрывали нас от полиции. Я ушел с одной компанией, потом откололся и намылился податься в горы. Я тут сбоку припеку. Просто полез со всеми, раз уж пол расколошматили.

— Сегодня вечером Шепота посадили, — сообщил я.

— Черт побери! Вот в чем штука. Нунану пора уже сообразить, что в нашем городишке этого парня ему не охомутать.

Мы все еще стояли в том проулке, где Максуэйн раздумал от меня удирать.

— Знаешь, за что его посадили? — спросил я.

— Конечно, за убийство Тима.

— Знаешь, кто убил Тима?

— Чего тут знать? Он и убил.

— Нет, ты.

— То есть как? Ты что, дурак, что ли?

— У меня в левой руке пистолет, — предупредил я.

— Брось, ведь Тим сам сказал этой бабе, что его кокнул Шепот.

— Он не сказал «Шепот». Я слышал, как женщины называют Талера Максом, но все мужчины зовут его не иначе как Шепот. Тим не имел в виду

Талера. Он сказал «Макс...» Это начало фамилии Максуэйн. Он помер, не успев договорить. Эй, помни про пистолет!

— С чего мне было его убивать-то? Он бегал за девчонкой Шепота и...

— До этого я еще не дошел, — прервал я его, — но сейчас разберемся. У тебя были нелады с женой. Тим ведь ходок по дамской части, может, здесь собака и зарыта? Надо будет проверить. Ты стал меня интересовать, когда я узнал, что ты больше ни разу не пытался вытянуть деньги из этой Мертл.

— Да брось ты! — взмолился он. — Сам знаешь, все это глупости. Стал бы я после этого там ошиваться! Я смылся бы, да еще алиби себе обеспечил, как Шепот.

— Зачем? Ты был тогда сыщиком. Место удобное, поблизости, всегда можно проследить, чтобы все было в порядке, уладить, в случае чего.

— Ты же знаешь, черт побери, что это чепуха. Концы с концами не сходятся.

— Чепуха не чепуха, мне плевать, — сказал я. — Зато есть что рассказать Нунану, когда вернемся. Он, наверное, жутко расстроился из-за того, что Шепот удрал. Твоя история его отвлечет.

Максуэйн упал на колени прямо в грязь и возо-

пил:

— Не надо! Он меня к черту придушит тут же!

— Вставай и не ори, — буркнул я. — Выкладывай все начистоту.

Он прохныкал:

— Прикончит своими руками, говорю тебе.

— Как хочешь. Не желаешь признаваться — все расскажу Нунану. Если признаешься, пособлю, чем смогу.

— Да что ты можешь? — безнадежно произнес он и снова заныл: — Откуда мне знать, что ты не обманешь?

Я рискнул выложить часть правды:

— Ты сказал, что пронюхал, чем я занимаюсь в Отравилле. Значит, должен понимать: моя игра в том, чтобы Нунан и Шепот были на ножах. Пока что Нунан думает, что Тима убил Шепот, так и запишем. Но если не желаешь мне подыграть, Нунан узнает про тебя всю правду.

— Значит, не скажешь ему? — жадно спросил он. — Обещаешь?

— Я тебе ничего не обещаю, — сказал я. — Зачем мне это? Я тебя накрыл со спущенными штанами. Можешь иметь дело либо со мной, либо с Нунаном. Выбирай скорее. Мне неохота тут всю ночь стоять.

Он выбрал меня.

— Не знаю, как ты догадался, но все было, как ты сказал. Моя жена, Элен, она связалась с Тимом, и это меня подкосило. Спроси кого хочешь, я был до этого нормальным парнем. Все ее желания выполнял. Не так уж легко было ее ублажать. Но я не мог себя по-другому поставить. Если бы мог, мы бы с ней лучше жили, ей-Богу. В общем, я отпустил ее и подал на развод. Думал, у них это всерьез, и они поженятся. Но скоро до меня дошли слухи, что он бегает за Мертл Дженнисон. Это уж было чересчур. Я отпустил Элен, и она ушла к нему — все по-честному, благородно. А тут он положил глаз на эту Мертл. Мог я такое вытерпеть? Элен была не какая-нибудь уличная. А на озере в тот вечер я на него напоролся случайно. Увидел, что Тим идет в беседку, и пошел за ним. Чтобы все ему выложить в тихом месте.

Мы оба были слегка под градусом. В общем, разгорячились и пошумели. Когда разговор взял высокие обороты, Тим вытащил пистолет. Трусливый он был. Я стал отнимать пистолет, и в свалке он выстрелил. Богом клянусь, так это и вышло! Кто-то нажал на спуск, когда мы оба ухватились за пушку. Я смылся в кусты. Сидел там и слышал, как Тим стонет и что-то бормочет. А тут

уже люди бежали — эта девушка, Мертл Дженнисон, она тоже мчалась от самой гостиницы.

Я захотел вернуться и послушать, что Тим скажет, но побоялся оказаться первым. Ждал, пока девушка добежит, а сам все прислушивался, что он лопочет, но не мог издали разобрать. Когда она там очутилась, я подбежал — и как раз в этот момент он умер, так и не назвав до конца мое имя.

Я сразу не сообразил, что вышло имя Шепота. Только тогда допер, когда она стала совать мне записку насчет самоубийства, и еще две сотни, и камешек. Я-то хотел просто поболтаться, притворяясь, будто расследую дело, — как-никак, в полиции служил — и понять, что к чему. Но она затеяла свою игру, и мне стало ясно, что со мной все в порядке. Так оно и оставалось все это время, пока ты не начал копать снова.

Он потоптался в грязи и добавил:

— Через неделю моя жена погибла — несчастный случай. Да-да, несчастный случай. Въехала на своем «форде» прямо в трамвай номер шесть там, где он спускается с горки от Тэннера.

— Озеро Мок в этом округе? — спросил я.

— Нет, в округе Боулдер.

— Это за пределами территории Нунана. Что, если я отвезу тебя туда и сдам шерифу?

— Нет. Там шерифом Том Кук, зять сенатора Кифера. Никакой разницы. Нунан доберется до меня через Кифера.

— Если все случилось, как ты говоришь, у тебя есть шанс выкрутиться на суде.

— Они не дадут мне этого шанса. Я бы на это пошел, только не с ними.

— Едем в муниципалитет, — сказал я. — Держи язык за зубами.

Нунан метался по комнате, осыпая проклятиями фараонов, которые стояли перед ним, мечтая оказаться где-нибудь подальше.

— Я тут кое-что нашел, — сказал я, выталкивая вперед Максуэйна.

Нунан сбил бывшего сыщика с ног, пнул как следует и велел одному из своих подручных увести его.

Кто-то позвал Нунана к телефону. Я выскользнул из кабинета, не пожелав никому спокойной ночи, и пошел в гостиницу.

С севера донеслись звуки выстрелов.

Мимо меня вразвалку прошагали трое мужчин с неспокойными глазами.

Чуть дальше какой-то человек не поленился сойти с тротуара, чтобы пропустить меня. Я не знал его и решил, что он меня тоже не знает.

Неподалеку раздался одиночный выстрел.

Когда я подходил к гостинице, мимо меня со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час проехала потрепанная черная машина, набитая людьми по самую крышу.

Я ухмыльнулся. Отравилл начал закипать. Я уже чувствовал себя здесь как дома, и никакие мысли, что эту неаппетитную кашу заварил я, не помешали мне проспать двенадцать часов кряду.

15. РЕСТОРАН «КЕДРОВАЯ ГОРКА»

Мики Лайнен разбудил меня после полудня телефонным звонком.

— Мы здесь, — сообщил он. — Где комиссия по встрече?

— Задержалась — наверное, ищут веревку. Пристройте чемоданы и приезжайте в гостиницу. Номер 537. Свое прибытие не рекламировать.

Когда они пришли, я был уже одет.

У Мики Лайнена, здоровой дубины с покатыми плечами и бесформенным телом, все суставы болтались, уши торчали, как красные паруса, а круглое румяное лицо украшала бессмысленная придурковатая ухмылка. Он был похож на актера-комика, каковым, собственно, и являлся.

Дик Фоли был канадцем. Отличительные приметы: мальчиковый размер и умное недовольное лицо. Дик носил высокие каблуки, чтобы прибавить себе росту, любил надушенные носовые платки и со страшной силой экономил слова.

Оба были прекрасными оперативниками.

— Что вам рассказал Старик про эту работу? — спросил я, когда мы уселись. Старик был

директором филиала «Континентал» в Сан-Франциско. Его также именовали Понтием Пилатом, потому что он посылал нас на голгофы смертельно опасных заданий с деликатной улыбкой. В этом вежливом пожилом человеке было столько же душевного тепла, сколько в веревке палача. Остряки из агентства утверждали, что в июле он плюется ледышками.

— Он вроде не разобрался, в чем дело, — сказал Мики, — только понял из телеграммы, что тебе нужна помощь. Сказал, что от тебя уже несколько дней не было отчетов.

— Похоже, ему придется подождать еще немного. Знаете что-нибудь об Отервилле?

Дик покачал головой. Мики сказал:

— Я только слышал, что его зовут Отравилл, и вроде это не шутка.

Я рассказал им о том, что узнал и что сделал. Закончить повествование мне не удалось — раздался телефонный звонок.

— Привет! Как рука? — послышался в трубке ленивый голос Дины Бранд.

— Легкий ожог. Как вам нравится налет на тюрьму?

— Я тут ни при чем, — сказала она. — Я свое дело сделала. Если Нунан не смог его удержать

— что ж, очень жаль. Сегодня днем я поеду в центр покупать шляпку. Хотела заглянуть к вам ненадолго, если вы будете у себя.

— В какое время?

— Скажем, часа в три.

— Хорошо, буду ждать. Приготовлю две сотни и десять центов, что я вам должен.

— Приготовьте, — согласилась она. — Я за этим и еду.

Я вернулся на место и продолжил рассказ.

Когда я кончил, Мики Лайнен присвистнул и сказал:

— Понятно, почему ты боишься посылать отчеты. Если бы Старик знал, что ты тут вытворяешь, он вряд ли стал бы тебя прикрывать.

— Если все получится, как задумано, мне не придется включать в отчеты удручающие подробности, — заметил я. — Агентству хорошо, оно живет по правилам и предписаниям, но когда делаешь дело, тут уже не до правил. В Отравилл с моральными нормами лучше не соваться — живо заржавеют. Но в отчете, конечно, мрачные детали ни к чему, так что вы, братцы, не шлите никакой писанины в Сан-Франциско, не показав сначала мне.

— Какие преступления ты поручаешь нам со-

вершить? — спросил Мики.

— Я хочу, чтобы ты взял на себя Пита Финна. Дик возьмет Лу Ярда. Игру вам придется вести, как вел ее я, — делать очередной ход при первой же возможности. Подозреваю, что Пит и Ярд вместе попробуют заставить Нунана не трогать Шепота. Не знаю, как поведет себя шеф. Он хитрый как черт и очень хочет сквитаться за убийство брата.

— Когда я возьму на себя джентльмена из финнов, — сказал Мики, — что мне с ним делать? Не люблю хвастаться своей тупостью, но эта работа мне понятна примерно так же, как высшая математика. Я все усвоил, кроме того, что ты уже сделал, зачем и что собираешься делать дальше.

— Сперва установи за Финном слежку. Мне нужны клинышки, которые можно вбить между Питом и Ярдом. Ярдом и Нунаном, Питом и Нунаном, Питом и Талером или Ярдом и Талером. Если нам удастся поломать их круговую поруку, они начнут втыкать ножи друг другу в спины и сделают всю работу за нас. Затравка есть — раскол между Талером и Нунаном. Но все это быстро выдохнется, если мы не будем подталкивать события. И конечно, я мог бы купить у Дины Бранд еще толику сведений о грязных делишках этой компании, но выкладывать их на

суде нет смысла. В судах они хозяева, да к тому же нам надо спешить. Если Старик пронюхает — а Сан-Франциско не так уж далеко и чутье у Старика что надо, — он сразу сядет на телеграф и потребует объяснений. Мне нужны результаты, чтобы за ними скрылись подробности. Обычные улики не годятся. Нам нужен динамит.

— А как насчет нашего уважаемого клиента, мистера Илайхью Уилсона? — поинтересовался Мики. — С ним — или ему — что ты собираешься сделать?

— Либо раздавить, либо выколотить из него помощь. Годится любой вариант. Мики, тебе лучше поселиться в гостинице «Отервилл», а Дику — в «Национале». Держитесь подальше друг от друга, и если не хотите, чтобы меня выгнали из агентства, давайте-ка провернем эту работенку, пока Старик не опомнился. Запишите вот что.

Я продиктовал имена, приметы и адреса (те, что у меня были) Илайхью Уилсона, его секретаря Стэнли Луиса, Дины Бранд, Дэна Ролфа, Нунана, Макса Талера, его подручного Джерри-Без-Подбородка, миссис Дональд Уилсон, дочери Луиса — секретарши Дональда Уилсона, и Билли Куинта, радикала, бывшего дружка Дины.

— Теперь разбежались, — сказал я. — И не ду-

майте, будто в Отравилле существуют законы, кроме тех, что вы установите для себя сами.

Мики заявил, что я помер бы от удивления, если бы узнал, без скольких законов он может прожить. Дик сказал: «Пока», — и они отбыли.

После завтрака я отправился в муниципалитет.

Зеленые глаза Нунана помутнели, будто от бессонницы, а с лица исчез румянец. Но руку он мне, как всегда, тряс восторженно, и доля сердечности в его голосе и манерах не убавилась.

— Что слышно насчет Шепота? — спросил я, когда с изъявлениями радости было покончено.

— Кажется, я кое-что нащупал. — Он поглядел на стенные часы, потом на телефон. — Жду новостей в любую минуту. Садитесь.

— Кто еще удрал?

— На воле теперь только Джерри Хупер и Тони Агости. Остальных мы замели. Джерри — правая рука Шепота, а итальяшка — один из его банды. Это тот искусник, что запустил ножом в Айка Буша.

— А кто еще из людей Шепота у вас под замком?

— Никого. Их и было всего трое, да еще Бак Уоллес, тот, которого вы угостили пулей. Он в

больнице.

Шеф снова взглянул на стенные часы, потом на свои ручные. Было ровно два. Он повернулся к телефону. Тот зазвонил. Нунан схватил трубку, сказал:

— Нунан слушает… Да… Да… Да… Верно.

Он отпихнул телефон и заиграл на перламутровых кнопках у себя на столе. Кабинет заполнился фараонами.

— Ресторан «Кедровая Горка», — сказал он. — Бейтс, ты со своей командой следуешь за мной. Терри, проедешь Бродвеем и подберешься сзади. По пути возьми с улицы регулировщиков. Нам понадобятся все наличные силы. Даффи, давай по Юнион-стрит и кругом по старой рудничной дороге. Магро, ты останешься дежурить. Всех, кто появится, посылай к нам. Попрыгали!

Он схватил шляпу и пустился вон, бросив мне поверх жирного плеча:

— Поехали, приятель, вернемся с уловом.

Я спустился за ним в полицейский гараж, там уже ревели моторы. Шеф сел в первую машину рядом с водителем. Я — сзади в компании четырех детективов.

В остальные машины загружались полицейские. Кто-то расчехлял пулеметы, кто-то раздавал

винтовки и магазины с патронами.

Машина шефа сорвалась с места, подпрыгнув так, что у нас лязгнули зубы. Мы пролетели в сантиметре от дверей гаража и, распугав пешеходов, выскочили на мостовую. Обогнули, едва не задев, грузовик на углу и понеслись по Кинг-стрит, включив сирену на всю катушку.

Машины в ужасе шарахались от нас в обе стороны, нарушая все правила уличного движения. Потеха была — та еще.

Я обернулся. Вторая полицейская машина шла за нами, третья сворачивала на Бродвей. Нунан пожевал потухшую сигару и приказал водителю:

— Поднажми немножко, Пэт.

Пэт с визгом обогнал двухместную машину, до смерти напугав женщину за рулем, протиснулся в щель между трамваем и фургоном-прачечной — нам бы никогда не проскользнуть в эту узкую щель, не будь наш автомобиль так аккуратно покрашен, — и сказал:

— Это можно, только тормоза паршивые.

— Молодец, — промолвил седоусый сыщик слева от меня. Его голосу не хватало искренности.

На окраине движение было меньше, зато выбоин в мостовой больше. В течение следующего получаса каждому предоставилась возможность

посидеть на коленях у соседа. Последние десять минут мы тряслись по колдобинам и в полной мере разделили мнение Пэта о тормозах.

У ворот, к которым мы подрулили, висела старая электрическая вывеска. Раньше, когда лампочки в ней были целы, она гласила: «Ресторан «Кедровая Горка». За воротами, в нескольких шагах, стояло приземистое деревянное строение цвета плесени, окруженное, по преимуществу, мусором. Дверь и окна ресторана были закрыты.

Мы вылезли из машины вслед за Нунаном. На изгибе дороги показался следующий автомобиль, он плавно подкатил к воротам, и оттуда выгрузилась новая партия людей и оружия.

Нунан отдавал приказы направо и налево.

Две тройки полицейских направились в обход здания. Еще одно трио, включая пулеметчика, осталось у ворот. Остальные зашагали к дому, переступая через пивные жестянки, бутылки и старые газеты.

Седоусый детектив, ехавший рядом со мной в машине, нес топор. Мы ступили на крыльцо.

Из-под ближнего подоконника вырвались огонь и гром.

Седоусый детектив упал, топор остался под его трупом. Остальные побежали.

Я несся рядом с Нунаном. Мы укрылись в канаве у дороги. Канава была глубокая, с отвесными стенками, в ней можно было стоять почти во весь рост, не превращаясь при этом в мишень.

Шеф был возбужден.

— Ну и повезло! — восклицал он радостно. — Он здесь! Клянусь, он здесь!

— Стреляли из-под подоконника, — сказал я. — Неплохой трюк.

— Такие трюки у них больше не пройдут, — бодро заявил он. — Сейчас мы эту помойку тряхнем! По другой дороге, глядишь, уже подъезжает Даффи, а через несколько минут появится Терри. Эй, Доннер! — окликнул он полицейского, выглядывавшего из-за валуна. — Двигай вокруг дома, встретишь Даффи — Шейна, пусть сразу окружают и патронов не жалеют. Где Кимбл?

Человек за валуном ткнул большим пальцем в сторону дерева. Из канавы нам были видны только верхние ветки.

— Скажи ему, пусть начинает крутить мясорубку, — приказал Нунан. — По фасаду, но чтобы брал пониже, будто сыр режет.

Полицейский исчез.

Нунан расхаживал по канаве, время от времени рискуя высунуть голову, и отдавал приказы

голосом и жестами.

Наконец он уселся на корточки, дал мне сигару и закурил сам.

— Все нормально, — благодушно сообщил он. — Нет у Шепота шансов. С ним покончено.

Пулемет за деревом дал пробную очередь, восемь — десять выстрелов. Нунан ухмыльнулся и выпустил кольцо дыма. Затем пулемет заработал всерьез и пошел плеваться металлом — настоящий заводик по производству смерти. Нунан выпустил еще одно кольцо и сказал:

— Против этого не попрешь.

Я согласился. Мы курили, прислонившись к глинистой стенке канавы. Вдали заговорил второй пулемет, за ним третий. Нестройно вступили винтовки и пистолеты. Нунан одобрительно кивнул и сказал:

— Еще пять минут, и они узнают, где раки зимуют.

По прошествии пяти минут я предложил пойти взглянуть на останки. Подсадил Нунана и выкарабкался сам.

Ресторан выглядел таким же заброшенным и унылым, только стены — сплошное решето. Из него больше не стреляли. Зато в него постреляли как следует.

— Ну, что будем делать? — спросил Нунан.

— Если у них есть подвал, там, может, пара мышей и уцелела.

— Мышей еще успеем прикончить.

Он извлек из кармана свисток и произвел очень много шума, одновременно размахивая жирными руками. Пальба постепенно стихла. Пришлось подождать, пока приказ дойдет до тех, кто был позади дома.

Затем мы взломали дверь.

Первый этаж был по щиколотку залит спиртным — жидкость хлестала из пробитых пулями банок и бочек, которые загромождали почти весь дом.

Мы побродили по зданию, дурея от пролитой выпивки, и, наконец, нашли четыре мертвых тела — и никого больше. Эти четверо были смуглые люди иностранного вида, в рабочих комбинезонах. Двое из них буквально растерзаны пулями.

Нунан сказал:

— Пусть себе лежат, пошли отсюда.

Он бодрился, но при свете карманного фонарика было видно, что глаза у него обведены белыми кругами страха.

Мы с радостью выбрались наружу. Я задержался только, чтобы сунуть в карман невредимую

бутылку виски с этикеткой «Дьюар».

У ворот соскакивал с мотоцикла одетый в хаки полицейский.

— Первый Национальный банк обчистили! — заорал он.

Нунан злобно выругался и прорычал:

— Обштопал нас, будь он проклят! Всем обратно в город!

Полицейские полезли в машины. Двое потащили мертвого сыщика.

Нунан покосился на меня и сказал:

— Серьезная заварушка, без дураков.

Я что-то промычал в ответ и лениво зашагал к машине. Водитель уже сидел за рулем. Я стоял спиной к дому, разговаривая с Пэтом. Не помню, о чем мы говорили. Наконец подошел Нунан и остальные ищейки.

Когда мы огибали поворот, я увидел, что в открытых дверях ресторана пляшут слабые пока языки пламени.

16. ДЖЕРРИ СХОДИТ СО СЦЕНЫ

Вокруг Первого Национального банка стояла толпа. Мы протолкались к двери, где нас встретил угрюмый Магро.

— Их было шестеро, в масках, — доложил он шефу, когда мы вошли в здание. — Налетели примерно в полтретьего. Пятеро смылись с монетой. Одного, Джерри Хупера, уложил здешний сторож. Вон он на скамейке, остыл уже. Мы перекрыли дороги, оповестили всех, кого надо, только, думаю, уже поздно. Их видели в последний раз, когда они в черном «линкольне» заворачивали на Кинг-стрит.

Мы подошли взглянуть на мертвого Джерри, лежавшего под коричневым халатом на скамье в вестибюле. Пуля вошла ему под левую лопатку.

Банковский сторож, безобидный с виду старый придурок, рассказывал, выкатив грудь, как было дело:

— Сперва-то я растерялся. Никто и опомниться не успел, а они уж тут как тут. Ну и работали они! Смели всю наличность в один момент. Куда тут денешься? Но я себе думаю: «Ладно, ребятки,

сейчас вы хозяева, но посмотрим, как вы будете отсюда выбираться». По-моему и вышло. Я как побегу за ними к двери да как жахну из своей старушки. Угодил в этого парня — аккурат как он полез в машину. Я бы еще одного уложил, будь у меня побольше патронов, только трудновато отсюда стрелять, когда…

Нунан прекратил этот монолог, хлопнул старого дурня по спине так, что выбил у него из легких весь воздух, приговаривая:

— Это замечательно. Замечательно… Это просто замечательно.

Магро снова накинул на мертвеца халат и проворчал:

— Никто их не опознал. Но раз Джерри был тут, похоже, это компания Шепота.

Шеф радостно закивал и сказал:

— Оставлю это на тебя, Мак. — И, обратившись ко мне, спросил: — Потолкаетесь здесь или вернетесь со мной?

— Ни то, ни другое. У меня назначена одна встреча, и я хочу влезть в сухие ботинки.

Маленькая машина Дины Бранд стояла возле гостиницы. Самой Дины не было видно. Я поднялся к себе, оставив дверь незапертой. Едва я снял шляпу и пиджак, как без стука вошла Дина.

— Ну и аромат тут у вас, — сказала она.

— Это от моих ботинок. Мы с Нунаном гуляли по колено в выпивке.

Дина подошла к окну, открыла его, села на подоконник и спросила:

— По какому случаю?

— Нунан решил, что найдет вашего Макса в забегаловке под названием «Кедровая Горка». Мы поехали туда, разнесли дом в клочья, убили несколько итальяшек, разлили сотню галлонов спиртного, подожгли заведение и уехали.

— «Кедровая Горка»? По-моему, этот ресторан уже год как закрылся.

— С виду так оно и есть, но в нем кто-то устроил склад.

— Однако Макса вы там не нашли? — осведомилась она.

— Пока мы были там, он вроде бы обчистил банк старика Илайхью.

— Это я видела, — сообщила она. — Я как раз выходила из магазина Бенгрена, это через два дома. Уже села в машину — и вдруг вижу, какой-то здоровенный парень пятится из банка, в руке мешок и пистолет, а лицо закрыто черным платком.

— Макс с ними был?

— Он сам не поехал бы. Послал бы Джерри с ребятами. Для того он их и держит. Это был Джерри. Я его узнала даже под платком. Они все были в черных платках. Из банка выскочили четверо и побежали к машине. В ней сидел Джерри и еще один парень. Когда эти четверо появились, Джерри вылез и пошел им навстречу. Тут началась стрельба, и Джерри свалился. Остальные попрыгали в драндулет и смылись. Как насчет вашего долга?

Я отсчитал десять двадцатидолларовых бумажек и прибавил к ним десятицентовик. Она слезла с подоконника, чтобы их забрать.

— Это за то, что я попридержала Дэна и вы смогли замести Макса, — сказала она, запихивая деньги в сумку. — Теперь поговорим, сколько мне причитается за доказательства, что это Макс, а не кто-то другой, убил Тима Нунана.

— Придется подождать, когда ему предъявят обвинение. Откуда я знаю, что ваш товар не порченый?

Она насупилась и спросила:

— И куда вы деваете все свои деньги? — Тут лицо ее просветлело. — Знаете, где сейчас Макс?

— Нет.

— Сколько дадите, чтобы узнать?

— Нисколько.

— За сотню скажу.

— Зачем мне пользоваться вашей слабостью?

— Скажу за пятьдесят.

Я покачал головой.

— Двадцать пять.

— Он мне не нужен, — сказал я. — Мне неинтересно, где он. Почему бы вам не поторговаться с Нунаном?

— Ну да, с него получишь. Вы только поливаете себя выпивкой или она у вас есть и для других целей?

— Вот бутылка так называемого «Дьюара», я ее подобрал сегодня в «Кедровой Горке». В чемодане у меня бутылка «Кинг Джордж». Что выбираете?

Она проголосовала за «Кинг Джордж». Мы выпили по одной, не разбавляя, и я сказал:

— Сидите, развлекайтесь, а я переоденусь.

Когда через двадцать пять минут я вышел из ванной, она сидела у секретера, курила сигарету и изучала записную книжку, которую вытащила из моего саквояжа.

— По-моему, тут ваши расходы по всяким другим делам, — сказала она, не поднимая глаз. — Не пойму, черт побери, почему вы со мной так скупердяйничаете. Вон у вас записано: «600

долл. — инф.» Понятно, вы у кого-то купили информацию. А вот тут, пониже, — «150 — Верхушка», уж и не знаю, что это значит. А вот день, когда вы истратили почти тысячу.

— Это, наверное, номера телефонов, — сказал я, отбирая у нее книжку. — Где вас воспитывали? Роетесь в чужих вещах!

— Меня воспитывали в монастыре, — сообщила она. — Каждый год я получала награды за примерное поведение. Я думала, что девочки, которые кладут в кофе лишнюю ложку сахара, будут гореть в аду за чревоугодие. Я даже не знала до восемнадцати лет, что на свете есть неприличные слова. В первый раз, когда при мне выругались, я чуть не упала в обморок. — Она сплюнула на ковер, откинулась на стуле, положила ноги на мою кровать и спросила: — Ничего себе, а?

Я столкнул ее ноги с кровати и сказал:

— Я воспитывался в портовом кабаке. Плеваться будете в других местах, не то возьму за шкирку и вышвырну отсюда.

— Сперва выпьем еще по одной. Слушайте, а что вы дадите за историю, как наши заправилы не обнищали, пока строили муниципалитет, — ту, что я продала Дональду Уилсону?

— Не интересуюсь. Предлагайте дальше.

— Хотите знать, почему первую миссис Лу Ярд отправили в сумасшедший дом?

— Нет.

— Кинг, наш шериф, четыре года назад не имел ничего, кроме восьми тысяч долга, а сейчас у него такая коллекция домов в самом центре, что залюбуешься. Фактов у меня на руках нет, но скажу, где их добыть.

— Давайте дальше, — подбодрил я ее.

— Нет. Вы не хотите ничего покупать. Просто надеетесь, что подцепите что-нибудь задаром. Неплохое виски. Где взяли?

— Привез с собой из Сан-Франциско.

— Почему все-таки вам не нужна моя информация? Думаете, в другом месте будет дешевле?

— Это все слабовато. Мне надо набирать скорость. Требуется такой динамит, чтобы их сразу на куски разнесло.

Ее большие глаза блеснули, она засмеялась и вскочила.

— У меня есть визитная карточка Лу Ярда. А что, если послать Питу бутылку «Дьюара», которую вы прихватили, вместе с карточкой? Он ведь примет это за объявление войны! Если в «Кедровой Горке» был тайный склад спиртного, значит, это склад Пита. И он подумает, получив бутылку

с карточкой, что Нунан разнес это местечко по приказу Ярда.

Я подумал и сказал:

— Слишком грубо. Он не такой дурак. Кроме того, сейчас меня больше устраивает, чтобы Пит и Лу выступили вместе против Нунана.

Она надулась.

— Думаете, вы умнее всех. С вами каши не сваришь. Пойдем куда-нибудь сегодня вечером? У меня такое новое платье — закачаетесь.

— Ладно.

— Заезжайте за мной часов в восемь.

Она потрепала меня по щеке теплой рукой, сказала: «Пока» — и вышла как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

— Оба клиента — мой и Дика — сидят вместе у твоего клиента, — доложил по проводу Мики Лайнен. — Мой что-то суетится, как шлюха меж двух коек, совсем с ног сбился. Но я еще не раскумекал, в чем дело. Новости есть?

Я сказал, что нет, растянулся поперек кровати и начал совещаться сам с собой, пытаясь догадаться, что выйдет из налета Нунана на «Кедровую Горку» и Шепота — на Первый Национальный банк. Я немало бы отдал, чтобы послушать, о чем беседует у себя в доме старик Илайхью с Питом

Финном и Лу Ярдом. Но такой возможности не было, а гадалка из меня всегда была никудышная, так что через полчаса я бросил терзать свои мозги и задремал.

Около семи часов я проснулся, умылся, оделся, загрузил в карманы пистолет и фляжку виски и поехал к Дине.

17. РЕНО

Она провела меня в гостиную, отступила на шаг, покрутилась у меня перед глазами и спросила, как мне нравится ее новое платье. Я сказал, что нравится. Она объяснила, что цвет называется «беж с розой», а финтифлюшки по бокам — еще как-то, и закончила вопросом:

— Так я правда ничего выгляжу?

— Вы всегда хорошо выглядите, — заверил я. — Лу Ярд и Пит Финн сегодня днем были в гостях у старика Илайхью.

Она скорчила гримасу и пожаловалась:

— Вам плевать на мое платье. Что они там делали?

— Я думаю, это был военный совет.

Она взглянула на меня сквозь ресницы и спросила:

— Вы правда не знаете, где Макс?

Тут меня осенило. Однако не стоило сознаваться, что я сообразил с таким опозданием.

— Вероятно, он у Уилсона, — сказал я, — но мне это не очень интересно. Проверять не стану.

— Вот и глупо. У него есть причины нас с вами

не любить. Послушайтесь мамочку и постарайтесь замести его побыстрее. Если, конечно, хотите еще пожить на свете. И если хотите, чтобы мамочка тоже пожила.

Я засмеялся и сказал:

— Вы же не знаете самого главного. Макс не убивал брата Нунана. Тим не говорил: «Макс». Он пытался сказать: «Максуэйн», — и не успел.

Дина вцепилась мне в плечи и попробовала растрясти мои девяносто пять килограммов. С ее силенками это ей почти удалось.

— Будьте вы прокляты! — В лицо мне ударило ее горячее дыхание. Щеки Дины побелели, румяна выглядели на них как приклеенные. — Если это ваших рук дело, если вы нарочно заставили меня обмануть Макса, вам надо его убить — и немедленно.

Я не люблю рукоприкладства, даже со стороны молодых женщин, которые, разгорячившись, напоминают кое-кого из древней мифологии. Я снял ее руки со своих плеч и сказал:

— Хватит причитать. Вы пока что живы.

— Да, пока что. Но я лучше вас знаю Макса. Знаю, сколько шансов уцелеть у того, кто его обманул. Если бы вы его обыграли по-честному, и то было бы скверно, а уж так…

— Не поднимайте шума. Я обманул миллион человек, и ничего со мной не стряслось. Надевайте пальто и шляпу; поедем подкрепимся. Сразу повеселеете.

— Вы что, спятили? Никуда я не поеду. Такое творится…

— Тихо, сестренка. Если Макс такой страшный, он вас и здесь достанет. Какая ему разница?

— Есть разница… Вот что я вам скажу. Вы останетесь со мной, пока Макса не уберут. Вы по всем статьям виноваты, вот и охраняйте меня. У меня даже Дэна нет. Он в больнице.

— Не могу, — сказал я. — Мне работать надо. Вы трепыхаетесь по пустякам. Макс, наверное, уже забыл про вас. Одевайтесь. Я умираю с голоду.

Она приблизила ко мне лицо, и выражение у нее было такое, словно она увидела в моих глазах что-то жуткое.

— Какой же вы мерзавец! — проговорила она. — Вам плевать, что со мной будет. Чтобы найти свой динамит, вы используете меня, как и всех остальных. А я-то вам верила.

— Вы сами динамит, а остальное — глупости. Когда вы веселая, то смотритесь гораздо лучше. У вас крупные черты лица. От злости они грубеют. Я умираю с голоду, сестренка.

— Будете есть здесь, — сказала она. — Я вечером отсюда не выйду.

Она не шутила. Надев поверх розово-бежевого платья передник, она произвела осмотр холодильника. В нем оказались картошка, зеленый салат, консервированные фрукты и половина фруктового торта. Я вышел купить несколько бифштексов, булочки, спаржу и помидоры.

Когда я вернулся, Дина смешала джин и вермут в литровом шейкере, и места до краев в нем оставалось немного.

— Ничего не видели? — спросила она.

Я дружелюбно ухмыльнулся. Мы принесли коктейли в столовую и, пока готовилась еда, сыграли несколько раз в игру «пей-до-дна». Выпивка сильно подбодрила Дину. Когда мы сели за стол, она уже почти забыла про свои страхи. Ели мы так, словно она лучшая повариха на свете, хотя это далеко не соответствовало действительности.

Обед мы закончили парой стаканчиков джина с имбирным пивом.

После этого Дина решила, что хочет развлечься. Не станет она прятаться от какого-то плюгавого паршивца только потому, что он завелся из-за ерунды, а если ему не нравится, как она себя ведет, так пусть пойдет застрелится, а мы поедем

в «Серебряную стрелу», куда она все равно собиралась, она уже обещала Рено, что приедет к нему на ужин, и она так и сделает, черт побери, а кто считает, что она не приедет, тот выжил из последнего ума, и что я обо всем этом думаю?

— Кто такой Рено? — спросил я, пока она все туже стягивала тесемки передника, стараясь из него выпутаться.

— Рено Старки. Он вам понравится. Правильный парень. Раз я обещала, что буду у него на празднике, значит, буду.

— Какой еще праздник?

— Да что такое с этим подлым передником, что б ему пусто было! Старки сегодня днем вышел на волю.

— Повернитесь, я развяжу. За что он сидел? Стойте спокойно.

— Взорвал сейф у ювелира Терлока полгода назад. Там были Рено, Щелчок Коллинз, Черныш Уэйлен, Моток О'Марра и еще один хромой парень по кличке Полтора Шага. Их полгода никто не трогал — Лу Ярд позаботился, — но на прошлой неделе ищейки, которых наняла ассоциация ювелиров, все-таки вышли на них и прижали к стене. Так что Нунану пришлось проделать для виду, что в таких случаях полагается. Ладно, это

все ерунда. Сегодня в пять часов их выпустили под залог, и больше про это никто и не вспомнит. Рено привык. Его уже три раза выпускали под залог. Что, если вы смешаете по стаканчику, пока я влезу в платье?

«Серебряная стрела» была на полпути между Отервиллом и озером Мок.

— Славное местечко, — рассказывала Дина, пока мы ехали туда в ее маленьком автомобиле. — Полли Де Вото — своя баба, дрянью не торгует. Вот только «бурбон» у нее всегда словно мертвечиной отдает. Она вам понравится. Там можно творить что хочешь, только тихо. Полли не выносит шума. Приехали. Видите за деревьями красные и синие огоньки?

Мы выехали из леса прямо к придорожному ресторану, построенному в виде замка и сиявшему электричеством.

— Говорите, она шума не выносит? — осведомился я, прислушиваясь к хору пистолетов, голосивших «Трах! Бам! Бум!».

— Что-то стряслось, — пробормотала девушка и остановила машину.

Из ресторана выбежали двое мужчин, волоча под руки женщину, и скрылись в темноте. Из боковой двери показался еще один и пустился на-

утек. Пистолеты продолжали вести свою партию. Вспышек я не видел.

Еще один мужчина выскочил наружу и исчез за домом.

Из окна второго этажа высунулся по пояс человек с черным револьвером в руке.

Дина резко выдохнула.

Короткий оранжевый сполох вырвался из придорожных кустов в направлении того человека, что появился на втором этаже. Его револьвер ответил тем же. Второй вспышки из кустов не последовало.

Человек в окне перенес ногу через подоконник, повис на руках, спрыгнул.

Наша машина рванулась вперед. Дина прикусила нижнюю губу.

Человек, спрыгнувший из окна, поднимался с четвереньек.

Дина обернулась ко мне и прокричала:

— Рено!

Человек в три прыжка пересек дорогу. Как только его ноги оказались на подножке с моей стороны, Дина бросила машину вперед. Я обхватил Рено за пояс и едва не вывихнул обе руки, стараясь его удержать. Он мешал мне, как только мог, перегибаясь назад и пытаясь попасть в тех,

кто палил нам вслед.

Потом все окончилось. Мы очутились вне пределов видимости, слышимости и досягаемости «Серебряной стрелы» и неслись прочь от Отервилла.

Рено обернулся и для разнообразия стал держаться за машину сам. Я втянул руки внутрь и обнаружил, что все суставы в порядке. Дина припала к рулю.

Рено сказал:

— Спасибо, малышка. В самое время подрулила.

— Не за что, — отозвалась она. — Так вот какие у тебя праздники?

— Кое-кто явился без приглашения. Знаешь Таннерское шоссе?

— Да.

— Поезжай по нему. Оно выведет нас на бульвар Маунтин, этим путем и вернемся в город.

Девушка кивнула, слегка замедлила ход и спросила:

— Кто пришел без приглашения?

— Так, хмыри, которые еще не поняли, что меня лучше не трогать.

— Я их знаю? — спросила она, пожалуй, слишком небрежно, сворачивая на узкую немощеную

дорогу.

— Не твоя забота, малышка. Лучше выжми из колымаги все, на что она способна.

Дина выжала из нее еще двадцать пять километров в час. Теперь она была занята только тем, чтобы удерживать машину на дороге, а Рено — чтобы не свалиться.

Беседа между ними прекратилась, пока мы не выехали на дорогу поровнее.

Тогда Старки спросил:

— Значит, ты завязала с Шепотом?

— Угу.

— А говорят, ты на него настучала.

— Мало ли что болтают. А ты как думаешь?

— Что ты его послала, это нормально. Но связаться с сыщиком и продать Шепота — паршивое дело. Чертовски паршивое, если хочешь знать.

С этими словами он взглянул на меня. Ему было лет тридцать пять — высокий, широкоплечий и тяжелый, но не жирный. Карие туповатые глаза были широко расставлены на длинном и желтом лошадином лице. Лицо безжизненное, неподвижное, но не отталкивающее. Я посмотрел на него и промолчал.

Девушка сказала:

— Если ты так считаешь, то можешь идти к…

— Полегче, — буркнул Рено.

За следующим поворотом дорога была перегорожена длинным черным автомобилем.

Вокруг запорхали пули. Мы с Рено отвечали как могли, а Дина пришпорила свою машину, как лошадь при игре в поло. Она бросила ее на левую сторону дороги, заехала левыми колесами на высокий откос, резко развернулась — машина накренилась под нашим с Рено весом и забралась левыми колесами на откос справа. Потом вырулила на осевую спиной к оврагу, и мы унеслись прочь — как раз, когда наши пистолеты разрядились полностью.

Множество народу произвело множество выстрелов, но, насколько мы могли судить, ничьи пули никого не задели.

Рено, цепляясь за дверцу локтями и вставляя новую обойму в автоматический пистолет, сказал:

— Молодец, малышка. Подходяще крутишь баранку.

— Теперь куда? — спросила Дина.

— Сначала подальше отсюда. Поезжай прямо, там что-нибудь придумаем. Городок, пожалуй, для нас закрыт.

Мы сделали еще пятнадцать — двадцать ки-

лометров в сторону от Отервилла, обогнали несколько машин, но не заметили ничего похожего на погоню. Рено сказал:

— На вершине холма сверни направо.

Мы свернули на проселочную дорогу, которая вилась между деревьями по склону каменистого холма. Здесь и пятнадцать километров в час уже казались высокой скоростью. Мы ползли еле-еле минут пять, потом Рено велел остановиться. Просидев с полчаса в темноте, мы ничего особенного не заметили. Наконец Рено предложил:

— В полутора километрах отсюда есть пустая хижина. Заночуем там. Прорываться в город сегодня смысла нет.

Дина сказала, что ей все равно, лишь бы в нее больше не стреляли. Я сказал, что согласен, хотя предпочел бы поискать тропинку, ведущую обратно в город.

Мы осторожно тронулись дальше по проселочной дороге. Вскоре наши фары нащупали низкое фанерное строение, нуждавшееся в покраске, но никогда ее не знавшее.

— Здесь? — спросила Дина у Рено.

— Похоже. Подождите, я проверю.

Он вышел и вскоре появился в свете фар у двери хижины. Погремел ключами, снял замок, открыл

дверь и вошел. Затем вышел и позвал нас:

— Все в порядке. Входите и располагайтесь.

Дина выключила мотор и вылезла из машины.

— Есть в машине фонарик? — спросил я.

Она дала мне фонарик, зевнула:

— Господи, ну и устала я. Надеюсь, в этой дыре есть что-нибудь выпить?

Я сообщил, что у меня с собой фляжка виски. Эта новость ее подбодрила.

В хижине была всего одна комната, где помещалась армейская койка, покрытая коричневым одеялом, стол, на котором валялись фишки для покера и колода карт, железная печка, четыре стула, керосиновая лампа, тарелки, кастрюли, сковородки и ведра, три полки консервов, охапка дров и тачка.

Когда мы вошли, Рено зажигал лампу.

— Не так уж худо, — сказал он. — Пойду спрячу колымагу, и до утра мы в безопасности.

Дина подошла к койке, откинула одеяло и сообщила:

— Может, здесь кое-что и водится, но так не видать. Давайте свою выпивку.

Я отвинтил пробку и передал девушке фляжку, а Рено вышел отогнать машину. После Дины я тоже сделал глоток.

Рокот мотора становился все слабее. Я открыл дверь и выглянул. Видно было, как белый свет, удаляясь, прыгает вниз по холму между деревьев и кустов.

Когда он совсем исчез из виду, я вернулся в хижину и спросил девушку:

— Ну как, пойдем в город пешком?

— Что?

— Рено уехал на машине.

— Подонок паршивый! Слава Богу, хоть под крышей нас оставил.

— Не радуйтесь. У Рено был ключ от этой развалюхи. Ставлю десять к одному, что те ребята, которые его ищут, знают это место. Поэтому он нас здесь и бросил. Предполагается, что мы сцепимся с преследователями и задержим их, пока Рено будет удирать.

Дина устало поднялась с койки, прокляла Рено, меня, всех мужчин от Адама и хмуро осведомилась:

— Уж если вы все знаете, то скажите, что нам теперь делать.

— Найти местечко поудобнее где-нибудь поблизости и посмотреть, что будет дальше.

— Я возьму с собой одеяла.

— Одного они, может быть, и не хватятся, но

если возьмете больше, то нас найдут как миленьких.

— Тоже мне миленький, — проворчала Дина, но одеяло взяла только одно.

Я задул лампу, запер за нами дверь, и при свете фонарика мы стали пробираться по тропинке.

На склоне холма мы нашли небольшую лощину, откуда дорога и хижина просматривались сквозь кусты. За ними вполне можно было укрыться и остаться незамеченными, если, конечно, не зажигать света.

Я разостлал одеяло, и мы сели.

Девушка прислонилась ко мне и начала жаловаться, что земля сырая, что ей холодно даже в меховом пальто, сводит ногу и хочется курить.

Я дал ей глотнуть из фляжки. Этим я купил себе десять минут покоя.

Затем она заявила:

— У меня начинается простуда. Когда они приедут, если вообще кто-нибудь приедет, я буду так кашлять и чихать, что в городе услышат.

— Чихнете только раз, — сказал я. — Второй раз не успеете.

— Тут мышь, что ли, ползает под одеялом.

— Вероятно, всего-навсего змея.

— Вы женаты?

— Бросьте это.

— Значит, женаты?

— Нет.

— Вот повезло какой-то женщине.

Я стал искать приличный ответ на эту остроту, когда вдали на дороге мелькнул свет. Я прошептал: «Ш-ш-ш». Свет исчез.

— Что это? — спросила она.

— Фары. Уже погасли. Наши гости оставили машину и идут пешком.

Прошло довольно много времени. Девушка дрожала, прижавшись ко мне теплой щекой. Мы как будто слышали шаги и видели темные фигуры на дороге и вокруг хижины, но это могло нам и почудиться.

Конец нашим сомнениям положил яркий круг света, брошенный фонариком на дверь хижины. Грубый голос сказал:

— Баба пусть выходит.

Полминуты они молча ждали ответа из-за дверей. Потом тот же грубый голос спросил:

— Ну как, выходишь?

И снова молчание.

Его нарушили выстрелы, со звуком которых мы за этот вечер уже как-то свыклись. Что-то застучало по доскам.

— Пошли, — шепнул я девушке. — Пока тут такой шум, попробуем добраться до их машины.

— Не надо, — сказала Дина. Она вцепилась мне в руку и не давала подняться. — На сегодня с меня хватит. Здесь нас никто не тронет.

— Пошли, — настаивал я.

Она сказала: «Не пойду», — и не пошла, но пока мы спорили, стало уже слишком поздно. Ребята внизу вышибли ногами дверь, обнаружили, что в хижине пусто, и заорали, подзывая свою машину.

Подъехал автомобиль, туда влезли восемь человек, и машина двинулась по холму в том же направлении, что и Рено.

— Можем перебраться в хижину, — сказал я. — Вряд ли они вернутся.

— Молю Господа, чтобы в этой фляжке осталась хоть капля виски, — сказала она, когда я помогал ей встать.

18. ПЕЙНТЕР-СТРИТ

Консервы, припасенные в хижине, показались нам наутро не слишком соблазнительными. Наш завтрак состоял из кофе, сваренного на сильно застоявшейся воде из оцинкованного ведра.

Пройдя с полтора километра, мы добрались до фермы, где какой-то юноша оказался не прочь заработать несколько долларов и отвезти нас в город на семейном «форде». Он задавал множество вопросов, на которые мы отвечали враньем или не отвечали вовсе. Он высадил нас в начале Кинг-стрит, у маленького ресторана, где мы съели кучу гречневых оладий с беконом. Такси доставило нас к дому Дины около десяти часов. По ее просьбе я обыскал дом от подвала до крыши и не обнаружил никаких незваных гостей.

— Когда вы вернетесь? — спросила она, провожая меня до двери.

— Попытаюсь заскочить к вам до полуночи, хотя бы на несколько минут. Где живет Лу Ярд?

— Пейнтер-стрит, дом 1622. Это в трех кварталах отсюда. Что вам там нужно?

Не успел я ответить, как она схватила меня за

плечо и попросила:

— Отыщите Макса, пожалуйста. Я его боюсь.

— Может быть, немного погодя сумею натравить на него Нунана. Все зависит от того, как пойдут дела.

Она назвала меня проклятым обманщиком, которому плевать, что с ней будет, лишь бы шли его грязные делишки.

Я отправился на Пейнтер-стрит. Под номером 1622 стоял красный кирпичный дом с гаражом прямо под парадной дверью.

Пройдя еще квартал, я обнаружил у тротуара наемный «бьюик» без шофера, а в нем Дика Фоли. Я влез в машину и спросил:

— Что происходит?

— Засек в два. В три тридцать — Уилсон. Мики. В пять — домой. Много дел. На месте. Снялся в три — до семи. Пока ничего.

Это должно было означать, что он начал следить за Лу Ярдом накануне в два часа дня; в три тридцать проводил его к Уилсону, где видел Мики, следившего за Питом; в пять уехал за Ярдом обратно к его дому; видел, как туда входили и выходили люди, но сам не трогался с места; уехал с дежурства в три утра и вернулся в семь; с тех пор в дом никто не входил и не выходил.

— Придется тебе это бросить и переключиться на дом Уилсона, — сказал я. — Говорят, что там засел Шепот Талер. Я хочу, чтобы он был под присмотром, пока я не решу, отдавать его Нунану или нет.

Дик кивнул и включил мотор. Я вылез и вернулся в гостиницу.

Там меня ждала телеграмма от Старика:

> Немедленно вышлите полное объяснение данной операции обстоятельства при которых вы начали действия также ежедневные отчеты весь срок.

Я сунул телеграмму в карман, надеясь, что события будут разворачиваться с прежней быстротой. Послать ему сейчас то, что он просит, ничуть не лучше, чем послать заявление об уходе с работы.

Я напялил свежий воротничок и затрусил в муниципалитет.

— Привет, — обратился ко мне Нунан. — А я все жду, когда вы объявитесь. Пытался поймать вас в гостинице, но, говорят, вы там не ночевали.

Вид у него был неважный, но казалось, что шеф, для разнообразия, действительно рад меня видеть.

Когда я сел, один из его телефонов зазвонил.

Нунан поднес трубку к уху:

— Да?

Еще немного послушал, сказал:

— Ты лучше сам туда поезжай, Мак.

Трубкой он попал на рычаг только с третьей попытки. Лицо у него стало мучнистым, но ему удалось сообщить мне почти нормальным голосом:

— Лу Ярда кокнули. Застрелили, прямо сейчас, когда он выходил из дому.

— Подробности знаете? — спросил я, проклиная себя за то, что снял Дика Фоли с Пейнтер-стрит на час раньше времени. Жутко не повезло.

Нунан покачал головой, глядя себе в колени.

— Поедем, взглянем на тело? — предложил я, вставая.

Он не поднял глаз.

— Нет, — устало сказал он, обращаясь к своим коленям. — Честно говоря, не хочется. Не знаю, смогу ли это выдержать. Меня уже тошнит от всей этой бойни. Действует на нервы.

Я снова сел, поразмышлял на тему его плохого настроения и спросил:

— Кто, по-вашему, его убил?

— Бог его знает, — промямлил он. — Все убивают друг друга. Чем это кончится?

— Это не может быть Рено?

Нунан вздрогнул, поднял было на меня глаза, передумал и повторил:

— Бог его знает.

Я подступился с другой стороны:

— Пришили кого-нибудь в «Серебряной стреле» вчера вечером?

— Всего троих.

— Кто такие?

— Два уголовника — Черныш Уэйлен и Щелчок Коллинз, их только вчера в пять часов выпустили на поруки. Еще Джейк Уол, по кличке Голландец, наемный убийца.

— А что там произошло?

— По-моему, просто не поладили. Вроде бы Щелчок, Черныш и остальные, которые с ними вышли на волю, отмечали это событие. Друзей их там было много, ну и кончилось дракой.

— Это все ребята Лу Ярда?

— Чего не знаю — того не знаю, — ответил он.

Я встал и двинулся к двери.

— Подождите, — окликнул он меня. — Не убегайте. Да, кажется, это люди Ярда.

Я вернулся на место. Нунан разглядывал стол. Лицо у него было серое, отекшее, сырое, как незастывшая замазка.

— Шепот живет у Уилсона, — сообщил я ему.

Он вскинул голову. Глаза у него потемнели. Потом рот задергался, и голова снова поникла.

— Больше не могу, — пробормотал он. — Тошнит от убийств. Больше не выдержу.

— Сильно тошнит? — спросил я.

— Да.

— Тогда идите на мировую. Но уж за убийство Тима не поквитаетесь. Ведь с этого все началось, — напомнил я. — Если хотите поставить точку, надо это делать сейчас.

Он поднял голову и посмотрел на меня, как пес на кость.

— Остальным, наверное, так же тошно, как вам, — продолжал я. — Скажите им всю правду. Соберитесь все вместе и заключите мир.

— Они решат, что это подвох с моей стороны, — возразил он жалобно.

— Соберитесь у Уилсона. Там живет Шепот. Это вы рискуете нарваться на подвох, а не они. Боитесь?

Он насупился и спросил:

— Пойдете со мной?

— Если хотите.

— Спасибо, — сказал он, — Я… я попробую.

19. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В назначенное время — девять вечера — мы с Нунаном прибыли к Уилсону. Остальные делегаты мирной конференции были уже на месте. Каждый кивнул, на этом приветствия и закончились.

Я не был знаком только с Питом Финном. Бутлегер оказался ширококостным человеком лет пятидесяти с абсолютно лысой головой. У него был низкий лоб, огромные тяжелые челюсти и выпяченный подбородок.

Мы уселись за стол в библиотеке Уилсона.

Старик Илайхью сидел во главе стола. Ежик волос на его круглом розовом черепе серебрился. Из-под кустистых белых бровей выглядывали круглые голубые глаза, жесткие и властные. Рот и подбородок образовали две параллельные линии.

Пит Финн сидел справа от него и наблюдал за присутствующими крошечными, совершенно неподвижными черными глазками. Рядом с бутлегером поместился Рено Старки. Желтоватое лошадиное лицо Рено было таким же флегматич-

ным и невыразительным, как и его взгляд. Макс Талер откинулся на стуле слева от Уилсона. Ноги маленького игрока в аккуратно отглаженных брюках были небрежно скрещены. Из угла плотно сжатых губ свисала сигарета.

Я сидел рядом с Талером. Нунан — рядом со мной.

Заседание открыл Илайхью Уилсон.

Он сказал, что так продолжаться дальше не может. Все мы — люди разумные, трезвые, взрослые, достаточно повидали в жизни. Все понимают, что нельзя жить, ни с кем не считаясь, — будь ты хоть семи пядей во лбу. Время от времени приходится идти на компромиссы. Чтобы иметь то, что хочешь, надо давать другим то, чего хотят они. Он уверен, что сейчас все мы больше всего хотим, чтобы прекратились эти безумные убийства. Он уверен, что за час можно все откровенно обсудить и уладить, не превращая Отервилл в бойню.

Это было неплохое выступление.

После него наступило краткое молчание. Талер смотрел мимо меня, на Нунана, словно ждал от него чего-то. Остальные, подражая ему, тоже уставились на шефа полиции.

Нунан побагровел и хрипло заговорил:

— Шепот, я готов забыть, что ты убил Тима. —

Он встал и протянул мясистую лапу. — Вот тебе моя рука.

Тонкий рот Талера скривился в злобной ухмылке.

— Эту сволочь, твоего брата, стоило убить, но я тут ни при чем, — холодно и тихо произнес он.

Щеки Нунана из багровых стали лиловыми.

Я громко сказал:

— Погодите, Нунан. Не с того начали. Мы ничего не добьемся, если не будем говорить правду. Только испортим все дело. Тима убил Максуэйн, и вы это знаете.

Он уставился на меня с ошарашенным видом и громко втянул в себя воздух. Он еще не понимал, что я с ним сделал.

Я взглянул на остальных и спросил как можно благостнее:

— Итак, это улажено? Тогда пошли дальше. Как вы относитесь, — обратился я к Питу Финну, — ко вчерашней ошибке с вашим складом и четырьмя служащими?

— Хороша ошибка, — буркнул он.

Я объяснил:

— Нунан не знал, что у вас там склад. Он приехал, думая, что там пусто. Просто хотел расчистить кое-кому дорогу для одной работенки в

городе. Ваши люди начали стрелять первыми, и тогда шеф решил, что наткнулся на Талера. Когда Нунан понял, что залез в ваш огород, то потерял голову и разнес это местечко в пух и прах.

Талер наблюдал за мной с едва заметной жесткой улыбкой, которая гнездилась в глазах и углах губ. Рено выглядел еще большим флегматиком, чем прежде. Илайхью Уилсон наклонился ко мне, его старые глаза глядели резко и настороженно. Не знаю, что делал Нунан. Я не мог позволить себе роскоши глядеть на него, но знал, что если разыграю свою карту верно, то буду кругом в выигрыше, если нет…

— Людям я за риск плачу сам, — сказал Пит Финн. — За все остальное — двадцать пять тысяч, и мы в расчете.

Нунан быстро, с готовностью отозвался:

— Хорошо, Пит, хорошо, я отдам.

Я сжал губы, чтобы не рассмеяться — такая паника звучала у него в голосе.

Теперь можно было взглянуть на шефа. Он был разбит, растоптан, готов на все, чтобы спасти — или хотя бы попытаться спасти — свою жирную шею. На меня он не смотрел. Он не смотрел ни на кого. Он изо всех сил притворялся, будто вовсе не боится волков, которым я кинул его на

растерзание.

Продолжая гнуть свою линию, я повернулся к Илайхью Уилсону:

— Будете поднимать шум, что обчистили ваш банк, или вас это устраивает?

Макс Талер тронул меня за плечо и предложил:

— Может быть, мы быстрее решим, кому поднимать шум, а кому нет, если ты выложишь сперва свои карты?

Я с радостью согласился.

— Нунан хотел тебя замести, — поведал я, — но либо получил, либо ожидал, что получит, приказ от Ярда и Уилсона тебя не трогать. Тогда он решил, что надо устроить ограбление банка и навесить его на тебя. В этом случае, мол, твои защитники от тебя откажутся и дадут тебя забрать. Насколько я понимаю, без благословения Ярда такие дела в городе не делались. Значит, ты залез на его территорию, а заодно нагадил Уилсону. Так это должно было выглядеть. Предполагалось, что на тебя разозлятся и помогут Нунану тебя упрятать. Нунан не знал, что ты здесь. Рено со своими ребятами в это время был за решеткой. Рено — выкормыш Ярда, но он был не прочь обойти своего шефа. У него уже бродила в голове идея,

что пора отобрать у Лу городок. — Я повернулся к Рено и спросил: — Так или нет?

Он обратил ко мне деревянное лицо и сказал:

— Мели дальше.

Я продолжал молоть дальше:

— Нунан организует фальшивый донос, что ты, Макс, в «Кедровой Горке», и берет туда всех своих ребят, которым доверяет, — даже уличный патруль забирает с Бродвея, чтобы очистить Рено дорогу. Магро и фараоны, которые в курсе, выпускают Рено с его ребятами на волю, те проворачивают дельце и ныряют обратно за решетку. Вот это алиби! Через пару часов их выпускают под залог.

До Лу Ярда вроде это дошло. Вчера вечером он послал в «Серебряную стрелу» Джейка Голландца с ребятами, чтобы те проучили Рено и его дружков — мол, не самовольничайте. Но Рено смылся и вернулся в город. Теперь вопрос стоял так: или он, или Лу. Он решил этот вопрос, оказавшись с пистолетом возле дома Лу сегодня утром, когда тот выходил на улицу. Сообразил он вроде верно, потому что сидит он, как я замечаю, на том самом месте, где сидел бы Лу Ярд, если бы Лу уже не обложили льдом.

Все молчали так мертво, словно хотели пока-

зать, как мертво они умеют молчать. Никто не мог быть уверен, что среди присутствующих у него есть друзья, и никто не позволял себе небрежных движений.

Если Рено и понял смысл того, что я сказал, он ничем этого не выдал.

Талер прошептал:

— Ты ничего не упустил?

— Ты имеешь в виду Джерри? — Я продолжал оставаться душой общества. — Я как раз собирался сказать про него пару слов. Не знаю, как было — то ли он смылся из тюрьмы вместе с тобой, а уж потом его замели и посадили опять, то ли он не бежал вовсе. Не знаю, по доброй ли воле он пошел на дело с банком, но он пошел, и его прикончили, и оставили возле банка, потому что он был твоей правой рукой. Верное свидетельство, что ты замешан в грабеже. Его держали в машине, пока не пришло время сматываться, а тогда вытолкнули и выстрелили в спину. Он стоял лицом к банку, спиной к машине, когда получил свою порцию.

Талер взглянул на Рено и тихо проговорил:

— Вот как?

Рено перевел скучные глаза на Талера и спокойно спросил:

— Ну и что?

Талер встал.

— Я выхожу из игры, — сказал он и пошел к двери.

Пит Финн поднялся, опираясь на стол костлявыми ручищами, и произнес глухо, из глубины груди:

— Шепот!

Талер остановился и повернулся к нему.

— Вот что я тебе скажу. Тебе, Шепот, и всем вам. Хватит этой чертовой пальбы. Коли у вас мозгов не хватает сообразить, что для вас самих лучше, так я вам скажу. Разносить город на части — одни убытки. Я больше этого не потерплю. Или вы будете вести себя как следует, или я вас заставлю. У меня есть армия ребят, которые знают, как подойти к пистолету с любого конца. В моем деле без них не обойтись. Если жизнь заставит напустить их на вас, я напущу. Хотите играть с порохом и динамитом? Я вам покажу эти игры. Хотите иметь драку? Будете иметь. Запомните мои слова.

Пит Финн сел.

Талер немного постоял в задумчивости, потом вышел, так и не дав понять, о чем он задумался.

Его уход вызвал взрыв энергии. Никто не хотел сидеть на месте, пока другие стягивают силы.

Через несколько минут в библиотеке остались только двое — Илайхью Уилсон и я.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Наконец он сказал:

— Хотите стать шефом полиции?

— Нет. Я не гожусь в мальчики на побегушках.

— Не сейчас. Когда мы избавимся от этой банды.

— Будем иметь другую такую же.

— Черт вас побери, — сказал он, — не можете быть повежливее с человеком, который вам в отцы годится?

— И который грубит мне и прячется за свой возраст.

От гнева у него на лбу вздулась синяя жилка. Потом он рассмеялся.

— Язык у вас ядовитый, — сказал он, — но должен признать: вы сделали то, за что я вам заплатил.

— И получил от вас много помощи.

— Вам что, нос надо вытирать? Я дал вам то, что вы просили, — деньги и полную свободу. Что вам еще нужно?

— Старый вы пират, — сказал я. — Я вас шантажом заставил это сделать, и все время вы играли против меня. Но теперь даже вы поняли, что эти

бандиты не уймутся, пока не сожрут друг друга. А вы тут разливаетесь, сколько вы для меня сделали.

— Старый пират, — повторил он. — Сынок, не будь я пиратом, я бы до сих пор пахал на компанию «Анаконда», и не было бы Горнодобывающей корпорации Отервилла. Можно подумать, вы сами этакий кудрявый агнец. Они меня прихватили, сынок, да так, что не вывернешься. Было здесь такое, что мне не совсем нравилось. Было кое-что и похуже, о чем я вчера еще знать не знал, но я болтался на крючке, к приходилось выжидать. Да с тех пор, как этот Шепот Талер здесь поселился, я у себя в доме словно в тюрьме, будто заложник какой!

— Ай-яй-яй. И что же вы теперь решили? — осведомился я. — Будете поддерживать меня?

— Если вы победите.

Я встал и заявил:

— Бога буду молить, чтобы вы попались с ними вместе.

— Дело ваше. — Он весело прищурился. — Но я вас финансирую. Это значит, что я хочу добра, верно ведь? Не давите на меня сынок, не то я…

Я сказал:

— Пошли вы к черту, — и ушел.

20. НАСТОЙКА ОПИЯ

Дик Фоли ждал меня на соседнем углу в наемной машине. Я попросил его подвезти до квартала, где жила Дина Бранд, а остаток пути прошел пешком.

— У вас усталый вид, — сказала Дина, когда я вошел за ней в гостиную. — Работали?

— Был на мирной конференции, которая приведет по меньшей мере к десятку убийств.

Зазвонил телефон. Она подошла и позвала меня.

В трубке раздался голос Рено Старки:

— Я решил, может, тебе интересно узнать, что Нунан отправился к чертям собачьим. Застрелили, когда он вылезал из своего драндулета возле дома. Такого мертвого покойника редко увидишь. В него, наверное, три десятка пуль всадили.

— Спасибо.

В голубых глазах Дины застыл вопрос.

— Шепот Талер пожинает первые плоды мирной конференции, — сообщил я ей. — Где джин?

— Это Рено звонил?

— Рено. Он решил сообщить мне, что в Отра-

вилле образовалась нехватка шефов полиции.

— То есть…

— По его словам, Нунан сегодня вечером отбыл к праотцам. У вас что, нет джина? Или вам нравится, когда я клянчу?

— Сами знаете, где он стоит. Это опять ваши штучки?

Я пошел на кухню, открыл холодильник, достал оттуда лед и атаковал его при помощи ледолома — острого, как шило, пятнадцатисантиметрового лезвия, вправленного в круглую, синюю с белым, рукоятку.

Девушка стояла в дверях и задавала вопросы. Я не отвечал, разливая джин с лимонным соком, сельтерской и льдом в два стакана.

— Чем же вы занимались? — спросила она, когда мы вернулись в столовую со стаканами в руках. — Выглядите жутко.

Я поставил стакан на стол, сел и пожаловался:

— Этот чертов городок довел меня до ручки. Если я вскорости не уеду, то помешаюсь на крови, как местные граждане. Смотрите сами, с моего приезда здесь было больше полутора десятков убийств. Дональд Уилсон; Айк Буш; четверо итальяшек и сыщик в «Кедровой Горке»; Джерри; Лу Ярд; Джейк Голландец; Черныш Уэйлен и Щелчок

Коллинз в «Серебряной стреле»; Большой Ник, фараон, которого я уложил; блондинчик, которого прикончил здесь Шепот; Якима Коротышка, который залез к старику Илайхью; и теперь Нунан. Шестнадцать — меньше чем за неделю, и ожидается еще.

Она нахмурилась и резко сказала:

— Не смотрите на меня так.

Я засмеялся и продолжил:

— Раз-другой в жизни мне пришлось организовывать убийства, когда это было необходимо. Но сейчас впервые меня залихорадило. А все ваш проклятый город. Здесь невозможно оставаться нормальным человеком. Меня спихнули с прямой дороги в самом начале. Когда старик Илайхью от меня отказался, мне ничего не осталось, как попробовать стравить этих ребят друг с другом, иначе работу мне не сделать. Как ни крути, всякий способ обязательно вел к убийствам. Иным путем без поддержки Илайхью мне бы не справиться.

— Раз вы тут ни при чем, что над этим кудахтать? Не забывайте про выпивку.

Я отхлебнул полстакана, и меня потянуло поговорить еще:

— Только начни играть с убийством, и оно

на тебя как-нибудь да подействует. Либо тебя начнет тошнить, либо тебе понравится. Нунана затошнило. Когда Ярда пристукнули, Нунан весь посинел, из него будто дух выпустили. Он был на все готов ради мировой. Я предложил, чтобы он и остальные уцелевшие собрались и покончили с трениями. Мы сегодня устроили заседание у Уилсона. Славный был вечерок. Я притворился, что хочу уладить все недоразумения, выложить правду-матку, и под этим предлогом раздел Нунана до нитки и бросил его им на съедение — его и Рено. Это нарушило повестку дня. Шепот объявил, что больше в игре не участвует. Пит всех предупредил — свары, сказал он, плохо действуют на его бутлегерский бизнес, и теперь, если кто-нибудь начнет задираться, он напустит на него своих ребят. На Шепота это вроде не произвело впечатления. На Рено тоже.

— Само собой, — сказала девушка. — А что вы сделали с Нунаном? Я хочу сказать, как это вы разделили его и Рено?

— Я сказал им, будто он с самого начала знал, что Тима убил Максуэйн. Это была моя единственная ложь. Потом я рассказал, как Рено и шеф провернули ограбление банка, привезли туда Джерри и убили, чтобы приклеить это дело

Шепоту. Я понял, что произошло, когда вы мне рассказали, как Джерри вылез из машины, пошел к банку, и тут его застрелили. Дырка-то у него была в спине. К тому же Магро сказал, что машину с налетчиками видели в последний раз, когда она заворачивала на Кинг-стрит. Значит, они возвращались в тюрьму, чтобы иметь алиби.

— Но ведь это банковский сторож застрелил Джерри. Так было написано в газетах.

— Этот сторож болтает что на ум придет и сам в это верит. Он, вернее всего, разрядил пистолет с закрытыми глазами и решил — кто остался лежать, в того он и попал. Вы видели, как упал Джерри?

— Да, он был лицом к банку, но в этой суматохе я не разобрала, кто в него палил. Кругом все стреляли, и…

— Вот-вот. Об этом они позаботились. Я тоже разрекламировал тот факт — для меня, во всяком случае, это факт, — что Лу Ярда прикончил Рено. Этот Рено крепкий орешек, верно? Нунан сразу затрещал по всем швам, но от Рено они дождались только вопроса: «Ну и что?» Все было очень мило, по-джентльменски. Они разделились поровну — Пит и Шепот против Нунана и Рено. Однако никто из них не мог рассчитывать на поддержку

партнера, и к концу встречи эти парочки тоже раскололись. Нунана просто сбросили со счетов, Рено и Шепот столкнулись носом к носу, а Пит обнаружил, что он против них обоих. Так все и сидели вокруг стола, стараясь вести себя прилично, и следили друг за другом, а я жонглировал смертями и предательствами.

Шепот ушел первым и, видно, пока шеф ехал домой, успел подтянуть нескольких ребят к его дому. Нунана пристрелили. Если Пит Финн не шутил — а он на шутника не похож, — сейчас он начнет охотиться на Шепота. Рено виноват в смерти Джерри столько же, сколько Нунан, значит, Шепот вот-вот примется и за него. Рено это понимает и будет стараться добраться до Шепота первым, значит, Пит пустится и по его следу. Кроме того, у Рено, наверное, будут и другие хлопоты — став новым боссом, он начнет избавляться от тех подручных покойного Лу Ярда, которых он не устраивает. Славная каша заварилась.

Дина Бранд потянулась через стол и похлопала меня по руке. Глаза у нее были неспокойные.

— Вы не виноваты, милый, — проговорила она. — Вы же сами сказали, что иначе было не справиться. Допивайте, и нальем еще.

— Можно было и иначе, — возразил я. — Старик

Илайхью бросил меня на произвол судьбы просто потому, что эти красавцы слишком много про него знали. Он боялся с ними порвать, пока не был уверен, что их сотрут с лица земли. В меня он не верил и оставался на их стороне поля. Но все-таки он не такой головорез, как они. К тому же он считает Отервилл своей личной собственностью, и ему не нравится, что эти ребятки забрали город себе.

Сегодня днем я мог пойти к старику Илайхью и объяснить, что теперь их можно не бояться. Он прислушался бы. Он перешел бы на мою сторону и помог бы мне разыграть все по закону. Можно было так и поступить. Но проще сделать так, чтобы они друг друга поубивали, — это легче и надежнее. Теперь это меня больше устраивает. Не знаю, как я выкручусь в агентстве. Мой Старик кожу с меня живьем сдерет, если узнает, как я вел дело. А все этот проклятый город. Вот уж точно — Отравилл. Он отравил меня.

Послушайте. Я сидел сегодня у Уилсона, разыгрывал свою партию, словно играл в покер, и получал удовольствие. Я смотрел на Нунана и знал: после того, что я с ним сделал, у него не осталось даже одного шанса из тысячи дожить до завтра. И я смеялся про себя, и мне было хорошо

и весело! Это на меня не похоже. То, что у меня еще осталось от души, спрятано под дубленой шкурой. Я двадцать лет вожусь с преступлениями, всякое убийство для меня — каждодневная работа, возможность заработать себе на хлеб. Но наслаждаться, когда готовишь кому-то смерть, — такого со мной не случалось. Вот что такое ваш город.

Она улыбнулась — слишком ласково — и сказала — слишком снисходительно:

— Вы преувеличиваете, миленький. Так им и надо. Зачем вы на меня так смотрите? У меня мурашки по спине забегали.

Я ухмыльнулся, взял стаканы и пошел на кухню за джином. Когда я вернулся, она взглянула на меня тревожными глазами и спросила:

— Для чего это вы притащили ледолом?

— Чтобы показать вам, как у меня работает голова. Несколько дней назад для меня это был просто инструмент, которым крошат лед, — если бы я вообще обратил на него внимание. — Я провел пальцем по круглой стальной пике длиной в добрых пятнадцать сантиметров. — Сейчас я думаю — недурная штучка, чтобы пришпилить человека к его собственному костюму. Даже на простую зажигалку смотрю — и прикидываю, как

ее можно набить нитроглицерином и подсунуть тому, кто мне не нравится. В канаве возле вашего дома валяется медный провод — тонкий, гибкий и по длине годится, чтобы накинуть человеку на шею и затянуть концы. Чертовски трудно было удержаться, чтобы не подобрать его и не сунуть в карман, так, на всякий случай.

— Вы спятили.

— Знаю. Про это я вам и толкую. Я рехнулся на крови.

— Вот это мне как раз и не нравится. Отнесите эту штуку обратно в кухню, садитесь и придите в себя.

Я выполнил два приказа из трех.

— Беда в том, — стала укорять меня Дина, — что у вас нервы ни к черту. Вы слишком переволновались за последние дни. Если так пойдет дальше, вы сорветесь по-настоящему.

Я протянул перед собой руку с растопыренными пальцами. Она почти не дрожала.

Дина взглянула на руку и заметила:

— Ничего не значит. У вас все внутри. Почему бы вам не отдохнуть денек-другой? Теперь дела пойдут сами собой. Поехали бы в Солт-Лейк-Сити. Вам это будет на пользу.

— Не могу, сестренка. Кто-то должен остаться

здесь, чтобы подсчитывать трупы. Кроме того, весь мой план держится на сегодняшней комбинации людей и событий. Если мы уедем, все изменится, и как бы не пришлось начинать все сначала.

— Никто не узнает, что мы уехали, а я вообще тут ни при чем.

— С каких это пор?

Она наклонилась вперед, сощурилась и спросила:

— К чему это вы клоните?

— Ни к чему. Просто удивляюсь, как это из вас вдруг получился посторонний наблюдатель. Забыли, что Дональда Уилсона убили из-за вас? А ведь с этого все и началось. Забыли, что, если бы вы не дали мне материал на Шепота, дело забуксовало бы?

— Вы прекрасно знаете, что я ни в чем не виновата, — возмущенно заявила она. — К тому же это все в прошлом. Вы просто в паршивом настроении и хотите поспорить.

— Вчера вечером, когда вы до смерти перепугались, что Шепот вас убьет, это было не в прошлом.

— Хватит с меня разговоров об убийствах!

— Юный Олбури говорил, что вас грозил убить

Билл Куинт, — сказал я.

— Прекратите.

— У вас, видно, особый дар — будить в своих приятелях наклонности к убийству. Олбури ждет суда за убийство Уилсона. Шепот заставляет вас дрожать по углам. Даже я не избежал вашего влияния — смотрите, во что я превратился. И я всегда в глубине души был уверен, что когда-нибудь до вас доберется Дэн Ролф.

— Дэн! Вы сумасшедший. Да я…

— Погодите. Он, чахоточный, попал в беду, вы его подобрали. Дали ему крышу над головой и опия, сколько душе угодно. Он у вас на побегушках, при мне вы надавали ему пощечин и бьете его при посторонних. Он в вас влюблен. Но однажды утром вы проснетесь и обнаружите, что он свернул вам шею.

Дина вздрогнула, встала и рассмеялась.

— Слава Богу, из нас двоих хоть я понимаю, что за чушь вы порете, — сказала она, унося в кухню пустые стаканы.

Я закуривал сигарету и задумался, почему я так себя чувствую, — может, и в самом деле схожу с ума? Есть ли правда в том, что болтают о предчувствиях, или у меня просто расшатались нервы?

— Если не хотите уезжать, то самое лучшее

для вас — накачаться, — посоветовала девушка, вернувшись с полными стаканами. — Забудете обо всем на пару часов. Я вам налила двойную порцию джина. Вам это нужно.

— Дело не во мне, — сказал я, сам себе удивляясь, но почему-то получая удовольствие от своих слов. — Дело в вас. Каждый раз, когда я произношу слово «убийство», вы впадаете в панику. Настоящая женщина. В городе Бог знает сколько народу не прочь с вами разделаться, а вы думаете, что все обойдется, если только держать язык за зубами. Это глупо. Молчи — не молчи, разве это помешает, например, Шепоту…

— Пожалуйста, прекратите, умоляю! Да, я глупая. Я боюсь слов. Я боюсь его. Я… Ах, почему вы его не убрали, когда я просила?

— Извините, — сказал я вполне серьезно.

— Вы думаете, он…

— Не знаю, — сказал я. — И вы, наверное, правы, не стоит об этом болтать. Вот выпить — это надо, хотя слабоватый у вас джин какой-то.

— Дело в вас, а не в джине. Хотите одну мировую штуку?

— Я бы выпил и нитроглицерин.

— Сейчас будет, — пообещала она.

Дина погремела бутылками на кухне и при-

несла мне полный стакан. Питье в нем на вид не отличалось от джина. Я потянул носом и сказал:

— Опийная настойка Дэна? Он еще в больнице?

— Да. Кажется, у него трещина в черепе. Пейте, дружок, это то, что вам нужно.

Я опрокинул в глотку джин с опием. Внезапно мне стало лучше. Мы продолжали пить и беседовать, и все вокруг постепенно стало радостным, светлым, исполненным мира и братства…

Дина налегала на чистый джин. Я тоже перешел на него ненадолго, а потом выпил еще стаканчик с опием.

Затем я затеял игру — старался держать глаза открытыми, как будто не сплю, хотя уже ничего перед собой не видел. Когда она раскусила этот фокус, я сдался на ее милость.

Последнее, что я запомнил — как она укладывала меня на диван в столовой.

21. СЕМНАДЦАТОЕ УБИЙСТВО

Мне снилось, что я в Балтиморе, сижу на скамейке у фонтана в Гарлем-парке, рядом с женщиной под вуалью. Я пришел сюда вместе с ней и хорошо ее знал, но вдруг забыл, кто она такая. Лица я не мог разглядеть под длинной черной вуалью.

Я подумал, что если заговорить, то она ответит, и я узнаю ее по голосу, но очень смущался и долго не находил что сказать. Наконец, я спросил, знает ли она человека по имени Кэррол Т. Харрис.

Она ответила, но плеск и шум фонтана заглушил ее голос, и я ничего не расслышал.

По Эдмондсон-авеню проехали пожарные машины. Она бросила меня и побежала за ними. На бегу она кричала: «Пожар!» Пожар!» Тут я узнал ее голос и понял, кто она такая, понял, что она — важный для меня человек. Я побежал за ней, но было уже поздно. Она скрылась вместе с пожарными машинами.

Я пустился искать ее по улицам, чуть ли не по всем улицам Соединенных Штатов — Гэй-стрит и Маунт-Ройял-авеню в Балтиморе, Коулфакс-

авеню в Денвере, Этна-роуд и Сент-Клер-авеню в Кливленде, Макинни-авеню в Далласе, Лемартин, и Корнелл, и Эймори-стрит в Бостоне, бульвар Берри в Луисвилле, Лексингтон-авеню в Нью-Йорке — и наконец очутился на Виктория-стрит в Джексонвилле, где снова услышал ее, хотя по-прежнему не видел.

Я прошел еще несколько улиц, прислушиваясь к голосу женщины. Она звала кого-то по имени — не меня, имя было незнакомое, — но, как я ни спешил, приблизиться к голосу мне не удавалось. Он звучал на одинаковом расстоянии от меня и на улице, где стоит здание Федерального банка в Эль-Пасо, и в детройтском парке Гранд Серкус. Потом голос умолк.

Усталый и расстроенный, я вошел отдохнуть в вестибюль привокзальной гостиницы в городе Роки-Маунт, штат Северная Каролина. Пока я сидел там, пришел поезд. Она сошла на перрон, направилась прямо ко мне и стала меня целовать. Мне было очень неудобно, потому что все стояли вокруг, глядели на нас и смеялись.

На этом закончился первый сон.

Затем мне приснилось, что я в чужом городе преследую ненавистного мне человека. В кармане у меня раскрытый нож, которым я собираюсь его

убить. Воскресное утро. Звонят церковные колокола, на улицах полно народу, многие входят и выходят из церквей. Я прошел почти столько же, сколько в первом сне, но все время по одному и тому же незнакомому городу.

Потом человек, за которым я охотился, окликнул меня, и я его увидел. Он был маленький, смуглый, в огромном сомбреро. Он стоял на ступеньках высокого здания, на противоположной стороне большой площади, и смеялся надо мной. Площадь между нами была заполнена людьми, стоящими тесно, плечом к плечу.

Рукой придерживая в кармане раскрытый нож, я побежал к маленькому смуглому человеку, побежал по головам и плечам людей на площади. Головы и плечи были разной высоты, я скользил и проваливался.

Смуглый человечек стоял на ступенях и смеялся, когда я почти добрался до него. Тут он вбежал в высокое здание. Я погнался за ним по винтовой лестнице длиной в несколько километров, и между ним и моей вытянутой рукой все время оставалось около сантиметра. Мы выскочили на крышу. Он подбежал прямо к краю и прыгнул — как раз когда я достал до него рукой.

Его плечо выскользнуло у меня из пальцев. Я

сбил с него сомбреро и ухватил за голову. Это была гладкая, твердая, круглая голова, размером не более крупного яйца. Мои пальцы вцепились в нее. Сжимая голову человечка одной рукой, я старался другой достать из кармана нож — и тут понял, что сорвался с крыши вместе с ним. Мы летели, замирая, навстречу миллионам запрокинутых к нам лиц на площади, летели вниз несколько километров.

Я открыл глаза. Тусклое утреннее солнце пробивалось сквозь задернутые шторы.

Я лежал ничком на полу в столовой, уткнувшись лицом в левую руку. Правая моя рука была вытянута. В ней была зажата круглая сине-белая рукоятка ледолома Дины Бранд. Пятнадцатисантиметровая, острая, как игла, пика ледолома была погружена в грудь Дины Бранд с левой стороны.

Она лежала на спине, мертвая. Ее длинные мускулистые ноги были вытянуты в сторону кухонной двери. На правом чулке виднелась спущенная петля.

Медленно, осторожно, словно боясь ее разбудить, я выпустил ледолом, подтянул к себе руку и встал.

Глаза у меня щипало. Горло и губы горели и были как деревянные. Я пошел в кухню, отыскал

бутылку джина, запрокинул ее над головой и держал так, пока не потребовалось перевести дух. На часах в кухне было семь сорок одна.

Потом я вернулся в столовую, включил свет и посмотрел на мертвую девушку.

Крови было немного: пятно размером с серебряный доллар вокруг дыры, которую ледолом прорвал в ее синем шелковом платье. На правой щеке, прямо под скулой, был синяк. Еще один синяк, от пальцев, виднелся на правом запястье. В руках у нее ничего не было. Я сдвинул ее и убедился, что под ней ничего не лежит.

Я обследовал комнату. Насколько я мог судить, ничего в ней не изменилось. Я вернулся в кухню, не нашел никаких перемен и там.

Пружинный замок на задней двери был защелкнут, непохоже, чтобы с ним кто-то возился. Я прошел к парадной двери — ничего интересного. Обследовал весь дом сверху донизу и ничего не выяснил. Окна были в порядке. Драгоценности Дины, лежавшие на туалетном столе (не считая двух бриллиантовых колец у нее на руках), и четыреста с чем-то долларов у нее в сумочке, которая валялась на стуле в спальне, никто не тронул.

В столовой я встал на колени рядом с мертвой

девушкой и протер платком рукоятку ледолома — на тот случай, если там остались отпечатки моих пальцев. То же самое я проделал со стаканами, бутылками, дверьми, мебелью и выключателями, которые трогал или мог трогать.

Потом вымыл руки, проверил, нет ли на одежде крови, удостоверился, что не забыл ничего из своих вещей, и подошел к парадной двери. Я открыл ее, вытер внутреннюю ручку, закрыл за собой дверь, вытер наружную ручку и ушел.

Из аптеки на Бродвее я позвонил Дику Фоли и попросил его приехать ко мне в гостиницу. Он явился через несколько минут.

— Дина Бранд убита у себя дома сегодня ночью или рано утром, — сообщил я ему. — Заколота ледоломом. Полиция об этом еще не знает. Я тебе достаточно рассказывал про Дину. Ты понимаешь, у скольких людей были причины желать ей смерти. Прежде всего я хочу отыскать троих — Шепота, Дэна Ролфа и Билли Куинта, радикала. У тебя есть их приметы. Ролф в больнице с проломленным черепом. Не знаю в какой. Попробуй для начала справиться в городской. Свяжись с Мики Лайненом — он все еще следит за Питом Финном, — пусть даст Питу передышку и поможет тебе. Выясни, где эти трое были вчера вечером. И

поторапливайся.

Пока я говорил, на лице маленького канадца появилось странное выражение. Потом он открыл рот, но передумал, пробормотал «ладно» и отбыл.

Я пустился на поиски Рено Старки. Через час я обнаружил его при помощи телефона в меблированных комнатах на Ронни-стрит.

— Один? — спросил он, когда я сказал, что хочу его видеть.

— Угу.

Он сказал, чтобы я приходил, и объяснил, как добраться. Я взял такси.

Это был ветхий двухэтажный дом на краю города. На углу напротив, у продовольственной лавки, околачивались двое. Еще одна пара сидела на деревянных ступеньках соседнего дома. Никто из четырех не отличался изысканной внешностью.

Когда я позвонил, открыли двое. Тоже не столь уж кроткого вида.

Меня провели в комнату на втором этаже, где сидел Рено — в жилете и без воротничка. Откинувшись на стуле, он задрал ноги на подоконник.

Рено кивнул своей лошадиной головой и сказал:

— Подтягивай стул.

Люди, которые ввели меня в комнату, ушли, закрыв за собой дверь. Я сел и сказал:

— Мне нужно алиби. Дину Бранд убили вчера вечером, после того как я от нее ушел. Замести меня за это вроде бы не должны, но теперь, когда нету Нунана, я не знаю, какие у меня отношения с полицией. Не хочу давать им никаких шансов что-нибудь на меня навесить. Вообще-то я могу найти алиби на вчерашний вечер, но если ты поможешь, то избавишь меня от хлопот.

Рено взглянул на меня скучными глазами и спросил:

— Почему я?

— Ты вчера мне туда звонил. Ты единственный, кто знает, что я там был в начале вечера. Даже если бы у меня было алиби, все равно пришлось бы с тобой договариваться, верно?

Он спросил:

— Это не ты ее пришил?

— Нет, — сказал я достаточно небрежно.

Он немного помолчал, глядя в окно. Потом спросил:

— С чего ты взял, что я тебе помогу? Я тебе вроде ничего не должен, после того, что ты мне устроил вчера у Уилсона.

— А что я тебе устроил? И без меня все всплывало наружу. Шепот знал достаточно, а о чем не знал, о том догадывался. Я тебя просто вывел на сцену. Какая тебе разница? Ты же можешь за себя постоять.

— Стараюсь, — согласился он. — Ладно. Значит, ты был в гостинице Таннер-хаус в Таннере. Это городишко в тридцати с лишним километрах отсюда, за холмами. Ты поехал туда после встречи у Уилсона и оставался до утра. Отвозил тебя туда и обратно парень по имени Рикер, который околачивается возле бильярдной Марри с наемной тачкой. Что ты там делал, сообрази сам. Оставь свою подпись, ее занесут в книгу постояльцев.

— Спасибо, — сказал я, развинчивая авторучку.

— Спасибо не надо. Я делаю это потому, что мне нужны друзья. Когда придет время опять садиться за стол со мной, Шепотом и Питом, как вчера, я хочу быть уверен, что ты меня не подведешь.

— Идет, — обещал я. — Кто будет шефом полиции?

— Пока исполняет обязанности Магро. Видно, он и останется.

— Кому он станет подыгрывать?

— Финну. Полиции от драки никакой прибыли, так же как делу Финна. А без драки не обойтись.

Хорош я буду, если стану сидеть в углу, пока Шепот вытворяет, что хочет. Или я, или он. Как считаешь, это он прикончил бабу?

— У него были на то причины, — сказал я, отдавая ему листок бумаги со своей подписью. — Она его продавала, и не раз.

— Вы с ней вроде кореша? — спросил он.

Я оставил вопрос без внимания и закурил сигарету. Рено выждал немного и сказал:

— Иди-ка, найди Рикера, пусть он на тебя посмотрит, чтобы знал, как тебя описывать в случае чего.

Дверь открылась, в комнату вошел длинноногий юнец лет двадцати, с беспокойными глазами на худом веснушчатом лице. Рено представил его мне — Моток О'Марра. Я встал, пожал юнцу руку и спросил Рено:

— Как мне с тобой связаться, если понадобится?

— Знаешь Пика Марри?

— Знаю, и с заведением его знаком.

— Все, что ему передашь, попадет ко мне, — сообщил Рено. — Мы отсюда выметаемся. Здесь паршиво. Значит, договорились насчет Таннера.

— Ладно. Спасибо.

Я вышел из дома.

22. ЛЕДОЛОМ

Оказавшись в центре, я пошел сначала в полицию. За столом шефа восседал Магро. Его глаза подозрительно впились в меня из-под светлых ресниц, а морщины на дубленом лице были глубже и мрачнее обычного.

— Когда вы в последний раз видели Дину Бранд? — спросил он без всякой подготовки, даже не кивнув. Казалось что звуки идут у него не изо рта, а со скрежетом продираются через костлявый нос.

— Вчера в десять сорок вечера или около того, сказал я. — А что?

— Где?

— У нее дома.

— Сколько вы там были?

— Минут десять, может быть, пятнадцать.

— Почему?

— Что почему?

— Почему вы не остались дольше?

— А почему, — осведомился я, садясь на стул, которого он мне не предложил, — вы полагаете, что вам можно лезть в мои дела?

Он свирепо поглядел на меня, набрал в легкие воздуху и рявкнул мне в лицо:

— Убийство!

Я засмеялся и сказал:

— Неужели вы думаете, что она замешана в смерти Нунана?

Я хотел закурить, но не рисковал достать сигарету. Слишком хорошо известно, что курево — первая помощь для нервных.

Магро пытался просверлить меня взглядом насквозь. Я не опустил глаз, твердо надеясь, что, как большинство людей, выгляжу правдивее всего, когда вру. В конце концов он отказался от своей попытки и спросил:

— А почему бы и нет?

Это была неуклюжая уловка. Я равнодушно сказал:

— Действительно, почему бы и нет? — Я предложил ему сигарету и закурил сам. Затем добавил: — По-моему, это работа Шепота.

— Он там был? — Наконец-то Магро перехитрил собственный нос, и слова стали отскакивать у него прямо от зубов.

— Где был?

— У Бранд.

— Нет, — сказал я, наморщив лоб. — Как он мог

там быть, если в это время убивал Нунана?

— К черту Нунана! — раздраженно воскликнул исполняющий обязанности. — Зачем вы его все время сюда приплетаете?

Я постарался посмотреть на него так, будто решил, что он свихнулся.

Он объявил:

— Вчера вечером убили Дину Бранд.

Я сказал:

— Да?

— Теперь будете отвечать на вопросы?

— Конечно. Я был у Уилсона с Нунаном и остальными. Ушел оттуда примерно в десять тридцать и забежал к ней, чтобы сказать, что мне нужно ехать в Таннер. Мы еще раньше договаривались повидаться. Я пробыл там минут десять, успел выпить стаканчик. У нее никого не было, разве что прятался кто-нибудь. Когда ее убили? И как?

Магро рассказал, что сегодня утром он послал к Дине двух своих ищеек — Шеппа и Ванамана — узнать, сможет ли и захочет ли она помочь полиции прихватить Шепота за убийство Нунана. Сыщики явились к Бранд в девять тридцать. Парадная дверь была приоткрыта. На звонки никто не отвечал. Они вошли и обнаружили, что девушка лежит в столовой на спине, мертвая, с

колотой раной на левой стороне груди.

Доктор, осмотревший тело, заявил, что ее убили тонким, круглым, острым металлическим оружием длиной около пятнадцати сантиметров примерно в три часа ночи. Шкафы, чуланы, сундуки и прочее были тщательно и умело перерыты. В сумке у девушки, как и вообще в доме, денег не оказалось. Шкатулка из-под драгоценностей на туалетном столике была пуста. На пальцах убитой остались два бриллиантовых кольца.

Орудия, которым ее закололи, полиция не нашла. Специалисты по отпечаткам пальцев не обнаружили ничего. Ни двери, ни окна, по всей видимости, не были взломаны. Осмотр кухни показал, что девушка пила с каким-то гостем или гостями.

— Пятнадцать сантиметров, круглое, тонкое, острое, — повторил я описание оружия. — Похоже на ее ледолом.

Магро потянулся к телефону и велел кому-то прислать Шеппа и Ванамана. Шепп был высокий, с покатыми плечами; его широкий рот создавал впечатление суровой честности, что, возможно, объяснялось испорченными зубами. Второй сыщик был плотный, коренастый, с багровыми прожилками на носу и почти без шеи.

Магро познакомил нас и спросил у них о ледоломе. Они такого предмета не видели и твердо на этом стояли. Подобную вещь они бы не проглядели.

— Был ли он там вчера вечером? — спросил меня Магро.

— Я стоял рядом, когда Дина колола им лед.

Я описал его. Магро велел сыщикам снова осмотреть дом, а потом поискать ледолом в окрестностях.

— Вы ее знали, — заявил он, когда Шепп и Ванаман ушли. — Какое у вас мнение об этой истории?

— Слишком рано мне иметь мнение, — ушел я от ответа. — Дайте мне час-другой, чтобы подумать. А вы сами как считаете?

Он снова впал в уныние и проворчал:

— Откуда мне знать, черт побери?

Но то, что Магро отпустил меня без дальнейших расспросов, говорило яснее слов: он уже решил, что девушку убил Шепот.

Я задумался, вправду ли убийство лежит на совести маленького игрока, или это очередное ложное обвинение, которые так любят возводить на него полицейские шефы Отравилла. Впрочем, это уже не имело значения. Он почти наверняка

убрал Нунана — лично или послав доверенных лиц, а повесить его в любом случае можно не больше одного раза.

Когда я вышел от Магро, в коридоре было полно народу. Некоторые — совсем молодые, почти подростки, некоторые — иностранцы, и у большинства был довольно свирепый вид.

У выхода я повстречался с Доннером, одним из участников экспедиции к «Кедровой Горке».

— Привет, — сказал я. — Это что за банда? Разгоняете тюрьму, чтобы освободить место для новой партии?

— Это наше новое подкрепление, — заявил он. В его голосе не слышалось излишнего доверия к новичкам. — Пополняемся.

— Поздравляю, — сказал я и пошел дальше.

Пика Марри я нашел в его бильярдной. Он сидел за табачным прилавком и беседовал с тремя людьми. Я сел в другом конце комнаты и стал смотреть, как двое парнишек сшибают шары. Через несколько минут долговязый хозяин подошел ко мне.

— Если увидишь на днях Рено, — сказал я ему, — можешь передать, что Пит Финн приводит своих ребят к присяге в качестве подкрепления для полиции.

— Это я могу, — согласился Марри.

Когда я вернулся в гостиницу, в вестибюле сидел Мики Лайнен. Он вошел следом за мной в номер и доложил:

— Твой Дэн Ролф вчера после полуночи удрал из больницы. Эскулапы сильно кипятятся. Они как раз собрались сегодня утром вытаскивать у него из мозгов кусочки костей. Но Ролф исчез вместе с пожитками. Про Шепота пока ничего не знаем. Дик сейчас ищет Билла Куинта. А в чем там дело с этой девушкой, которую зарезали? Дик говорит, что ты узнал об этом раньше, чем полиция.

— Я…

Зазвонил телефон. Мужской, ораторски изысканный голос произнес мое имя с вопросительным знаком в конце.

Я сказал:

— Он самый.

Голос сообщил:

— Говорит мистер Чарлз Проктор Дон. Я думаю, вы не сочтете потраченным впустую свое время, если посетите мою контору в любой удобный для вас, но как можно более ранний час.

— Не сочту? А кто вы такой?

— Мистер Чарлз Проктор Дон, юрист. Мое помещение находится на Грин-стрит, квартал

Ратледж, номер 310. Я думаю, вы не сочтете…

— Вы не могли бы в общих чертах рассказать, в чем дело?

— Существуют дела, которые не подлежат обсуждению по телефону. Я думаю, вы не сочтете…

— Ладно, — снова прервал его я. — Если получится, забегу сегодня днем.

— Это будет весьма, весьма разумно с вашей стороны, — заверил он меня.

Я повесил трубку.

— Ты собирался просветить меня насчет убийства Бранд, — напомнил Мики.

— Нет, не собирался, — ответил я. — Я хотел сказать, что выследить Ролфа будет нетрудно, если он бегает с проломленным черепом и весь в бинтах. Попробуй, а? Начни с Харрикейн-стрит.

Мики изобразил на румяном лице широченную улыбку актера-комика и сказал:

— Только не вздумай объяснять мне, что к чему. Я всего-навсего работаю под твоим началом — и только.

Он взял шляпу и покинул номер, а я растянулся на постели и стал курить сигареты одну за одной. Я размышлял насчет прошлой ночи — в каком я был настроении, как потерял сознание, что мне снилось и как я очнулся. Мысли эти были

достаточно неприятны, так что я обрадовался, когда их прервали.

В дверь поскреблись ногтями. Я открыл.

Передо мной стоял незнакомый человек. Он был молод, худ и щегольски одет. Густые брови и угольно-черные усики выделялись на очень бледном, нервном, однако не робком лице.

— Я Тед Райт, — заявил он, протягивая руку, словно я должен был обрадоваться такому знакомству. — Вы, наверное, слышали обо мне от Шепота.

Я пожал ему руку, впустил, закрыл дверь и спросил:

— Вы друг Шепота?

— Еще бы. — Он вскинул два плотно сжатых пальца. — Мы с ним вот так.

Я ничего не ответил. Он осмотрелся, нервно улыбнулся, подошел к открытой двери в ванную, заглянул туда, вернулся, облизал губы и выложил свое предложение:

— Я его пришибу для вас за полтысячи.

— Шепота?

— Ага, и это почти даром.

— Зачем мне его убивать? — осведомился я.

— Он же кокнул вашу дамочку, верно?

— Вот как?

— Да ну, не дурите.

Что-то шевельнулось у меня в мозгах. Чтобы эта мысль успела раскрутиться как следует, я сказал:

— Садитесь. Это надо обсудить.

— Нечего тут обсуждать, — резко ответил он, не двигаясь с места. — Или вы хотите, чтобы его убрали, или не хотите.

— Тогда не хочу.

Он что-то сказал неразборчивое и повернулся к выходу. Я встал между ним и дверью. Он остановился, глаза у него забегали.

Я спросил:

— Значит, Шепота нет в живых?

Он отступил на шаг и стал заводить руку за спину.

Я ударил его в челюсть, вложив в удар все девяносто пять килограммов своего веса.

Ноги у него переплелись, и он свалился на пол.

Я подтянул его за кисти, дернул к себе и прорычал:

— Выкладывай. Что произошло?

— Я тебе ничего не сделал.

— Еще чего не хватало. Кто добрался до Шепота?

— Ничего я не знаю, и…

Я отпустил одну его руку, дал ему пощечину

наотмашь, снова поймал за руку и, сжимая что есть силы оба запястья, повторил:

— Кто пришил Шепота?

— Дэн Ролф, — прохныкал он. — Он подошел и всадил в него ту же штуковину, которой Шепот прикончил бабу. Это правда.

— Откуда ты знаешь, что Шепот убил девушку этой штукой?

— Дэн так сказал.

— А что ответил Шепот?

— Ничего. Ну и вид у него был, обхохочешься. Стоит, а этот шампур торчит у него из-под ребер. Потом он выхватил пугач и вкатил в Дэна две штуки подряд, и оба свалились и стукнулись головами, а у Дэна башка вся в бинтах и в крови.

— А потом что?

— Потом ничего. Я их перевернул, а они уже готовы. Все правда, как перед Богом.

— Кто там еще был?

— Никого. Шепот прятался, я один был у него в связных. Он убил Нунана своими руками и несколько дней не хотел никого видеть, кроме меня, пока не разберется.

— А ты, умник, решил, что обежишь его врагов и выручишь немного деньжат за предложение его убить — уже мертвого?

— Я же его не убивал. А когда выйдет наружу, что Шепота кокнули, его дружкам сразу придется несладко, — прохныкал Райт. — Я хотел собрать себе на дорогу.

— И сколько собрал?

— Сотню взял с Пита и полторы сотни с Пика Марри — это Рено дал. И оба обещали добавить, когда дело будет сделано. — Хныканье постепенно обрело хвастливый оттенок. — Спорю, что и Магро что-нибудь подкинул бы, и на тебя я надеялся.

— Они, похоже, совсем ошалели, если купились на такую дешевку.

— Ну, не знаю, — заявил он высокомерно. — Не так, это плохо придумано. — Он снова перешел на смиренный тон. — Дай мне шанс, шеф. Не продавай меня. Я тебе сейчас выложу полсотни и поделюсь тем, что возьму с Магро, — если не раззвонишь, пока я не смоюсь.

— Кто еще знает, где Шепот?

— Никто, кроме Дэна, только он уже покойник.

— Где они?

— В старом складе Редмана на Портер-стрит. Вход сзади, там, на втором этаже, у Шепота комната с койкой, печкой и жратвой. Дай мне шанс. Полсотни сейчас и беру в долю на остальное.

Я выпустил его руку и сказал:

— Деньги мне не нужны, но подожду пару часов. Валяй, успеешь.

— Спасибо, шеф. Вот спасибо!

И он заторопился к двери.

Я надел пальто и шляпу, вышел из гостиницы и нашел Грин-стрит, а за ней квартал Ратледж. Под № 310 было деревянное строение далеко не первой свежести. Контора мистера Чарлза Проктора Дона помещалась на втором этаже. Я взобрался по ветхой и скрипучей деревянной лестнице.

Контора занимала две комнаты — обе грязноватые, дурно пахнущие и плохо освещенные. Я подождал в первой, пока клерк, вполне соответствовавший помещению, ходил докладывать обо мне юристу. Через полминуты клерк открыл дверь и поманил меня внутрь.

Мистер Чарлз Проктор Дон оказался маленьким толстяком лет пятидесяти с хвостиком. У него были цепкие и очень светлые глаза треугольной формы, короткий мясистый нос и еще более мясистый рот, алчное выражение которого лишь частично скрывали неопрятные седые усы и неопрятная седая ван-дейковская бородка. Костюм на нем был темный и не то чтобы грязный, а с каким-то налетом.

Он так и не встал из-за стола и в течение всего моего визита не снимал правой руки с ящика стола, выдвинутого на пятнадцать сантиметров.

Сказал он следующее:

— Дорогой мой сэр, я чрезвычайно удовлетворен, что вы сочли за лучшее признать разумность моего совета.

Голос у него был еще более выспренный, чем по телефону.

Я ничего не ответил.

Он покивал головой, словно мое молчание вполне его удовлетворило, и продолжил:

— Могу сказать, по всей справедливости, что следование данным мною советам во всех случаях будет неизменно доказывать правильность избранного вами пути. Говорю это, дорогой мой сэр, без ложной скромности, признавая, с должным смирением и глубоким пониманием истинных и непреходящих ценностей, свою ответственность, как и свои прерогативы в качестве одного из — но зачем скрывать тот факт, что кое-кто не без оснований предпочитает опускать выражение «одного из», — в качестве признанного и почитаемого деятеля юридической профессии в этом процветающем штате.

Он знал еще много таких фразочек, с удоволь-

ствием их на мне испробовал и только после этого перешел к сути:

— Таким образом, линия поведения, которая может показаться не совсем обычной в применении к заурядному юристу, становится — если избравший ее занимает неоспоримо выдающееся положение в своей общине и, осмелюсь сказать, за ее пределами, позволяющее ему стать выше страха и упрека, — становится проявлением той величественной морали, что бросает вызов мелким условностям, когда ей представляется возможность послужить человечеству через одного из своих избранников. И потому, дорогой мой сэр, я без колебаний отбросил с презрением все банальные мерки признанных прецедентов, чтобы призвать вас и сказать вам прямо и откровенно, дорогой мой сэр, что ваши интересы будут защищены всего надежнее посредством обеспечения моих услуг в качестве вашего юридического представителя.

Я спросил:

— Сколько будет стоить?

— Этот вопрос, — промолвил он величественно, — имеет второстепенное значение. Однако упомянутая деталь занимает известное место в наших отношениях, и ею не следует пренебре-

гать. Назовем сразу цифру в тысячу долларов. Впоследствии, без сомнения…

Он встопорщил усы и не договорил.

Я сказал, что у меня, конечно, нет при себе таких денег.

— Естественно, дорогой мой сэр. Естественно. Но это не имеет никакого значения, ни в малейшей степени. Совершенно никакого. Для этого можно выбрать любое время, любое — до десяти часов завтрашнего утра.

— Завтра в десять, — согласился я. — Теперь хотелось бы узнать, зачем мне понадобился юридический представитель.

Он изобразил на лице негодование.

— Дорогой мой сэр, уверяю вас, что это не повод для юмористических упражнений.

Я объяснил, что не шучу и в самом деле озадачен.

Он прочистил горло, нахмурился как можно внушительнее и произнес:

— Вполне возможно, дорогой мой сэр, что вы не полностью осознаете угрозу, нависшую над вами, но немыслимо полагать, будто вы не обладаете ни малейшим представлением о трудностях — юридических трудностях, дорогой мой сэр, — с которыми вам предстоит столкнуться и которые

вытекают из обстоятельств, имевших место в не более отдаленный период, нежели истекшая ночь, да, дорогой мой сэр, истекшая ночь. Однако сейчас нет времени для углубления в этот вопрос. У меня назначено неотложное свидание с судьей Лефнером. Завтра я буду рад более детально заняться каждым тончайшим аспектом ситуации — уверяю, таких аспектов немало, — вместе с вами. Я ожидаю вас завтра в десять утра.

Я обещал появиться и ушел. Вечер я провел у себя в комнате, попивая невкусное виски, думая неприятные думы и ожидая от Мики и Дика докладов, которые так и не поступили. Уснул я в полночь.

23. МИСТЕР ЧАРЛЗ ПРОКТОР ДОН

Когда на следующее утро явился Дик Фоли, я был еще полуодет. Он доложил в своей экономной манере, что Билл Куинт выехал из гостиницы «Шахтерская» накануне в полдень и не оставил адреса.

В двенадцать тридцать пять из Отервилла уходил поезд на Огден. Дик позвонил в филиал нашего агентства в Солт-Лейк-Сити, чтобы они послали в Огден человека с заданием — попытаться найти Куинта.

— Нельзя обрывать ни одной нити, — сказал я. — Хотя, по-моему, Куинт не тот человек, который нам нужен. Дина Бранд давно дала ему отставку. Если он хотел за это поквитаться, то собрался бы задолго до вчерашнего дня. Мне кажется, он услышал о ее смерти и решил удрать — как-никак, брошенный любовник, да еще угрожал ей когда-то.

Дик кивнул и сказал:

— Вчера ночью на дороге стрельба. Налет. Четыре грузовика с выпивкой сожгли.

Это выглядело ответом Рено Старки на изве-

стие, что шайку главного бутлегера привели к присяге в качестве полицейского пополнения.

К тому времени, как я оделся, прибыл Мики Лайнен.

— Дэн Ролф точно был у нее в доме, — доложил он, — Грек-лавочник напротив видел, как он выходил оттуда вчера около девяти утра. Брел по улице, шатаясь и бормоча себе под нос. Грек решил, что он пьян.

— Почему грек не сказал полиции? Или сказал?

— Его не спрашивали. Славные порядки в этом городке. Что будем делать? Найдем его и вручим полиции по всем правилам?

— Магро уже решил, что ее убил Шепот, — сказал я, — и его не волнуют следы, которые ведут в другую сторону. Да и Ролф тут ни при чем, разве что он вернулся за ледоломом. Ее убили в три утра. В восемь тридцать Ролфа там не было, а ледолом еще торчал у нее в груди. Ясно, что…

Дик Фоли встал прямо передо мной и спросил:

— Откуда ты знаешь?

Мне не понравились ни его взгляд, ни его тон. Я ответил:

— Значит, знаю, раз говорю.

Дик ничего не ответил. Мики состроил свою

ухмылку и спросил:

— Теперь чем займемся? Будем прояснять это дело?

— В десять у меня свидание, — сообщил я им. — Околачивайтесь возле гостиницы, пока я не вернусь. Шепот и Ролф, возможно, на том свете, так что искать их не придется.

Я нахмурился и пояснил Дику:

— Мне про это рассказали. Я их не убивал.

Маленький канадец кивнул, не сводя с меня глаз.

Я позавтракал в одиночестве и направился в контору юриста.

Сворачивая с Кинг-стрит, я увидел в машине, едущей по Грин-стрит, веснушчатое лицо Мотока О'Марры. Он сидел рядом с незнакомым мне человеком. Долговязый юнец помахал мне и остановил машину. Я подошел ближе.

Моток сказал:

— Рено хочет тебя видеть.

— Где его найти?

— Прыгай сюда.

— Сейчас не могу, — сказал я. — Наверное, только после двенадцати.

— Свистни Пику, когда сможешь.

Я пообещал свистнуть. О'Марра и его спутник

поехали дальше по Грин-стрит. Я прошел полквартала до Ратледжа.

Занеся ногу на первую ступеньку скрипучей лестницы, ведущей к юристу, я задержался, чтобы рассмотреть некий предмет.

В темном углу первого этажа он был еле виден. Это был ботинок. Он лежал в таком положении, в каком пустые ботинки не лежат. Я снял ногу со ступеньки и пошел к ботинку. Теперь повыше стала видна щиколотка и манжета черной штанины.

Это подготовило меня к тому, что я обнаружил.

В чуланчике между лестницей и стеной я обнаружил мистера Чарлза Проктора Дона, запихнутого между двумя щетками, тряпкой и ведром. Его ван-дейковская бородка была запачкана кровью из раны, рассекавшей лоб. Голова запрокинута назад и вбок под таким углом, который получается только, если шея сломана.

Я процитировал про себя Нунана: «Что поделать — приходится», — и, осторожно отвернув у мертвеца полу пиджака, опустошил его внутренний карман, перенеся оттуда в свой собственный черную записную книжку и пачку бумаг. В двух других карманах я не нашел ничего, что меня заинтересовало бы. До остальных карманов нель-

зя было добраться, не сдвинув трупа, а к такому действию я не был расположен.

Через пять минут я вернулся в гостиницу, прошел через боковую дверь, чтобы не столкнуться в вестибюле с Диком и Мики, и поднялся на лифте со второго этажа.

У себя в комнате я сел и стал изучать добычу.

Сперва я раскрыл книжку — маленькую записную книжку в обложке из искусственной кожи, какие продаются по дешевке в любом писчебумажном магазине. В ней было несколько отрывочных записей, которые для меня ничего не значили, и тридцать с лишним имен и адресов, которые значили не больше, за одним исключением:

«Элен Олбури

Харрикейн-стрит, № 1229 А».

Это было интересно. Во-первых, молодой человек по имени Роберт Олбури сидел в тюрьме, сознавшись, что застрелил Дональда Уилсона в приступе ревности, вызванном предполагавшимся успехом Уилсона у Дины Бранд. Во-вторых, Дина Бранд жила и была убита в доме 1232 по Харрикейн-стрит, напротив дома 1229.

Своего имени я в книжке не нашел.

Я отложил книжку и стал читать бумаги, кото-

рые забрал вместе с ней. Здесь тоже пришлось пролистать множество незначительных записей, прежде чем я добрался до значительного.

Это были четыре письма, перехваченные резинкой.

Они лежали во вскрытых конвертах и, судя по штемпелям, их отправляли с промежутками примерно в неделю. Последнее ушло шесть месяцев назад. Адресованы они были Дине Бранд. Первое, самое раннее, являло собой весьма недурное любовное послание. Второе — уже поглупее. Третье и четвертое служили прекрасными образцами того, в какого идиота может превратиться пылкий и неудачливый ухажер, особенно если он уже в годах.

Все четыре письма были подписаны Илайхью Уилсоном.

Я так и не выяснил, почему мистер Чарлз Проктор Дон полагал, будто может вытянуть из меня шантажом тысячу долларов. Тем не менее это дало мне пищу для размышлений. Я подхлестнул свои мозги, выкурив пару сигарет, потом спустился вниз.

— Сходи, выясни что сможешь про юриста по имени Чарлз Проктор Дон, — велел я Мики. — У него контора на Грин-стрит. Держись оттуда

подальше. Много времени на это не трать. Мне нужны общие сведения, и побыстрее.

Дику я приказал дать мне пять минут форы, а потом ехать за мной следом в район дома № 1229 на Харрикейн-стрит.

Квартира «А» была на верхнем этаже двухэтажного здания, стоявшего почти напротив дома Дины. Дом № 1229 был разделен на две квартиры, каждая с отдельным входом. Я нажал кнопку звонка у нужной мне двери.

Открыла худенькая девушка лет девятнадцати с темными, близко посаженными глазами на желтоватом лице. Ее коротко стриженные каштановые волосы казались влажными.

Из горла у нее вырвался приглушенный, испуганный звук, она попятилась, поднеся обе руки к раскрывшемуся рту.

— Мисс Элен Олбури? — спросил я.

Она яростно мотала головой. Сразу было видно, что это ложь. Глаза у нее были безумные.

Я сказал:

— Мне хотелось бы поговорить с вами несколько минут, — вошел и закрыл за собой дверь.

Она ничего не ответила и стала подниматься передо мной по лестнице, испуганно оглядываясь.

Мы вошли в скудно обставленную гостиную. Из ее окна был виден дом Дины.

Девушка застыла посреди комнаты, не отнимая рук ото рта.

Я потратил много времени и слов, пытаясь убедить ее в своей безобидности. Это ни к чему не привело. Все, что я говорил, казалось, только усиливало ее панический ужас. Ситуация была чертовски глупой. Я перестал лезть из кожи вон и сменил тему.

— Вы сестра Роберта Олбури? — спросил я.

Никакой реакции — ничего, кроме дикого, бессмысленного страха. Я сказал:

— Когда его арестовали за убийство Дональда Уилсона, вы сняли эту квартиру и стали следить за Диной. Зачем вы это сделали?

Ни слова в ответ. Мне пришлось дать собственное объяснение:

— Из мести. Вы обвиняли Дину Бранд в несчастье вашего брата. Вы ждали своего шанса. Он подвернулся позавчера ночью. Вы пробрались к ней в дом, увидели, что она пьяна, и убили ее ледоломом, который нашли на кухне.

Она ничего не сказала. Мне никак не удавалось стереть с ее испуганного лица потустороннее выражение. Я продолжил:

— Вам помогал Дон, он все для вас устроил. Взамен ему были нужны письма Илайхью Уилсона. Кто был тот человек, которого он послал за письмами? Настоящий убийца? Кто он?

И это ничего мне не дало. Никаких перемен в выражении лица, вернее, в отсутствии выражения. Ни слова. Мне захотелось ее как следует отшлепать. Я сказал:

— Я дал вам возможность рассказать правду. Теперь хочу послушать вашу версию. Впрочем, как вам будет угодно.

Ей было угодно продолжать молчать. Я сдался. Я боялся ее — боялся, что, если я нажму посильнее, она выкинет что-нибудь почище молчания. Я вышел из квартиры без всякой уверенности, что она поняла хоть слово из моих речей.

На углу я сказал Дику Фоли:

— Там в доме девушка, Элен Олбури. Девятнадцать лет, рост сто шестьдесят, тощая, вес не больше пятидесяти килограммов, да и то вряд ли наберется. Глаза близко посаженные, карие, кожа желтая, волосы каштановые, короткие, прямые, одета в серый костюм. Последи за ней. Если попробует удрать, тащи ее в полицию. Осторожней — она психованная, как дикая кошка.

Я отправился в заведение Пика Марри, надеясь

разыскать Рено и узнать, что ему надо. Не доходя полуквартала до места назначения, я зашел в подъезд какой-то конторы, чтобы оценить ситуацию.

Перед бильярдной Марри стоял полицейский фургон. Из дверей выводили, вытаскивали и выносили людей. Те, кто выводил, вытаскивал и выносил, были не похожи на обычных фараонов. Я решил, что это команда Пита Финна, из которой сделали специальное подразделение. Видно, Пит с помощью Магро начал проводить в жизнь свою угрозу — он ведь обещал Шепоту и Рено, что, если они хотят войны, они ее получат.

Пока я смотрел, подъехала карета «скорой помощи», загрузилась и отбыла. Я был слишком далеко, чтобы различить, чьи там мелькали лица и тела. Когда суматоха приутихла, я кружным путем вернулся в гостиницу.

Там меня ждал Мики Лайнен с информацией насчет мистера Чарлза Проктора Дона.

— Он из тех ребят, про которых ходит анекдот: «Чем занимается этот адвокат? — Уголовщиной». Кто-то из семьи Олбури, которого ты засадил, нанял эту птицу, Дона, защищать Роберта. Когда Дон явился к Олбури, тот не захотел иметь с ним дела. Этот жулик с тремя именами сам в прошлом

едва не загремел куда надо. Его обвиняли в шантаже какого-то священника по имени Хилл, но Дон вывернулся. Имеет кое-какую собственность на Либерти-стрит, уж не знаю, где это. Копать дальше?

— Нет, хватит. Подождем новостей от Дика.

Мики зевнул, сказал, что его это устраивает, устал он бегать, кровообращение у него и так в порядке. Потом спросил, известно ли мне, что мы приобретаем широкую славу.

Я пожелал узнать, что это значит.

— Сейчас наткнулся на Томми Робинса, — сообщил он. — Его прислали из «Консолидейтед Пресс» освещать события. Говорит, что и другие пресс-агентства и две газеты посылают сюда специальных корреспондентов, чтобы рекламировать нашу деятельность.

Я только начал произносить свою любимую обвинительную речь — что газеты годятся лишь на то, чтобы вносить путаницу, которую уже никому не распутать, — как услышал голос посыльного, выкликающего мое имя. За десять центов юноша поведал, что меня просят к телефону.

Звонил Дик Фоли.

— Вылезла на улицу. К дому 310 на Грин-стрит. Полно фараонов. Убили законника, фамилия Дон.

Полиция ее забрала.

— Где она?

— У шефа, в муниципалитете.

— Гуляй там поблизости и, если что-нибудь узнаешь, сразу сообщи.

Я вернулся к Мики Лайнену, дал ему ключи от своего номера и новые указания:

— Засядешь в моей комнате. Будешь сообщать мне все новости. Я в гостинице «Шаннон» за углом, под фамилией Дж. У. Кларк. Скажи Дику, но больше никому.

Мики осведомился:

— Какого черта?

И, не получив ответа, отправился загружать в лифт свою разболтанную в суставах фигуру.

24. РАЗЫСКИВАЕТСЯ...

Я пошел в гостиницу «Шаннон», зарегистрировался под вымышленным именем, заплатил за день и был препровожден в номер 321.

Прошел час, прежде чем зазвонил телефон.

Дик Фоли сказал, что поднимается ко мне.

Он явился через пять минут. В его худом озабоченном лице я не обнаружил дружелюбия. В голосе тоже. Дик сказал:

— Выписан ордер на твой арест. Убийство. Двоих — Бранд и Дона. Я звонил, Мики сказал, что дежурит. Объяснил, что ты здесь. Мики забрали в полицию. Сейчас его там поджаривают.

— Этого я и ожидал.

— Я тоже, — резко сказал он.

Я произнес, заставляя себя говорить спокойно:

— Думаешь, это я их убил, Дик?

— Если нет, так и скажи.

— Выдашь меня? — полюбопытствовал я.

Он сжал губы в нитку. Загар у него на лице пожелтел.

Я сказал:

— Возвращайся в Сан-Франциско, Дик. У меня

слишком много забот, чтобы остерегаться еще и тебя.

Он очень аккуратно надел шляпу и, выходя, очень аккуратно прикрыл за собой дверь.

В четыре часа я поел, покурил и почитал «Ивнинг Геральд», который мне принесли в номер.

Первую страницу «Геральда» поделили между собой убийство Дины Бранд и недавнее убийство Чарлза Проктора Дона, а связующим звеном между ними была Элен Олбури.

Я прочитал, что Элен Олбури — сестра Роберта Олбури. Несмотря на его признание, она была твердо убеждена, что брат невиновен и стал жертвой заговора. Она наняла Чарлза Проктора Дона для защиты. (Можно было догадаться, что не она отыскала покойного Чарлза Проктора, а он ее). Брат отказался от Проктора и вообще от адвоката, но девушка (которую, несомненно, науськивал Дон) не прекратила борьбы.

Элен Олбури нашла пустую квартиру напротив дома Дины Бранд, сняла ее и обосновалась там, вооружившись биноклем и навязчивой идеей — доказать, что Дина и ее сообщники виновны в убийстве Дональда Уилсона.

Я, по-видимому, был одним из сообщников. «Геральд» назвала меня «человеком, выдающим

себя за частного детектива из Сан-Франциско, который явно находился в тесных отношениях с Максом («Шепотом») Талером, Дэниелом Ролфом, Оливером («Рено») Старки и Диной Бранд». Мы и были теми заговорщиками, которые подстроили арест Роберта Олбури.

В ночь, когда Дину убили, Элен Олбури, подсматривая из окна, увидела нечто, по словам репортера, чрезвычайно важное. Едва девушка услыхала об убийстве, она передала свои важные наблюдения Чарлзу Проктору Дону. Как узнала полиция от его сотрудников, он немедленно послал за мной и имел со мной разговор за закрытыми дверьми, после чего уведомил сотрудников, что я должен вернуться на следующее утро к десяти часам. Сегодня утром я на назначенную встречу не явился. В десять двадцать пять дворник квартала Ратледж обнаружил труп Чарлза Проктора Дона в углу под лестницей. Есть основания полагать, что из карманов покойного были изъяты ценные бумаги.

В тот самый момент, когда дворник обнаружил мертвого адвоката, я, как выяснилось, ворвался силой в квартиру Элен Олбури и угрожал ей. Как только ей удалось меня вышвырнуть, она поспешила в контору Дона, застала там полицию

и рассказала им свою историю.

Полицейские, посланные в гостиницу, меня не обнаружили, но в моей комнате застали некоего Майкла Лайнена, который также назвался частным детективом из Сан-Франциско. Упомянутого Майкла продолжают допрашивать в участке. Шепота, Рено, Ролфа и меня полиция разыскивает по обвинению в убийстве. Главные события впереди.

На странице номера два было интересное сообщение на полстолбца. Детективы Шепп и Ванаман, обнаружившие тело Дины Бранд, загадочным образом исчезли. Власти опасались, что за этим скрывается коварная рука «сообщников».

Про вчерашний налет на грузовик со спиртным и про облаву в бильярдной Пика Марри газета не сообщала ни слова.

Я вышел, когда стемнело. Мне хотелось пообщаться с Рено.

Из аптеки я позвонил в заведение Пика Марри.

— Пика можно? — спросил я.

— Пик слушает, — ответил голос, не имевший ни малейшего сходства с голосом Пика. — Кто говорит?

— Лилиан Гиш[3], — сказал я с омерзением, повесил трубку и удалился из этого района.

Отказавшись от мысли найти Рено, я решил навестить своего клиента, старика Илайхью. С помощью любовных писем, которые он написал Дине Бранд, а я позаимствовал у покойника Дона, я надеялся добиться от него хотя бы приличного поведения.

Я шел по самым темным улицам, держась в тени. Для человека, который презирает физические упражнения, это была чертовски длинная прогулка. Когда я добрался до квартала, где жил Уилсон, я уже пребывал в достаточно паршивом настроении, следовательно, в обычной форме для наших с ним бесед. Однако это свидание пришлось отложить.

Всего два дома отделяли меня от цели, когда из темноты кто-то зашипел.

Я подпрыгнул если и не на шесть метров, то немногим ниже.

— Все в порядке, — прошептал чей-то голос.

Было очень темно. Высунувшись из-под своего куста — я уже стоял на четвереньках в чьем-то дворике, — я различил фигуру, скорчившуюся у

---

[3] Примечания: 3

Лилиан Гиш — популярная американская актриса, в кино снималась с 1912 года.

живой изгороди. Револьвер был уже у меня в руке. Особых причин не верить человеку на слово, что все в порядке, я не имел. Поэтому я поднялся с четвереньек и пошел к нему. Подойдя поближе, я узнал одного из тех, кто впускал меня вчера в дом на Ронни-стрит.

Я присел рядом на корточки и спросил:

— Где найти Рено? Моток О'Марра сказал, что Старки хочет меня видеть.

— Верно, хочет. Знаешь, где забегаловка Малыша Маклауда?

— Нет.

— На Мартин-стрит, повыше Кинг-стрит. Спросишь там самого Малыша. Иди обратно три квартала, потом свернешь. Да ты увидишь.

Я сказал, что постараюсь, и оставил его дежурить в скрюченном виде у дома моего клиента. Он явно дожидался того момента, когда можно будет пульнуть в Пита Финна, Шепота или других недругов Рено, если им случится навестить старика Илайхью.

Довольно быстро я нашел лавку с прохладительными напитками, всю размалеванную красной и желтой краской. Там я спросил Малыша Маклауда. Меня повели в заднюю комнату, где толстяк в грязном воротничке, с множеством

золотых зубов, но всего с одним ухом, признал, что он и есть Маклауд.

— За мной послали от Рено, — сказал я. — Где его найти?

— А вы кто такой будете? — спросил он.

Я сказал, кто я такой. Маклауд вышел, не говоря ни слова. Через десять минут он вернулся в сопровождении парнишки лет пятнадцати с отсутствующим выражением на красном прыщавом лице.

— Пойдете с Сынком, — сказал мне Малыш Маклауд.

Я пошел за парнем в боковую дверь, потом по переулку, через песчаный пустырь, сквозь облезлые ворота — к задней двери щитового домика.

Мальчишка постучал. Его спросили, кто там.

— Сынок, с парнем от Малыша, — ответствовал он.

Дверь открыл долговязый О'Марра. Сынок удалился. Я прошел в кухню, где Рено Старки и еще четверо сидели вокруг стола, на котором было очень много пива. Я заметил, что над дверью вбиты два гвоздя, на каждом висело по автоматическому пистолету. Это на случай, если кто-то из обитателей дома, открыв дверь, обнаружил бы перед собой врага с револьвером и получил бы

приказ поднять руки.

Рено налил мне стакан пива и повел меня в комнату, выходившую на улицу. Какой-то человек, лежа на животе, приник глазом к щели между опущенной шторой и подоконником и наблюдал окрестности.

— Иди выпей пива, — велел ему Рено.

Тот встал и удалился. Мы расположились на стульях.

— Когда я устроил тебе это алиби в Таннере, — произнес Рено, — я сказал: делаю это потому, что мне нужны друзья.

— Я тебе друг.

— Пригодилось алиби? — спросил он.

— Пока нет.

— Ты с ним продержишься, — успокоил он меня, — если на тебя не слишком много собак навешано. Всерьез они тебе клеят дело?

Я считал, что всерьез, но сказал:

— Нет. Магро просто развлекается. Все уладится само собой. У тебя-то что слышно?

Он допил стакан и вытер губы тыльной стороной руки.

— Как-нибудь справлюсь. Однако твоя помощь не помешает. Расклад такой: Пит спелся с Магро, значит, теперь фараоны и пивная банда идут

вместе против меня и Шепота. Но мы с Шепотом больше стараемся сунуть перо друг дружке, чем поломать ихнюю шайку. Кислое дело, будь оно проклято. Пока мы собачимся, эти гады нас сожрут.

Я сказал, что полностью с ним согласен. Рено продолжил:

— Тебя Шепот послушает. Найди его, ладно? Он точит на меня зуб за то, что пристукнули Джерри Хупера, а я не прочь добраться до него первым. Мое предложение такое: забудем все это на пару дней. Особо большого доверия тут не надо. Шепот никогда сам не ходит на дело, ребят посылает. Я тоже так поступлю. Соединим свои команды и провернем работенку. Уберем этого проклятого Финна, тогда у нас останется больше времени, чтобы палить друг в дружку. Выложи ему это по-тихому. Пусть только не думает, что я перед ним сдрейфил. Ты передай ему обязательно, как я тебе сказал: когда не будет Пита, очистится место, где мы сами можем сшибиться. Пит засел в Вискитауне. У меня не хватает народу поехать туда и выкурить его. У Шепота тоже. А вместе у нас хватит. Так ему и скажи.

— Шепот умер, — сообщил я.

— Да? — переспросил Рено, как будто не очень

мне поверил.

— Вчера утром Дэн Ролф убил его в старом складе Редмана. Заколол тем самым ледоломом, которым Шепот прикончил девушку.

Рено спросил:

— Точно знаешь? Или трепешься?

— Точно знаю.

— Непохоже. Его ребята ведут себя, как будто он на месте, — сказал он, уже начиная мне верить.

— Они сами не знают. Он прятался, при нем был только Тед Райт. Вот Тед знал. И подзаработал на этом. Сказал, что и от тебя получил сотню или полторы, через Пика Марри.

— Я бы этому обалдую вдвое больше дал, если бы он всю правду выложил, — проворчал Рено. Потом потер подбородок и сказал: — Ну, значит, про Шепота и говорить нечего.

— Почему? — спросил я.

— То есть как — почему?

— Если его ребята не знают, где он, надо им подсказать. Когда Нунан его загреб, они же его выручили. А если пустить слух, что Магро втихую опять его засадил? Может, они снова придут на подмогу?

— Говори дальше, — сказал Рено.

— Если его дружки поверят, что он за решет-

кой, и устроят налет на тюрьму, то у полиции, в том числе и у ребят Пита, будет чем заняться. А пока они будут этим заниматься, ты попробуешь удачи в Вискитауне.

— Это можно, — медленно протянул он. — Надо подумать.

— Дело верное, — ободрил я его и встал. — Ну, до встречи…

— Оставайся здесь. Чем тебе здесь плохо? Там на тебя легавых напустили. А нам такой крепкий парень будет не лишний.

Это мне не особенно понравилось, однако у меня хватило ума промолчать. Я снова сел.

Рено занялся распространением слуха. Его ребята не слезали с телефона. Кухонная дверь то и дело открывалась, впуская и выпуская народ. Впускала она больше, чем выпускала. Дом наполнился людьми, дымом, тревогой.

25. ВИСКИТАУН

В половине второго Рено оторвался от телефонной трубки и сказал:

— Ну, поехали, прокатимся.

Он пошел наверх и спустился с черным чемоданчиком. К тому времени почти все уже ушли через кухонную дверь.

Рено передал мне чемоданчик со словами:

— Не слишком размахивай.

Чемоданчик оказался тяжелым.

Мы вышли всемером через парадную дверь и влезли в зашторенный автомобиль, который О'Марра подогнал к дому. Рено сел рядом с О'Маррой, я втиснулся на заднее сиденье и зажал чемоданчик между колен.

Из первого же переулка вывернула еще одна машина и пошла впереди нас. Другая двигалась следом. Скорость мы держали около шестидесяти километров — достаточно, чтобы привезти нас куда требуется, недостаточно, чтобы на нас обращали внимание.

Путешествие уже подходило к концу, когда нас потревожили.

На южной окраине города, застроенной одноэтажными домами-развалюхами, из двери высунулся человек, сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

Кто-то из задней машины сшиб его выстрелом.

На следующем углу мы проскочили сквозь град пистолетных пуль.

Рено обернулся и предупредил меня:

— Попадут в твой багаж — все улетим на Луну. Открывай. На месте придется работать быстро.

Когда мы затормозили перед трехэтажным зданием из темного кирпича, я уже откинул крышку.

На меня полезли со всех сторон, расхватывая содержимое чемоданчика — там в опилках лежали бомбы, сделанные из обрезков пятисантиметровых труб. Пули раскалывали шторки на окнах машины.

Рено перегнулся назад, за бомбой, выпрыгнул на тротуар, не обращая никакого внимания на струйку крови, которая внезапно появилась у него на левой щеке, и метнул свой кусок трубы с начинкой в дверь кирпичного здания.

Полыхнуло пламя, раздался оглушительный грохот. Дождем посыпались обломки. Взрывная волна едва не сбила нас с ног. Дверь куда-то ис-

чезла.

Кто-то бросился вперед, размахнулся, швырнул адскую трубку в дверной проем. С окон нижнего этажа сорвало ставни, внутри взвился фонтан стекла и огня.

Машина, которая пришла третьей, прикрывала нас, обмениваясь выстрелами с округой. Та, что шла впереди нас, свернула в переулок. В промежутках между взрывами из-за дома доносились пистолетные выстрелы — это головная машина заняла огневой рубеж у задней двери.

О'Марра выбежал на середину улицы, сильно размахнулся и забросил бомбу на крышу кирпичного здания. Она не взорвалась. О'Марра высоко вскинул ногу, схватился за горло и тяжело повалился на спину.

Под пулями, которые посыпались из соседнего деревянного дома, упал еще кто-то из нашей команды.

Рено смачно выругался и сказал:

— Выкури их оттуда, Брюхо.

Брюхо поплевал на бомбу, забежал за нашу машину и размахнулся.

Мы повскакали с тротуара, увертываясь от летящих предметов, и увидели, что с деревянным домиком покончено. По его разломанным бокам

поползло пламя.

— Есть там еще? — спросил Рено. Мы озирались, наслаждаясь новизной положения: в нас перестали стрелять.

— Последняя, — ответил Брюхо, протягивая бомбу.

В верхних окнах кирпичного дома плясал огонь. Рено взглянул туда, взял у Брюха бомбу и приказал:

— Осади назад. Сейчас будут выходить.

Мы отодвинулись.

Внутри кто-то крикнул:

— Рено!

Рено скользнул в тень нашей машины и только тогда ответил:

— Ну?

— Мы сдаемся, — прокричал грубый голос. — Выходим. Не стреляйте.

Рено спросил:

— Кто это «мы»?

— Это Пит, — сообщил грубый голос. — Нас осталось четверо.

— Иди первым, — приказал Рено, — и клешни на голову. Остальные — за тобой, по одному, с промежутками в полминуты. Пошли.

Мы прождали секунд пять, и в растерзанном

дверном проеме появился Пит Финн. Руками он держался за лысину. В отблесках пламени от соседнего пожара было видно, что лицо у него в порезах, одежда разодрана в клочья.

Перешагивая через обломки, бутлегер медленно спускался по ступеням.

Рено обозвал его рыбоедом паршивым и четыре раза выстрелил ему в лицо и в грудь.

Пит упал. Позади меня кто-то рассмеялся.

Рено швырнул в проем последнюю бомбу.

Мы влезли в машину, Рено сел за руль. Мотор молчал. До него добрались пули.

Рено вовсю заработал клаксоном, а мы вылезли обратно.

В нашу сторону двинулась машина, стоявшая на углу. В ожидании я бросил взгляд вдоль улицы, освещенной двумя пожарами. В окнах кое-где виднелись лица, но прохожие, если они и были, попрятались. Недалеко послышались пожарные колокола.

Машина замедлила ход, чтобы взять нас на борт. Она уже была набита битком. Пришлось укладываться штабелями. Кто не поместился, повис на подножках.

Мы переехали, подскочив, ноги мертвого Мотока О'Марры и легли на обратный курс. Один

квартал проехали в тишине, хотя и без удобств. В дальнейшем мы уже не имели ни того, ни другого.

Из-за угла вынырнул лимузин, промчался полквартала нам навстречу, развернулся боком и остановился. Оттуда началась стрельба.

Вторая машина объехала лимузин и атаковала нас. Из нее тоже стреляли.

Мы старались как могли, но теснота в нашей машине не давала драться по-настоящему. Нельзя прицелиться как следует, если на коленях у тебя сидит человек, на плече висит другой, а третий стреляет на расстоянии двух сантиметров от твоего уха.

Наша третья машина — та, что была в тылу за кирпичным домом, — подтянулась и стала нам помогать. Но тут к противнику присоединились еще два автомобиля. Видимо, налет талеровских ребят на тюрьму так или иначе закончился, и армия Пита подоспела оттуда, чтобы не дать нам уйти. Славная заварилась каша.

Я перегнулся через чей-то раскаленный пистолет и заорал в ухо Рено:

— Так не пойдет. Пусть лишние вылезут, будем отбиваться с улицы.

Он одобрил эту идею и распорядился:

— Выкатывайтесь по одному, ребята, доставайте их с мостовой.

Первым выкатился я, не сводя глаз с темного проулка напротив.

Туда же вслед за мной прибежал Брюхо. Я проворчал из своего укрытия:

— Не садись мне на голову. Найди себе какую-нибудь дыру. Вон там подходящий подвал.

Брюхо покорно затрусил туда, и на третьем шагу его подстрелили.

Я осмотрел свое убежище. Закоулок был всего в шесть метров длиной, он упирался в высокий забор с запертыми воротами.

Встав на мусорный ящик, я перемахнул через ворота и оказался во дворе, мощенном кирпичом. Из этого двора я перелез в другой, потом в третий, где на меня с визгом кинулся фокстерьер. Я лягнул его, вскарабкался на очередной забор, выпутался из бельевой веревки, пересек еще два двора — в одном на меня завопили из окна и запустили бутылкой — и спрыгнул на булыжник в тихом переулке.

Стрельба осталась позади, но не так уж далеко. Последнее я постарался поскорее исправить. Должно быть, я прошагал столько улиц, сколько во сне той ночью, когда убили Дину.

У подъезда Илайхью Уилсона я взглянул на свои часы. Они показывали три тридцать утра.

26. ШАНТАЖ

Мне пришлось долго тыкать пальцем в звонок своего клиента, чтобы добиться толку.

Наконец дверь открыл рослый загорелый шофер. Он был в брюках и майке. В кулаке он сжимал бильярдный кий.

— Чего надо? — осведомился он. Потом осмотрел меня и сказал: — А, это вы. В чем дело?

— Мне надо видеть мистера Уилсона.

— В четыре утра? Бросьте. — И он стал закрывать дверь.

Я вставил в щель ногу. Он перевел взгляд с ноги на мое лицо, взвесил в руке бильярдный кий и спросил:

— Что, трещину в колене захотел?

— Я не шучу, — настаивал я. — Мне надо видеть старика. Скажите ему.

— Нечего мне ему говорить. Сегодня днем он велел мне вас не пускать, если придете.

— Вот как? — Я вынул из кармана четыре любовных письма, выбрал первое, наименее дурацкое, протянул его шоферу и попросил: — Передайте ему это и скажите, что я сижу на ступеньках и

остальные письма у меня в кармане. Скажите, что я просижу здесь еще пять минут, а потом отнесу их Томми Робинсу из «Консолидейтед Пресс».

Шофер хмуро покосился на письмо.

— К черту Томми Робинса и всех его родственников! — рявкнул он, взял конверт и закрыл дверь.

Через четыре минуты он появился вновь и позвал:

— Эй, сюда.

Я пошел за ним наверх, в спальню старика Илайхью.

Мой клиент сидел в постели, зажав в одном круглом розовом кулаке свое любовное, письмо, а в другом конверт. Его короткие седые волосы топорщились, круглые глаза налились кровью. Параллельные линии рта и подбородка почти сходились. Он был в славном настроении.

Едва увидев меня, старик завопил:

— Значит, болтать про свою храбрость вы горазды, а как надо шкуру спасать, так бежите к старому пирату?

Я сказал, что ничего подобного. Я сказал, что если он собирается нести чушь, то пусть делает это потише, чтобы в Лос-Анджелесе не узнали, какой он болван.

Старикан взял еще на полтона выше и завыл:

— Если вы украли чужие письма, это еще…

Я заткнул уши. Меня это не спасло от шума, но его оскорбило, и завывания оборвались.

Я вынул пальцы из ушей и сказал:

— Отошлите холуя и поговорим. Я вам ничего не сделаю.

Он повернулся к шоферу и приказал:

— Выметайся.

Шофер оглядел меня без особой нежности, покинул нас и закрыл дверь.

Старик Илайхью разошелся на полную катушку. Он требовал, чтобы я немедленно вернул остальные письма, громко и нецензурно осведомлялся, где я их взял и что с ними сделал, а также угрожал мне разнообразными карами.

Письма я не отдал. А на вопрос, где я их взял, ответил:

— Взял у одного человека, которого вы наняли, чтобы их вернуть. Не повезло вам — для этого ему пришлось убить девушку.

От лица старика отхлынуло столько крови, что оно стало нормального розового цвета. Он пожевал губами, ввинтился в меня взглядом и сказал:

— Значит, вот как вы повели игру?

Голос у него стал более или менее спокойным.

Он приготовился к битве.

Я подвинул к постели стул, сел, вложил в ухмылку столько дружелюбия, сколько смог, и спросил:

— А почему бы так не сыграть?

Старик молча глядел на меня, двигая губами. Я продолжал:

— Хуже вас клиентов не бывает. Как вы себя ведете? Нанимаете меня очистить город, меняете решение, бросаете меня вовсе. Работаете против меня до тех пор, пока не выясняется, что я имею шанс победить. Затем выжидаете, сидя на заборе, а теперь, когда вам кажется, что меня опять побили, даже не хотите пускать в дом. Повезло мне, что я наткнулся на эти письма.

Он сказал:

— Это шантаж.

Я рассмеялся и ответил:

— Не вам это говорить. Ладно, можете называть как хотите. — Я постучал указательным пальцем по краю кровати. — Меня не побили, старина. Я победил. Вы прибежали ко мне жаловаться, что нехорошие дяденьки отняли у вас ваш городок. Пит Финн, Лу Ярд, Шепот Талер, Нунан. Где они теперь?

Ярда не стало во вторник утром, Нунана в тот

же вечер, Шепота в среду утром, а Финна совсем недавно. Я возвращаю вам город, хотите вы того или нет. Можете называть это шантажом. А теперь вы сделаете вот что. Вы возьмете своего мэра — должен же быть мэр в этой паршивой дыре? — и вместе с ним позвоните губернатору… Тихо, я еще не закончил! Вы скажете губернатору, что полиция у вас в городе отбилась от рук — бутлегеров приводят к присяге в качестве полицейских, и так далее. Вы попросите у него помощи — лучше всего национальную гвардию. Не знаю, сколько уж осталось здесь бандитов, но знаю, что главных — тех, кого вы боялись, — нет на свете. Тех, которые знали про вас такое, что вы не могли против них выступить. Уже сейчас целая куча энергичных молодых людей только и делает что хлопочет, чтобы сесть на место убитых. Чем больше у них хлопот, тем лучше. Пока все тут вверх дном, солдатам в белых воротничках легче будет здесь закрепиться. А из новичков никто не знает про вас такого, что могло бы вам повредить.

Вы добьетесь, чтобы мэр или губернатор — от кого там это зависит — разогнал всю отервилльскую полицию. Пока не наберете другую, порядок будут поддерживать войска, вызванные по по-

чте.

Говорят, что и мэр, и губернатор — ваша собственность. Они сделают то, что вы им велите. А сделать это можно и нужно.

Так вам поднесут на тарелочке ваш город, чистенький, славный, готовый снова пойти ко всем чертям. Если вы этого не сделаете, я отдам ваши любовные письма газетным стервятникам, и не в какой-нибудь «Геральд», а в крупные пресс-агентства. Письма я взял у Дона. Вам придется попрыгать, пока вы докажете, что он не был у вас на службе и не убил девушку ради этих писем. Но удовольствие, которое вы получите, ничто в сравнении с тем удовольствием, которое получат читатели. Эти послания — забористые штучки. Ни над чем я так не смеялся с тех пор, как помер младший братишка.

Я прервал свою речь.

Старика трясло, но не от страха. Лицо у него опять побагровело. Он открыл рот и проревел:

— Публикуйте их и будьте прокляты!

Я вынул письма из кармана, уронил на постель, встал со стула, надел шляпу и сказал:

— Я отдал бы правую ногу, лишь бы доказать, что девушку убил человек, которого вы послали за письмами. Желал бы я, черт побери, чтобы для

вас все это закончилось виселицей.

Старик не прикоснулся к письмам. Он спросил:

— Вы правду сказали про Талера и Пита?

— Правду. Но какая разница? Вам сядет на голову кто-нибудь другой.

Он отбросил одеяло и свесил вниз розовые ступни, торчащие из штанин пижамы.

— Хватит у вас духу, — рявкнул он, — пойти на работу, которую я вам уже предлагал, — стать шефом полиции?

— Нет. Из меня весь дух вышибло, пока я дрался за вас, а вы прятались под одеялом и придумывали, как бы от меня отречься. Ищите себе другую няньку.

Он сверкнул на меня глазами. Потом вокруг глаз у него собрались хитрые морщинки.

Он кивнул своей старой головой и сказал:

— Ага, боитесь браться за эту работу. Значит, это вы убили девушку?

Я ушел от него так же, как в прошлый раз, со словами:

— Пошли вы к черту!

Шофер, по-прежнему таскавший с собой бильярдный кий и по-прежнему взиравший на меня без нежности, проводил меня до двери, явно надеясь, что я начну задираться. Я не стал. Он со

стуком захлопнул за мной дверь.

Улица была бледно-серая — занимался рассвет.

Неподалеку под деревьями стояла черная машина. Я не видел, сидит в ней кто-нибудь или нет, и из осторожности пошел в другую сторону. Машина двинулась за мной.

Нет смысла бежать по улице, когда за тобой гонятся в машине. Я остановился и повернулся к ней лицом. Она приближалась. Я вынул руку из кармана, только когда за ветровым стеклом увидел румяное лицо Мики Лайнена.

Он распахнул передо мной дверцу.

— Так и думал, что ты сюда придешь, — сказал он, когда я уселся рядом, — но опоздал на секунду-другую. Я видел, как ты входил в дом, но не успел тебя перехватить.

— Как ты выкрутился в полиции? — спросил я. — Лучше поезжай, поговорим на ходу.

— А вот так — ничего не знал, ни о чем не догадывался, понятия не имел, над чем ты работаешь, просто случайно попал в город и встретил тебя. Старые друзья, и все такое. Они еще пыхтели надо мной, когда начались беспорядки. Меня держали в маленьком кабинете напротив зала заседаний. Когда начался цирк, я обнаружил, что в кабинете есть окно, и…

— А чем закончился цирк? — спросил я.

— Фараоны перестреляли налетчиков к чертям. Им кто-то стукнул за полчаса до налета, и вся округа уже кишела этими молодцами, которых только-только привели к присяге. Славная была драка, но и полиции тоже не поздоровилось. По слухам, это были ребята Шепота.

— Угу. Сегодня ночью Рено сцепился с Питом Финном. Слышал про это?

— Слышал только, что они встретились.

— Рено убил Пита и на обратном пути налетел на засаду. Не знаю, что было потом. Дика видел?

— Мне сказали в его гостинице, что он выехал. Торопился на вечерний поезд.

— Я отправил его домой, — объяснил я. — Он вроде бы решил, что я убил Дину Бранд. Действовал мне этим на нервы.

— А ты?

— Хочешь знать, убил ли я ее? Не знаю, Мики. Пытаюсь разобраться. Останешься со мной или вернешься, как Дик, на побережье?

Мики сказал:

— Нечего так петушиться из-за одного паршивого убийства, которого, может быть, и не было. Слушай, ты же не мог стибрить у нее деньги и побрякушки!

— Убийца их тоже не взял. В восемь утра, когда я уходил, они еще были на месте. Около девяти туда заходил Дэн Ролф. Он тоже не стал бы их брать. Но… Погоди, кажется, понимаю. Фараоны, которые нашли тело, — Шепп и Ванаман — пришли в девять тридцать. После них пропали не только украшения и деньги, но еще несколько писем к девушке от старика Илайхью. Потом я обнаружил письма в кармане у Дона. И как раз тогда оба сыщика исчезли. Соображаешь?

Когда Шепп и Ванаман увидели труп, они не сразу подняли тревогу, а сперва обшарили квартиру. Старик Уилсон — миллионер, вот они и решили, что его письма пригодятся. Забрали их вместе с остальными ценностями и передали этому жулику, чтобы тот перепродал их Илайхью. Но Дон не успел этим заняться — его убили. Письма взял я. Шепп и Ванаман струхнули. Неизвестно, знали они или нет, что писем у Дона не нашли. Все равно они боялись, что дело выйдет наружу. Деньги и драгоценности-то были у них. Они живо смылись.

— Похоже на то, — согласился Мики. — Но кто убил, все равно неясно.

— Хоть что-то ясно, и на том спасибо. Попробуем пойти дальше. Может, сумеешь отыскать

Портер-стрит? На ней есть старый склад Редмана. Как мне сказали, Ролф убил там Шепота — подошел к нему и ударил ледоломом, который вытащил из трупа девушки. Если это правда, тогда Шепот ее не убивал. Иначе он ожидал бы нападения и не подпустил бы чахоточного к себе так близко. Я хотел бы поглядеть на его труп и проверить эту версию.

— Портер-стрит? Это по ту сторону Кинг-стрит, — сказал Мики. — Начнем с южного конца, там скорее могут быть склады. А как насчет Ролфа?

— Это не он. Если он отомстил Шепоту за девушку, значит, сам Ролф ее не убивал. Кроме того, у нее на щеке и запястье были синяки, а ему силы бы не хватило их наставить. Я так полагаю, он сбежал из больницы, провел ночь Бог знает где, утром явился к девушке после моего ухода, открыл дверь своим ключом, нашел труп, решил, что это дело рук Шепота, извлек из тела ледолом и пошел искать Макса.

— Понятно, — сказал Мики. — А с чего ты взял, будто это может быть и твоя работа?

— Давай-ка лучше искать склад, — ответил я.

27. СКЛАДЫ

Мы поехали вдоль улицы, высматривая здания, похожие на брошенные склады. Было уже довольно светло. Наконец посреди заросшего травой пустыря я обратил внимание на большое квадратное ржаво-рыжее здание. От участка и от дома так и разило запустением. Он подходил по всем статьям.

— Притормози на углу, — попросил я. — Вроде как приехали. Сиди в телеге, а я пойду на разведку.

Я прошел два лишних квартала, чтобы зайти на пустырь сзади. Пересек его осторожно — не скрываясь, но без лишнего шума, слегка подергал заднюю дверь. Она, конечно, была заперта. Подошел к окну, заглянул в него, ничего не увидел из-за грязи и темноты, попробовал его открыть, но не смог сдвинуть раму.

Я обратился к другому окну — с тем же успехом. Обогнув здание, я занялся его северной стороной. Первое окно не поддалось. Когда я потянул второе, оно медленно поползло вверх, и довольно бесшумно.

Внутри, сверху донизу, рама была заколочена досками. На вид они казались крепкими и надежными.

Я обругал их, и тут меня осенило — вспомнил, что окно поднялось почти беззвучно. Я влез на подоконник, поднес руку к доскам и тихонько толкнул.

Они поддались. Я нажал посильнее. Доски отошли от рамы, показав мне ряд блестящих кончиков гвоздей.

Я отвел доски подальше, посмотрел внутрь, не увидел ничего, кроме темноты, и ничего не услышал.

Зажав револьвер в правой руке, я шагнул через подоконник в дом. Шаг влево, и я очутился в стороне от серой полосы света, падавшего из окна.

Я переложил револьвер в левую руку, а правой подтолкнул доски на место.

Целую минуту я прислушивался, затаив дыхание, — тишина. Плотно прижав к боку руку с револьвером, я начал обследовать помещение. Я двигался, еле-еле переставляя ноги, но так ни на что и не наткнулся. Наконец, левая рука, шарившая в темноте, коснулась шершавой стены. Видимо, я пересек пустую комнату.

Я двинулся вдоль стены в поисках двери. Де-

сяток коротких шажков привел меня к ней. Я приложил ухо к створке и не услышал ни звука.

Нашел ручку, осторожно повернул ее, толкнул дверь.

Что-то зашелестело.

Я сделал три вещи одновременно: отпустил ручку, прыгнул и спустил курок. И тут же получил по левой руке чем-то тяжелым и твердым, как могильная плита.

Револьверная вспышка ничего не осветила. Это всегда так — при ней только кажется, будто что-то увидел. Не зная, что бы еще сделать, я выстрелил в другой раз и в третий.

Старческий голос взмолился:

— Не надо, приятель. Не надо этого.

Я сказал:

— Зажги свет.

Спичка чиркнула по полу, разгорелась и бросила дрожащий желтый свет на потрепанное лицо. Это была одна из тех старых невыразительных физиономий, которые так хорошо сочетаются со скамейками в парке. Старик сидел на полу, раскинув костлявые ноги. На вид он был цел и невредим. Рядом с ним лежала ножка от стола.

— Вставай, зажги свет, — приказал я.

Он чиркнул второй спичкой и, вставая, береж-

но прикрыл ее ладонью. Потом прошаркал через комнату и зажег свечу на трехногом столике.

Я шел за ним вплотную. Левая рука у меня онемела от удара.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я старика, когда свеча разгорелась.

Он мог бы и не отвечать. Другой конец комнаты был забит деревянными ящиками, штабелями по шесть штук, с наклейками «Кленовый сироп „Совершенство“».

Старик принялся объяснять, что, Бог свидетель, он ничегошеньки не знает и что два дня назад человек по имени Йейтс нанял его ночным сторожем, а если что не так, он тут ни при чем, вот как перед Богом.

Я сдвинул крышку с одного ящика.

На бутылках были наклейки виски «Канадский Клуб», явно изготовленные при помощи резинового штемпеля.

Я оставил ящики в покое и, приказав старику посветить, обыскал здание. Как я и ожидал, это был не тот склад, где скрывался Шепот.

Когда мы вернулись в комнату со спиртным, моя левая рука окрепла настолько, что я уже мог поднять бутылку. Я положил ее в карман и дал старику совет:

— Лучше смывайся. Тебя взяли сюда вместо кого-то из ребят Пита Финна, а того временно зачислили в полицию. Но Пит умер, и его дело лопнуло.

Когда я вылезал из окна, старик стоял возле ящиков, жадно глядя на них, и что-то подсчитывал на пальцах.

— Ну? — спросил Мики, когда я вернулся к машине.

Я достал бутылку, в которой что-то булькало — конечно, не «Канадский Клуб», — вытащил пробку, передал бутылку ему, а потом глотнул и сам.

Он опять спросил:

— Ну?

Я сказал:

— Попробуем найти старый склад Редмана.

— Не доведет тебя до добра привычка так много мне рассказывать, — сказал Мики и стронул машину с места.

Через три квартала мы увидели полинявшую вывеску «Редман и компания». Здание было длинное, низкое, с железной крышей и почти без окон.

— Оставим карету за углом, — сказал я. — На этот раз пойдешь со мной. В прошлый поход не с

кем было разделить удовольствие.

Мы выбрались из машины. Закоулок напротив как будто бы обещал вывести нас в тылы склада. По нему мы и двинулись.

На улице уже появились прохожие, но фабрики, которыми в основном был застроен этот район, еще не ожили — слишком рано. Позади нашего здания мы обнаружили нечто любопытное. Черный ход был закрыт. На косяке и на притолоке, а также рядом с замком виднелись царапины. Кто-то поработал здесь фомкой.

Мики попробовал дверь. Она оказалась не запертой. Он стал приоткрывать ее толчками, сантиметров по пятнадцать за раз. Наконец мы смогли протиснуться внутрь.

Там, внутри, раздавался чей-то голос. Разобрать слова мы не могли, до нас доносились только слабые раскаты далекого мужского голоса, в котором звучали воинственные нотки.

Мики ткнул большим пальцем в сторону поцарапанной двери и прошептал:

— Это не фараоны.

Я сделал два шага вперед, налегая всей тяжестью на свои резиновые каблуки. Мики шел следом, дыша мне в затылок.

Тед Райт говорил, что убежище Шепота было

наверху. Отдаленный раскатистый голос вполне мог доноситься оттуда.

Я обернулся к Мики и попросил:

— Фонарик.

Он вложил мне его в левую руку. В правой я сжимал револьвер.

Мы стали пробираться дальше.

Через оставшуюся приоткрытой дверь внутрь проникало достаточно света, и мы различили впереди дверной проем без створок. По ту сторону проема была темнота.

Я прорезал эту темноту лучом фонарика, увидел следующую дверь, погасил свет и двинулся вперед. Очередная вспышка фонарика осветила лестницу, ведущую наверх.

Мы стали взбираться по ступенькам так осторожно, словно боялись их сломать.

Раскатистый голос умолк. В воздухе возникло еще что-то. Я не понимал что. Может быть, другой голос, такой тихий, что его не было слышно — если такое вообще возможно.

Я отсчитал еще девять ступенек, когда над нами отчетливо прозвучали слова:

— Конечно, я убил эту суку.

Заговорил револьвер. Он произнес одно и то же четыре раза подряд, прогремев под железной

крышей, как винтовка.

Первый голос сказал:

— Ну и пускай.

К тому времени мы с Мики уже взлетели по лестнице, ворвались в дверь и стали отдирать руки Рено Старки от горла Шепота.

Работа оказалась трудной и бесполезной. Шепот был мертв.

Рено узнал меня и уронил руки.

Глаза у него были такие же тусклые, лошадиное лицо такое же деревянное, как всегда.

Мики оттащил мертвого игрока в угол и уложил на койку.

В комнате, раньше служившей конторой, было два окна. В их свете я различил труп, запихнутый под койку, — это был Дэн Ролф. Посреди комнаты лежал армейский кольт.

Рено покачнулся, плечи у него вздрогнули.

— Ранен? — спросил я.

— Он вкатил в меня все четыре, — спокойно сказал Рено, перегнувшись пополам и прижимая руки к животу.

— Найди врача, — велел я Мики.

— Ни к чему, — сказал Рено. — У меня вообще больше нет брюха.

Я подтащил складной стул и усадил его, чтобы

он мог наклониться и держаться за живот.

Мики выбежал и помчался вниз.

— Ты знал, что он не подох? — спросил Рено.

— Нет. Я рассказал тебе то, что узнал от Теда Райта.

— Тед слишком рано смылся, — сказал он. — Я почуял что-то неладное и приехал проверить. Шепот здорово меня обдурил. Притворялся мертвым, пока не взял на мушку. — Рено уставился тусклыми глазами на труп Шепота. — Ловкий был, будь он проклят. Одной ногой в могиле, а не сдавался. Сам себе перебинтовал бок и залег здесь в одиночку, ждал меня. — Он улыбнулся. Это была единственная улыбка, которую он выдал на моей памяти. — А теперь он просто мясо, да и то тухлое.

Голос у него стал садиться. Под стулом образовалась красная лужица. Я боялся до него дотронуться. Только крепко прижатые к животу руки не давали ему развалиться на части.

Он, не разгибаясь, взглянул на лужицу и спросил:

— Как это ты додумался, что не ты ее пришил?

— Просто надеялся на лучшее, — сказал я. — Ты у меня был на подозрении, но я не был уверен до конца. Я в ту ночь накачался до беспамятства и

видел сны, со звонками, голосами и всякой прочей чертовней. До меня потом дошло, что, может быть, это не просто сны были, а кошмары, от того, что творилось вокруг. Когда я проснулся, свет не горел. Я подумал, что вряд ли я сперва ее убил, потом пошел выключил свет, а потом вернулся и опять схватился за ледолом. Что-то тут было не так. Ты знал, что я в тот вечер был у нее, и обеспечил мне алиби без запинки. С чего бы? Дон стал шантажировать меня после того, как услышал рассказ Элен Олбури. Полиция, услышав тот же рассказ, связала вместе тебя, Шепота, Ролфа и меня. Я обнаружил Дона убитым после того, как неподалеку встретил в машине О'Марру. Похоже было, что законник пытался шантажировать и тебя. Тут я понял, что полиция подозревает всех вас точно так же, как меня. Против меня было то, что Элен Олбури видела в тот вечер, как я входил или выходил из дома Дины. Нетрудно было сообразить, что и против вас всех они имеют то же самое. У меня были основания сбросить Шепота и Ролфа со счетов. Оставались двое: ты — и я. Одного я только понять не мог — зачем тебе было ее убивать?

— То-то и оно, — сказал он, следя за тем, как растет на полу красная лужица. — Сама во всем

виновата, будь она неладна. Позвонила мне и говорит, что к ней едет Шепот. Мол, если я успею его обогнать, тут ему и крышка. Хороший вариант. Еду туда, околачиваюсь поблизости, а его все нет и нет.

Он замолчал, делая вид, будто его заинтересовали очертания, которые принимает красная лужица. Я-то знал, что его остановила боль, но знал также, что когда он возьмет себя в руки, то будет говорить дальше. Он намеревался умереть так же, как жил, — в том же жестком панцире. Наверное, говорить было для него пыткой, но он не собирался умолкать, пока на него хоть кто-то смотрит. Это был Рено Старки, который мог вынести что угодно, не моргнув глазом, и свою игру он хотел вести до конца.

— Я устал ждать, — заговорил он через секунду. — Стукнул ей в дверь и спросил, что же получается. Она повела меня в дом, сказала, что никого нет. Я, конечно, засомневался, но она побожилась, что дома одна, и мы пошли на кухню. Тут я начал думать — может, это не Шепоту, а мне ставят ловушку, я ведь Дину хорошо знал.

Вошел Мики и сказал, что вызвал «скорую помощь». Рено использовал это время для передышки, затем продолжал:

— Потом-то я узнал, что Шепот и вправду звонил ей, приезжал, только раньше меня. Ты к тому времени уже отрубился. Дина побоялась впускать Шепота, и он отвалил. А мне она про это не сказала. Испугалась, что я уеду и она останется одна. Тебя все равно что нет, а ей нужна была защита — вдруг Шепот опять заявится. Тогда-то я ничего про это не знал. Но Дину я знал хорошо и опасался, как бы во что не вляпаться. Я решил потрепать ее немножко, чтобы выложила правду. Тут она хватает ледолом и как заорет. Вдруг — шаги. Так, думаю, вот тебе и мышеловка.

Он говорил все медленнее, ему требовалось все больше времени и сил, чтобы спокойно и четко произносить каждое слово. Язык у него стал заплетаться.

— Я подумал, что ж мне, одному пропадать? Вырвал у Дины ледолом и засадил в нее. Тут ты вылетаешь галопом, налитый до краев, и прешь невесть куда с закрытыми глазами. Она на тебя натыкается. Ты падаешь вместе с ней, переворачиваешься, а рукой попадаешь на ледолом. И засыпаешь мирным сном, ухватившись за рукоятку. А я только теперь соображаю, что натворил. Но, черт побери, она уже не дышит. Ничего не поделаешь. Я гашу свет и еду домой. А когда ты…

Усталые санитары — в Отравилле им не особенно давали отдыхать — вошли с носилками и прервали повесть Рено. Я обрадовался их приходу. Все, что мне было нужно, я узнал, а сидеть здесь, глядя, как он заговаривает себя до смерти, было не так уж приятно.

Я отвел Мики в угол и прошептал ему на ухо:

— Работай дальше сам. Я смываюсь. Со мной все в порядке, но я слишком хорошо знаю Отравилл, чтобы рисковать. Поеду в твоей машине куда-нибудь в пригород и сяду в поезд на Огден. Остановлюсь там в гостинице «Рузвельт» под именем П. Ф. Кинг. Продолжай работу и дай мне знать, как быть дальше, — жить ли снова под собственной фамилией или лучше уехать в Гондурас.

Большую часть недели, проведенной в Огдене, я потратил на то, чтобы из моих отчетов нельзя было понять, через сколько правил нашего агентства, законов штата и человеческих трупов я переступил. Мики прибыл только на шестой вечер.

Он рассказал, что Рено умер, что я официально больше не считаюсь преступником, что почти вся добыча возвращена Первому Национальному банку, что Максуэйн признался в убийстве Тима

Нунана и что Отервилл, в котором ввели военное положение, превращается в благоухающую цветочную клумбу.

Мы с Мики вернулись в Сан-Франциско.

Я напрасно потратил столько сил, стараясь придать своим отчетам благопристойный вид. Старика они не ввели в заблуждение, и он задал мне хорошую взбучку.